

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

В. П. Ломакин

СОВЕТСКОЕ ПРИМОРЬЕ И ЕГО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

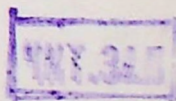
О. А. Александров

Д. В. Сергеев

БОРЬБА НАРОДОВ ИНДОКИТАЯ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АГРЕССИИ США НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

М. Н. Сладковский

КИТАЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

1

1972

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 От редакции
- 5 Решения XXIV съезда КПСС, проблемы единства социалистических стран и укрепления мира на Дальнем Востоке
- 12 Об актуальных задачах советского китаеведения

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 28 Советское Приморье и его внешнеэкономические связи
В. П. Ломакин
- 34 Некоторые особенности экономической политики Пекина в странах «третьего мира»
М. В. Фоличева
- 48 Борьба народов Индокитая против империалистической агрессии США на современном этапе
О. А. Александров, Д. И. Сергеев
- 60 Китайско-японские отношения (уроки истории, современность)
М. Н. Сладковский
- 77 Военные блоки в Азии и американо-китайские отношения
А. П. Марков
- 90 Социально-политические перемены в Бирме
В. С. Котляров
- 97 Экономические отношения СССР и Японии
Н. П. Ширяев

ИДЕОЛОГИЯ

- Об одном реакционном идейно-политическом анахронизме XX века
В. А. Кривцов

ИСТОРИЯ

- Китайская Народная Республика и Организация Объединенных Наций
К. Г. Кирлин

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

- Из истории борьбы двух линий в литературе и искусстве КНР («Десять тезисов 1961 года»)
В. Ф. Волжанин

но - 1443 W

СИНОВОСЛОВСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА АН СССР

- О некоторых тенденциях в развитии современной япон-
ской прозы
142 *В. В. Логунова*

- Лингвистические проблемы в китайском обществе
153 *М. В. Софронов*

КОММЕНТАРИИ И НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

- Новые веяния на Филиппинах
164 *И. В. Кравцов*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Маонизм в теоретическом облачении
170 *Н. Г. Сенин*

- Южная Корея и США
174 *В. Б. Воронцов*

- Дж. Сервис. О некоторых проблемах истории америка-
но-китайских отношений
177 *В. Б. Орлов*

- Рихард Зорге — журналист и востоковед
180 *Д. М. Дубровский*

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

- Директива ЦК КПК о дипломатической работе
184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Всесоюзная конференция китайоведов
188 *Р. А. Мировицкая*

- На XXIII международном конгрессе китайоведов
191 *В. Ф. Сорокин*

- Национально-освободительное движение и вопросы борь-
бы против современного антикоммунизма
194 *Н. Н. Костин*

- И теория, и практика. (О пятой научной конференции
«Теоретические проблемы изучения литератур Даль-
него Востока»)
197 *С. А. Торопцев*

- Советские литературоведы в ДРВ
200 *В. И. Семанов*

- 203 **СОБЫТИЯ, ЦИФРЫ, ФАКТЫ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции: Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 14, кор. 2. Тел. 127-08-49

Сдано в набор 11.11.1972 г. Подписано к печати 24.11.1972 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6¹/₂.
Печ. л. 18,2. А07036. Уч.-изд. л. 17,26. Изд. № 15180. Заказ № 304 Цена 50 к. Тираж 5 000.
Издательство «Прогресс» Комитета по печати при Совете Министров СССР Москва, Г-21.

Зубовский бульвар, 21
Чеховский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
г. Чехов, Московской области

От редакции

Институт Дальнего Востока АН СССР начинает издание нового научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока», ставящего своей задачей освещение международных проблем Дальнего Востока, а также жизни народов стран этого региона.

Дальний Восток и примыкающая к нему Юго-Восточная Азия — один из главных районов, где американские империалисты проводят политику агрессии и военных авантур, направленных прежде всего против социалистических стран, национально-освободительного движения, нейтралистских и неприсоединившихся стран. Особое место в журнале будет уделено разоблачению планов американского империализма, осуществляющего вооруженную агрессию против народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, которые, опираясь на помощь социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, оказывают героическое сопротивление агрессорам.

Военная авантюра американского империализма, а также ряд других важных социально-политических процессов в странах этого региона чрезвычайно осложняют общую обстановку в Азии.

Поэтому проблемы Дальнего Востока требуют глубокого научного анализа и освещения на страницах специального печатного органа. Это и послужило одной из причин появления нашего журнала. Читатели найдут в журнале материалы, посвященные событиям на Дальнем Востоке в целом, а также экономике, внутренней и внешней политике, общественной мысли и культуре стран Дальнего Востока.

На страницах журнала будут публиковаться работы советских ученых и практических работников — специалистов по дальневосточным проблемам — китаеведов, японоведов, монголоведов, коренстов, а также международников, экономистов, социологов, философов, литературоведов, историков, журналистов, которые так или иначе занимаются проблемами стран этой части мира. Само собой разумеется, что журнал уделит самое серьезное внимание показу и пропаганде ленинского внешнеполитического курса Советского Союза на Дальнем Востоке, в котором реализуется программа мира, принятая на XXIV съезде КПСС.

Журнал будет регулярно публиковать материалы о жизни и взаимоотношениях стран Дальнего Востока, идущих по пути строительства социалистического общества. Одна из задач журнала — изучение специфики социалистического строительства в странах Дальнего Востока. При этом мы рассчитываем на помощь и сотрудничество государственных и общественных деятелей, а также научных работников МНР, КНДР и ДРВ.

Интересы народов Дальнего Востока, долговременные интересы социализма и мира настоятельно требуют коренного улучшения отноше-

ний между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Как известно, Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство делают для этого все, что от них зависит. «Мы готовы всемерно содействовать не только нормализации отношений,— говорил на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев,— но и восстановлению добрососедства и дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и выражаем уверенность, что в конечном счете это будет достигнуто».

В связи с этим наш журнал считает одной из своих главных задач содействие делу нормализации советско-китайских отношений путем систематического освещения усилий Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, направленных на это, а также показа состояния советско-китайских отношений во всех аспектах — политическом, экономическом и культурном. Мы будем широко знакомить читателей с событиями, происходящими в Китае, состоянием китайской экономики, внутренней и внешней политики, идеологии и культуры. Одновременно редакция журнала исходит из того, что разоблачение и борьба против великоханьского национализма маоистов, принявшего форму социал-шовинизма милитаристского толка, как и борьба против правого и «левого» оппортунизма и ревизионизма, по-прежнему являются задачей первостепенной важности. В меру своих возможностей журнал будет способствовать решению этой задачи, ибо сплочение социалистических стран и международного коммунистического движения в интересах совместных действий против империализма возможно только на марксистско-ленинской основе.

В нашем журнале читатель найдет также информацию о положении в Японии, о ее внешней политике, отношениях с СССР, КНР, США и государствами Дальнего Востока. Соответствующее внимание журнал уделит экономическим и социальным проблемам Японии, состоянию ее общественно-политической мысли и культуры. Мы рассчитываем, что в журнале будут выступать прогрессивные японские ученые.

В заключение следует подчеркнуть, что редакция рассчитывает сделать журнал «Проблемы Дальнего Востока» таким журналом, в котором будут подниматься и глубоко анализироваться наиболее острые, актуальные проблемы жизни государств и народов Дальнего Востока. Без широкого участия в нашем журнале советских специалистов в этой области, а также без содействия наших читателей добиться этого будет трудно. Поэтому редакция надеется на их сотрудничество, помощь, пожелания и предложения.

Решения XXIV съезда КПСС, проблемы единства социалистических стран и укрепления мира на Дальнем Востоке

XXIV съезд КПСС дал глубоко научный анализ современного общественного развития и с учетом особенностей современного периода истории подтвердил и конкретизировал ленинские принципы внешней политики. Исходя из этих принципов и богатейшего опыта Советского государства на международной арене, XXIV съезд принял развернутую программу борьбы за прочный мир, сотрудничество и взаимопонимание народов различных стран, за свободу и независимость народов. Эта программа предусматривает проведение в жизнь продуманной системы мер, направленных на оздоровление международной обстановки и укрепление мира и безопасности народов на всех континентах земного шара. Она выражает принципиальную и последовательную линию КПСС и Советского правительства в международных делах, линию твердую и решительную, не связанную с теми или иными временными, конъюнктурными соображениями.

Внешнеполитический курс, определяющийся решениями XXIV съезда КПСС, настойчиво и последовательно проводится в жизнь и приносит уже свои положительные результаты. Это дает основание мировой прессе писать о «мирном наступлении» Советского Союза на международной арене. Деловые контакты советских руководителей с государственными деятелями других стран стали нормой. СССР активно участвует во всех международных акциях, имеющих целью разрядку напряженности и укрепление мира. Масштабы и содержание мероприятий, осуществляемых КПСС и Советским государством на международной арене в соответствии с решениями XXIV съезда КПСС, показывают, какую огромную силу представляет Советский Союз, выступающий в тесном сотрудничестве со странами социалистического содружества, как велики их авторитет и влияние в международных делах.

В борьбе за мир и безопасность народов первостепенное значение имеют всемерное укрепление единства и сотрудничества социалистических стран, координация их внешнеполитической деятельности.

Разрабатывая практические мероприятия по претворению в жизнь решений съезда, ноябрьский (1971 г.) Пленум Центрального Комитета КПСС отметил, что «содружество социалистических стран было и остается главной силой, противостоящей мировому капитализму, могучим

оплотом освободительных движений современности. Всемерно укреплять позиции мирового социализма, добиваться дальнейшей консолидации социалистических государств, дальнейшего развития дружбы и сотрудничества с ними — в этом КПСС видит свой интернациональный долг, одну из основных задач своей международной политики».

Тесное сотрудничество братских партий опирается на единую идейно-политическую платформу мирового социализма — на принципы марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма. В этом свете материалы и документы, опубликованные в результате многочисленных встреч и переговоров советских руководителей с государственными деятелями братских социалистических стран, показывают, что мировая социалистическая система вступает на новую, более высокую ступень своего развития.

Важнейшими принципами внешней политики социалистических государств, неотъемлемой частью программы мира, разработанной XXIV съездом КПСС, являются всемерная поддержка национально-освободительного движения, содействие странам, освободившимся от колониальных пут и развивающимся по пути независимости. Последние события на Индостанском полуострове с новой силой продемонстрировали принципиальную позицию Советского Союза и других социалистических стран в отношении вопросов национально-освободительного движения. Энергичный и целенаправленный характер акций, предпринятых Советским Союзом и другими социалистическими странами, был направлен прежде всего на обеспечение интересов национально-освободительного движения народа Бангладеш, в интересах мира на Азиатском континенте.

Азия, как подтверждают события, является одним из тех континентов, который особенно нуждается в стабильном, длительном мире как в одном из условий, позволяющих использовать создаваемые богатства и ценности для решения социальных, экономических и культурных задач, стоящих перед ее народами.

Для сохранения и укрепления мира в Азии в первую очередь необходимо нормализовать обстановку в тех ее районах, где по тем или иным причинам возникла напряженность, чреватая опасностью перерасти из локального в международный конфликт.

Империалистические державы во главе с США, не отказавшись от надежд восстановить свои пошатнувшиеся после второй мировой войны позиции на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, проводят в этом районе мира политику агрессии и военных авантюр против народов, вставших на путь строительства социализма и национальной независимости.

Для достижения своих целей империализм США осуществляет целый комплекс мер, направленных против коренных интересов и устремлений народов Азии. Главные из них — агрессия США во Вьетнаме, их вторжение в Лаос и Камбоджу, использование территории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии для размещения вооруженных сил и строительства военных баз США, организация военных блоков — СЕАТО и АНЗЮС, заключение так называемых двусторонних договоров между США и проимпериалистическими правительствами и кликами азиатских стран.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий (1969 г.) так определило сложившуюся ситуацию в этой части земного шара: «Юго-Восточная Азия, Дальний Восток — один из главных районов, где империалисты проводят политику агрессии и военных авантюр. СЕАТО, АНЗЮС, так называемый договор безопасности между США и

Японией дополняются фактической оккупацией юго-западной части Тихого океана и Индийского океана американскими вооруженными силами. Вся эта система нацелена прежде всего против социалистических стран Азии, национально-освободительного движения, а также нейтралистских и не присоединившихся к военным блокам государств этого района».

Пронски врагов мира в Восточной Азии представляют серьезную угрозу интересам и безопасности азиатских народов. Однако исторический опыт показывает, что эффективность подрывной политики империализма ослабевает по мере того, как растут экономическое и военное могущество, международный престиж, влияние и сотрудничество стран социалистического содружества, выступающих совместно с молодыми, независимыми странами Азии и Африки, со всеми прогрессивными силами мира. В этом заключается единственно правильный ответ на вопрос о том, как разрешить сложные и противоречивые международные проблемы Дальнего Востока и других районов Азии, как обеспечить прочный и стабильный мир азиатским народам.

Социалистические страны играют решающую роль в антиимпериалистической борьбе, вносят неоценимый вклад в дело разрядки международной напряженности, срыва планов империалистических агрессоров и предотвращения войны.

Роль социалистических стран как фактора мира на Дальнем Востоке проявляется особенно наглядно в связи с той огромной помощью, которую они оказывают народам Индокитайского полуострова, где героические сыны и дочери Вьетнама и славные патриоты Лаоса и Камбоджи ведут бесстрашную борьбу против американских интервентов и их наемников. Именно история борьбы народов Индокитая подтверждает необходимость единства действий и координации внешнеполитической деятельности братских партий и стран социалистического содружества.

Международное положение на Дальнем Востоке настоятельно требует сплочения всех прогрессивных, миролюбивых сил, их совместных выступлений против пронсков империализма, активизирующего свою подрывную, агрессивную деятельность в Азии. КПСС и Советское правительство ведут последовательную борьбу за консолидацию всех антиимпериалистических сил, за сплочение социалистических стран и коммунистических партий на марксистско-ленинской основе как во всем мире, так и на Дальнем Востоке.

Между народами Советского Союза и ДРВ сложились отношения крепкой боевой дружбы и братской социалистической солидарности. Советский Союз оказывает ДРВ всестороннюю помощь в развитии народного хозяйства страны, в построении в ней социализма и защите ее от американской агрессии. «Демократическая Республика Вьетнам, — подчеркивалось в Отчетном докладе Л. И. Брежнева XXIV съезду КПСС, — может быть уверена, что и в вооруженной борьбе, и в мирном труде она может и в дальнейшем рассчитывать на братскую поддержку Советского Союза». Советский Союз решительно осуждает эскалацию бомбардировок США территории ДРВ и требует немедленного ее прекращения. Советский Союз, как и ДРВ, полностью поддерживает предложения из 7 пунктов, выдвинутые Временным революционным правительством Республики Южный Вьетнам. КПСС и Советское правительство считают, что эти предложения представляют реальную основу для справедливого урегулирования проблемы.

Успешно развиваются отношения Советского Союза с Корейской Народно-Демократической Республикой. В СССР находит понимание и поддержку курс правительства КНДР на мирное объединение страны.

На протяжении многих лет не прекращаются военные и политические провокации американского империализма против этой страны социалистического содружества в Азии. США, оккупировав Южную Корею и заключив с реакционным южнокорейским режимом военный союз, препятствуют восстановлению национального единства Кореи, мирному ее объединению. Наша страна поддерживает требование корейского народа о выводе из Южной Кореи вооруженных сил США.

Сердечные, дружеские отношения неизменно связывают Советский Союз и Монгольскую Народную Республику. СССР и Монголия тесно сотрудничают на международной арене, координируют свою внешнеполитическую деятельность. Советский Союз способствует укреплению международных позиций МНР, помогает росту ее внешнеполитических связей и международного авторитета. Монгольская Народная Республика со своей стороны оказывает необходимую внешнеполитическую поддержку Советскому Союзу.

Советский Союз и братские социалистические страны Дальнего Востока связывают тесные экономические отношения, продиктованные стремлением всячески помочь друг другу в развитии их народного хозяйства. Хорошо известно, что большая бескорыстная помощь, которая оказывается Советским Союзом в строительстве и реконструкции промышленных и сельскохозяйственных объектов в братских странах этого региона, способствует ускорению темпов их экономического развития и росту эффективности общественного производства, его кооперации и специализации, ориентации на новейшие достижения науки и техники. Все это открывает перспективы дальнейшего экономического сближения братских социалистических стран Дальнего Востока. Экономическое сближение социалистических стран — явление в высшей мере прогрессивное и исторически predetermined. Оно предполагает новый подход ко многим экономическим вопросам.

Миролюбивая роль стран социализма в укреплении мира на Дальнем Востоке могла бы быть гораздо эффективнее, если бы не «особая позиция» пекинских руководителей. Проблема безопасности на Дальнем Востоке значительно осложнилась после того, как китайские руководители выступили со своей особой идейно-политической платформой по основным вопросам международной жизни и мирового коммунистического движения. Будучи несовместимой с ленинизмом и враждебной пролетарскому интернационализму, эта платформа вызвала коренные изменения во внешнеполитическом курсе и ориентации КНР. Из государства, которое шло в едином строю со странами социализма и было на Дальнем Востоке фактором мира, КНР превратилась, по существу, в проимпериалистическую силу. Китайское руководство ведет интенсивную антисоветскую политику, пытаясь на основе антисоветизма найти себе «друзей» в стане империализма.

На данном историческом этапе империализм для маоистов практически становится партнером в борьбе против мировой социалистической системы и, по существу, как свидетельствуют многочисленные факты, против национально-освободительного движения. В последние годы маоисты дали империалистическим странам достаточно доказательств своей готовности пойти с ними на компромисс или, во всяком случае, идти параллельным антисоциалистическим курсом.

Пекинское руководство выступает против всех предложений, направленных на разрядку международной обстановки и укрепление мира. Оно заняло отрицательную позицию в вопросе о созыве Всемирной конференции по разоружению, в вопросе о созыве конференции по ядерному разоружению пяти «ядерных» держав. Оно не поддерживает вступив-

ший в силу договор о нераспространении ядерного оружия, выступает против договоров, запрещающих размещение ядерного оружия в космосе и на дне морей и океанов, а также против договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.

Эта позиция маоистов преследует цели нагнетания и обострения международной напряженности во всем мире, сохранения военных конфликтов в разных районах земного шара, и в частности в Юго-Восточной Азии. Она отвечает и интересам американского империализма, который пытается силой оружия подавить национально-освободительное движение в Индокитае.

Великодержавная, шовинистическая политика маоистов привела их, таким образом, к контрреволюции. «Сегодня группа Мао на всех фронтах занимает антикоммунистическую позицию, служа орудием воинственных кругов Вашингтона, помогая осуществлению их агрессивных целей», — указал член Политбюро ЦК Компартии Венесуэлы Эдуардо Мачадо.

Практическая деятельность Пекина, основанная на антисоветизме, на попытках расколоть антимпериалистический фронт, вызвала изменения в позиции ведущих империалистических держав по отношению к китайскому руководству. В частности, американские империалисты, идя на сближение с пекинскими лидерами, рассчитывают использовать их в борьбе против стран социалистического содружества, против национально-освободительного движения.

Кульминацией тщательно организованной серии шагов, предпринятых Вашингтоном и нашедших благоприятный отклик в Пекине, явился визит в КНР президента Никсона.

Последние шаги Пекина к сближению с США, нашедшие свое выражение в различных актах — от «пингпонговой дипломатии» до визита в Пекин президента США, — не являются в строгом смысле слова новым моментом в стратегии маоистов и Вашингтона. В опубликованных секретных документах американского правительства говорится, что уже во время подготовки воздушного нападения на ДРВ Вашингтон учитывал «стратегически выгодную» для себя ситуацию в связи с антисоветским курсом пекинского руководства. В ходе войны во Вьетнаме Пекин, развернув широкую антисоветскую кампанию и отказавшись от единства действий, затруднял оказание помощи вьетнамскому народу со стороны социалистических государств. США, учитывая антисоциалистический курс Мао и его группы, преследовали прежде всего политическую цель — использовать позицию КНР в своих корыстных целях.

Положенная в основу американской политики в Азии «гуамская доктрина» Никсона предполагала в качестве одного из существенных своих элементов американо-китайскую «нормализацию». Один из первых шагов в сторону такой «нормализации» выразился в отмене существовавшего в течение 20 лет эмбарго на торговлю с КНР. Одновременно с переговорами о визите Никсона в Пекин Белый дом впервые заявил о своем принципиальном согласии на допуск КНР в ООН. Хотя, как хорошо известно, на протяжении двадцати двух лет Вашингтон упорно срывал многократные попытки Советского Союза, других миролюбивых государств добиться восстановления в ООН законных прав КНР.

Советский Союз всегда осуждал политику изоляции КНР, политику угроз и провокаций, которую США проводили в послевоенные годы в отношении китайского народа. Он считает, что процесс нормализации отношений между этими двумя крупнейшими державами не должен идти в ущерб делу мира на Дальнем Востоке и в Азии, в ущерб националь-

ным интересам других стран. С этой, и только с этой позиции Советский Союз, как и другие миролюбивые государства, подходит к оценке фактов и событий, связанных с процессом нормализации отношений между КНР и США.

Отметая антиленинскую платформу и антисоветизм маоистов, КПСС и Советское правительство проводят курс на нормализацию государственных отношений между СССР и КНР. Эта принципиальная политика, подтвержденная XXIV съездом партии, сочетает неукоснительное отстаивание принципов марксизма-ленинизма, всемерное укрепление единства социалистического содружества и мирового коммунистического движения, защиту интересов нашей социалистической Родины с готовностью нормализовать отношения между СССР и КНР, восстановить дружбу и добрососедство между советским и китайским народами. Эта политика КПСС и Советского правительства проводится последовательно, неизменно, на принципиальной основе. Однако этот курс наталкивается на упорное сопротивление пекинских руководителей.

СССР, развивая братское сотрудничество с социалистическими странами, в то же время стремится к установлению добрососедских отношений с капиталистическими государствами, основанных на принципах мирного сосуществования. В частности, на XXIV съезде КПСС отмечалось наличие немалых возможностей для расширения советско-японских связей. Полная нормализация отношений Японии с Советским Союзом на соответствующей договорной основе, говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду, «соответствовала бы долговременным интересам народов обеих стран, интересам мира на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана».

В настоящее время благодаря обоюдным усилиям достигнут значительный прогресс во многих областях советско-японских отношений. Стали регулярными взаимные визиты государственных и политических деятелей, активно развиваются парламентские связи, расширился научно-технический и культурный обмен. Япония стала крупнейшим торговым партнером Советского Союза среди развитых капиталистических стран.

Укрепление добрососедства, расширение торгово-экономических связей, а также совместные усилия в решении таких важных международных проблем, как, например, ликвидация существующих очагов военной опасности, отвечали бы чаяниям и миролюбивым устремлениям советского и японского народов.

СССР стремится развивать добрососедские, взаимовыгодные отношения и с другими капиталистическими странами Дальнего Востока.

Однако Советский Союз, выступая за развитие таких отношений, не поступался и не поступится принципами пролетарского интернационализма. За все время своего существования СССР никогда не решал своих политических и экономических проблем за счет интересов других народов и государств. Он неуклонно разоблачает агрессивную и неокOLONиалистскую сущность политики империализма, решительно выступает против тех, кто создает угрозу делу мира в Азии и на Дальнем Востоке. В целях сохранения мира на Дальнем Востоке и в других частях земного шара Советский Союз большое значение придает вопросам прекращения гонки вооружений и разоружения, поддерживает идею создания системы коллективной безопасности в Азии, безъядерных зон и ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях. Советский Союз последовательно и решительно борется за осуществление этих мер и готов со своей стороны поддерживать шаги любого государства в этом направлении.

Советская политика всегда была и остается политикой мира, и в этом ее огромная сила, основа ее успеха. Укрепление единства социалистических стран, всех антиимпериалистических сил является решающим условием упрочения сил мира, демократии и социализма. «И мы заявляем, — подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду, — что, последовательно проводя политику мира и дружбы между народами, Советский Союз и впредь будет вести решительную борьбу против империализма, давать твердый отпор проискам и диверсиям агрессоров. Мы, как и прежде, будем неуклонно поддерживать борьбу народов за демократию, национальное освобождение и социализм».

Об актуальных задачах советского китаеведения

I

Советское китаеведение, как и все советское востоковедение, неразрывно связано с именем Владимира Ильича Ленина, который уделял исключительно большое внимание изучению проблем освободительной борьбы народов Востока и их роли в мировом революционном процессе. Мы являемся свидетелями того, как сбываются пророческие слова В. И. Ленина: «За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»¹.

Советское китаеведение с самого начала строилось на основе глубоко научной марксистско-ленинской методологии. Оно унаследовало лучшие демократические традиции русского китаеведения, которое служило целям ознакомления народов России с многовековой культурой великого восточного соседа нашей страны — Китая. Одновременно в русском китаеведении нашли выражение симпатии прогрессивных революционно-демократических кругов России в отношении борьбы китайского народа против колонизаторов.

Ленинские работы («Китайская война», «Горячий материал в мировой политике», «Демократия и народничество в Китае», «Борьба партий в Китае», «Обновленный Китай», а также «Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока» и др.) были и остаются краеугольным камнем советского востоковедения и китаеведения, основой их методологии. Эти работы являются ярким образцом пролетарского классового подхода к анализу сложнейших проблем национально-освободительной борьбы, расстановки социальных сил в Китае, взаимосвязи борьбы китайского народа с международным революционным процессом. В ленинских работах послеоктябрьского периода намечены стратегические задачи китайской революции, даны определения характера и классовых движущих сил этой революции, указывается на

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 328.

особую роль крестьянства как самого массового союзника рабочего класса в революции.

Особое значение для изучения актуальных проблем китайской революции имеет ленинское указание об опасности реакционного национализма и устойчивости влияния националистических предрассудков в тех странах, которые идут к социализму, минуя развитое капиталистическое общество, не имея в революционном потоке монолитного закаленного пролетарского ядра. В этой связи, подчеркивал В. И. Ленин, перед коммунистической партией такой страны стоит задача не только всемерно способствовать формированию рабочего класса, росту его политического сознания и единства, но и добиваться установления действительной связи рабочего движения своей страны, всех трудящихся своей страны с мировым рабочим движением, слиться в общей борьбе с пролетариями других стран².

Принципиальное значение имеют также ленинские положения об особенностях процесса соединения марксизма с революционным сознанием масс в таких экономически отсталых странах, как Китай, поскольку в нашу эпоху «социалистическая революция, — отмечал В. И. Ленин, — не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»³.

Поэтому задачи марксистов в колониальных и полуколониальных странах становятся особенно трудными и ответственными. «Здесь перед вами, — говорил В. И. Ленин в докладе на II съезде коммунистических организаций народов Востока, — стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира; опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков... Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока»⁴.

Развитие событий в Китае, когда мелкобуржуазной националистической стихии удалось уже после победы революции в обстановке успехов социализма захлестнуть Компартию Китая и ее руководство, делает весьма актуальными ленинские предупреждения о важности для пролетариата решения исторической задачи «переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества», всеми силами сопротивляться попыткам мелкобуржуазных идеологов «навязывать свои теории, свое мировоззрение, то есть свою ограниченность рабочей партии»⁵.

Коммунистическая партия Советского Союза, Коминтерн на протяжении длительной революционной борьбы китайского народа за свое освобождение оказывали Компартии Китая существенную теоретическую, практическую и материальную помощь. Многие видные советские коммунисты по воле нашей ленинской партии были направлены в Китай и принимали активное участие в китайской революции, оказывая боль-

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 327.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 329.

⁵ Там же, т. 19, стр. 107.

шую интернациональную помощь китайским коммунистам в подготовке революционных кадров, в разработке стратегии и тактики революции, в пропаганде в Китае идей марксизма-ленинизма.

Богатая история отношений нашей страны с Китаем в течение веков позволила отечественному китаеведению впитать в себя не только лучшие демократические традиции из далекого прошлого, но и обогатить науку о Китае опытом совместной революционной борьбы наших народов, их сотрудничества в ходе социалистического строительства в первое десятилетие после создания КНР.

II

Оформившийся в конце 50-х годов в качестве самостоятельной идейно-политической платформы великодержавный шовинистический курс китайского руководства стал главным препятствием на пути развития братских отношений между двумя соседними государствами и народами.

Маоисты пытаются переориентировать политику Китая на сближение с империалистическими державами, выступают в качестве откровенных пособников американского империализма. Такая политика не только нанесла огромный ущерб самому Китаю, поставила под угрозу социалистические завоевания китайских трудящихся, но и подрывает мировое коммунистическое и национально-освободительное движение, разобщает антиимпериалистический единый фронт народов, дискредитирует идеалы социализма и коммунизма.

На XXIV съезде КПСС было подчеркнуто: «Китайские руководители выступают со своей особой, несовместимой с ленинизмом идейно-политической платформой, направленной на борьбу против социалистических стран, на раскол международного коммунистического и всего антиимпериалистического движения»⁶. В этих условиях наша партия, ее ленинский Центральный Комитет заняли единственно правильную позицию — «позицию последовательного отстаивания принципов марксизма-ленинизма, всемерного укрепления единства мирового коммунистического движения, защиты интересов социалистической родины»⁷. В резолюции XXIV съезда КПСС говорится: «Съезд решительно отвергает клеветнические вымыслы китайской пропаганды по поводу политики нашей партии и государства. В то же время наша партия выступает за нормализацию отношений между СССР и КНР, восстановление добрососедства и дружбы между советским и китайским народами. Улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным, долговременным интересам обеих стран, интересам мирового социализма, интересам усиления борьбы против империализма»⁸.

Это положение съезда является принципиальной основой позиции нашей партии в китайском вопросе в целом, в советско-китайских отношениях в частности.

Оценки по китайскому вопросу, теории и практике маоизма, которые были даны в материалах XXIV съезда КПСС, пленумов ЦК КПСС, а также на московском Совещании коммунистических и рабочих партий

⁶ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., стр. 192.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

1969 года, имеют большое значение, они указывают цель, дают метод для изучения самых острых сторон китайской проблемы.

Ленинский курс нашей партии, ее решительная и последовательная борьба против великодержавной политики пекинского руководства позволили добиться весомых результатов, сорвать многие опасные замыслы маонистов, добиться укрепления единства стран социализма, всех революционных антиимпериалистических сил современности.

Можно с полным основанием утверждать, что отказ Пекина от наиболее одиозных действий в своей внешней и внутренней политике, попытки придать «респектабельность» своим маневрам определяются в значительной степени влиянием ленинского курса нашей партии.

Более 10 лет наша партия, марксисты-ленинцы всего мира ведут борьбу с одним из самых опасных оппортунистических антиленинских течений, которое знала история революционного движения. В самом общем виде итоги борьбы против теории и практики маоизма, которую КПСС вела и ведет вместе с другими братскими партиями, выражаются в следующем:

в идеологической области — в глазах мирового общественного мнения, а в известной мере и в китайском обществе разоблачен разрыв так называемых «идей Мао Цзэ-дуна» с марксизмом, теоретическая несостоятельность особой, несовместимой с ленинизмом платформы китайского руководства;

в международном коммунистическом движении — отбиты претензии Мао Цзэ-дуна и его окружения на роль лидеров движения. Ни одна партия не поддержала пекинский тезис об «идеях Мао» как «вершине марксизма-ленинизма в современную эпоху» и выдвинутую маонистами «генеральную линию мирового коммунистического движения» (пресловутые «25 пунктов»). Сорваны попытки насадить повсюду промаонистские группы и «партии», оформить обособленное политическое течение с центром в Пекине. Несмотря на все старания маонистов и их сторонников помешать созыву нового международного совещания коммунистов, оно, как известно, состоялось и нанесло сильный удар по раскольническим планам Пекина;

в социалистическом содружестве — парализованы усилия китайского руководства, направленные на создание пропекинского блока из числа социалистических государств. Стремления Пекина торпедировать коллективные организации (Совет Экономической Взаимопомощи и Варшавский Договор) не увенчались успехом. Подавляющее большинство социалистических стран все теснее спланивается вокруг Советского Союза;

в национально-освободительном движении — сорваны замыслы Пекина установить свою гегемонию в этом движении, сколотить под своей эгидой, используя националистические лозунги, блок «бедных и малых стран и угнетенных наций», разрушить связи развивающихся государств с СССР и другими социалистическими странами;

во внешнеполитической области — китайские руководители разоблачены как сторонники обострения международной напряженности, раскрыт разрыв Пекина с классовой социалистической внешней политикой, углубился процесс развенчания показной «революционности» пекинских лидеров. Наиболее разительным примером в этом смысле является совместная борьба Вашингтона и Пекина против национально-освободительного движения в Бангладеш, февральские переговоры лидеров КНР и США в Пекине.

III

Политика Советского Союза и других социалистических стран, идущих ленинским путем, интернационалистическая деятельность братских коммунистических партий и передовых революционно-демократических партий — это могучая сила, противостоящая тенденциям к националистическому раздроблению, могучая сила, цементирующая единый антиимпериалистический фронт.

Идеологическая борьба КПСС и других марксистско-ленинских партий против маонизма заставляет китайских лидеров занимать оборонительные позиции, менять свою тактику, приспосабливаться к новой обстановке. Однако существо маонистских концепций, их политические цели остаются без изменений. Нынешние руководители Китая, несмотря на поражения, не только не прекращают своей враждебной работы, а усиливают ее, прибегая к новым, более изощренным приемам борьбы.

Теперь уже ясно, что маонизм — это один из самых опасных врагов, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться марксистам в истории революционного движения. Маонистские лозунги порой становятся «модой», находят отклик среди определенных кругов в странах «третьего мира», среди экстремистски настроенной части молодежи капиталистических стран, мелкобуржуазных слоев населения, подхватываются и популяризируются оппортунистами. Не зная подлинной сущности маонизма, часть этих людей принимает желаемое за действительное, революционную фразеологию Мао и его сторонников отождествляет с подлинной революционностью. Распространению маонизма способствовало и то, что он перекликается с такими левозэкстремистскими течениями, как троцкизм, анархизм и т. п.

Опасность маонизма связана и с тем, что он использует для пропаганды своих концепций политический авторитет китайской революции и КПК, государственный аппарат и другие ресурсы крупнейшей по населению страны мира. Идеино-политическая платформа китайских руководителей подчинена задаче реализации гегемонистских устремлений нынешнего китайского руководства.

Одновременно следует иметь в виду, что «идеи Мао» не содержат какой-либо конкретной программы решения острых социально-экономических и политических проблем КНР.

В целях исторического оправдания маонизма в Китае извращается и перекраивается история с древнейших времен до наших дней, грубо фальсифицируется история китайской революции и КПК, предаются забвению и клевете бескорыстная интернационалистская помощь Советского Союза, международного коммунистического и рабочего движения китайскому народу в его революционной борьбе, в деле строительства социализма в Китае. Маонисты считают Советский Союз, социалистическое содружество главным препятствием на пути к достижению гегемонистских шовинистических целей. Поэтому антисоветизм стал стержневой, неотъемлемой частью маонизма.

Марксистам-ленинцам, в том числе и советским китаистам-ученым, приходится вести идейно-теоретическую борьбу не только с маонизмом, но и с лживыми теориями буржуазной синологии, которая пытается всемерно использовать маонизм для очернения идеалов коммунизма, клеветы на марксизм. Немало буржуазных сиологов и ревизионистов всех мастей в последнее время широко включались в пропаганду «идей Мао Цзэ-дуна». Такие видные западные синологи, как Менерт, Шрам, Коуэн, Грил,

перепевая важнейшие тезисы пекинской пропаганды, непосредственно связывают их с идеологией антикоммунизма. Они пытаются утверждать, что маоизм не только «соответствует китайской традиции» и «закономерно вырос из общественного строя Китая», но и якобы является «творческим применением и развитием ленинизма в современных условиях», поскольку «русский социализм» чужд для Китая. Американский китаевед К. Виттфогель широко использует маоизм для того, чтобы опорочить идеи социализма, а также опыт Советского Союза и других социалистических стран. Праворевизионисты, такие, как Роже Гароди, используют статьи Мао для обоснования своей теории «плюрализма в социализме», «множественности моделей социализма».

Советские марксисты-китаеведы ведут последовательную борьбу против теории и практики маоизма, исходя при этом из того, что это — принципиально враждебное марксизму-ленинизму идейно-политическое течение, паразитирующее на коренных положениях социалистической идеологии, на стремлении китайского народа к социализму.

Ныне вопрос принципиальной оценки маоизма и «культурной революции» занимает важное место в борьбе как против антикоммунизма, так и против ревизионизма. Ревизионистские и националистические элементы внутри революционного движения пытаются использовать китайский вопрос для борьбы против пролетарского интернационализма, против марксистско-ленинских партий.

Практика последних лет наглядно показала, что между ревизионистскими извращениями и националистическими шатаниями имеется тесная взаимосвязь. На национализм делает ставку монополистическая буржуазия в своей борьбе против революционных движений и против социалистической системы. На национализм делает ставку и маоизм в своем стремлении разрушить социалистическое содружество, противопоставить развивающиеся страны социалистической системе и Советскому Союзу. Причем и империалисты и маоисты стремятся направить острие национализма в антисоветское, антисоциалистическое русло.

На международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году большинство представителей партий подчеркивали, что борьба против теории и практики маоизма является исключительно важной интернациональной задачей всего мирового революционного движения. Эта задача продолжает оставаться одной из самых актуальных.

Опытный отряд советских ученых и практических работников, посвятивших себя почетной профессии китаеведа, активно трудится по осуществлению курса нашей партии в отношении Китая. Состоявшаяся в декабре 1971 года Всесоюзная конференция по актуальным вопросам советского китаеведения является еще одним свидетельством того значения, которое придается в Советском Союзе изучению культуры, истории, экономики великого китайского народа. Эта конференция явилась заметным событием в развитии советской науки о Китае.

Оглядываясь на сделанное за последние годы, можно с удовлетворением констатировать, что советские китаеведы провели определенную работу по выполнению указаний нашей партии о глубокой научной разработке важных проблем, связанных с Китаем.

Следует отметить известные успехи в разработке такого, например, вопроса, как **научная критика с марксистско-ленинских позиций т. н. «идей Мао Цзэ-дуна»**. Советские ученые вскрыли социальные и идейно-теоретические истоки маоизма, была показана теоретическая несостоятельность маоистской философии, разоблачены попытки Мао и его адептов с помощью «китайского пути» оправдать их антинарод-

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНИИЭН АН СССР

ную деятельность. Советские марксисты показали реакционно-националистическую сущность «китаизированного марксизма». На огромном фактическом материале было доказано, что «идеи Мао Цзэ-дуна» если и содержали что-либо положительное в своей первоначальной стадии, то это положительное было, как правило, не чем иным, как плагиатом и присвоением известных установок и рекомендаций Коминтерна и положений, разработанных ВКП(б), а также видными марксистами в КПК: Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Цай Хэ-сэнем, Пын Ба-ем, Чжан Вэнь-тянем, Ван Мином и др. Эти вопросы касаются характера революции в Китае, курса на создание опорных революционных баз в деревне, организации Красной Армии, единого народного фронта в антияпонской войне, опоры на международную солидарность рабочего класса.

Советские китаисты в содружестве с учеными братских стран разоблачили маоистские фальсификации истории китайской революции и истории КПК. Начиная с 1960 года была проделана значительная работа по обобщению архивных материалов по истории китайской революции. Эти материалы раскрыли истоки националистической деятельности группы Мао Цзэ-дуна, ее антисоветский характер уже с 30-х годов. Достаточно сказать, что было документально установлено наличие давних связей маоистов с правящими кругами США, попыток Мао Цзэ-дуна и его сторонников наладить сотрудничество с американцами на антисоветской основе еще в годы второй мировой войны. В результате проведенных исследований были сделаны принципиальные выводы, которые легли в основу научной концепции истории китайской компартии, в том числе вывод о том, что история китайской революции с 20-х годов — это история сложной борьбы двух линий: мелкобуржуазно-националистической и интернационалистической.

Важное значение в восстановлении научной истины и в разоблачении маоистских фальсификаций имеет подробное освещение событий в Китае в начале 40-х годов. На фоне этих событий стала ясной роль Мао Цзэ-дуна и его сторонников в тяжелые для Советского Союза дни, в частности его грубый отказ от сотрудничества в деле предотвращения нападения Японии на Советский Дальний Восток, саботаж наших усилий по содействию организации единого антияпонского фронта, развертывание антисоветской кампании в Яньани, избиение интернационалистических кадров в ходе «движения за упорядочение стиля работы» 1941—1944 годов и т. д.

Принципиальное значение для понимания условий, определивших победу китайской революции в 1949 году и создание КНР, имеют новые оценки и факты, относящиеся к периоду 1945—1949 годов, в первую очередь касающиеся решающей роли Советского Союза в разгроме японской Квантунской армии и освобождении Северо-Востока. Ни для кого не является секретом, что именно Маньчжурия стала военно-промышленной базой китайской революции, тем плацдармом, откуда началось освобождение всего Китая. Если бы Северо-Восток не был освобожден Советской Армией, если бы Советский Союз не передал Народно-освободительной армии Китая (НОАК) огромное количество оружия и боеприпасов, не оказал помощи по формированию и обучению регулярных частей НОАК, не восстановил коммуникации, не отверг решительно попползновений гоминьдановцев и американцев обосноваться в этом районе, то трудно сказать, как сложилась бы судьба китайской революции.

На основании анализа советско-китайских отношений 1945—1970 годов было показано огромное значение интернационального фактора в

победе китайской революции и в переходе Китая к строительству социализма. Сделан вывод о том, что относительная слабость китайского рабочего класса, окруженного океаном мелкобуржуазной стихии, могла при правильной марксистско-ленинской политике Компартии Китая компенсироваться международной поддержкой мировой социалистической системы, международного коммунистического движения.

Советские китаеведы немало сделали для разоблачения раскольнической антисоветской внешней политики Пекина, ее гегемонистских целей. На убедительных фактах был показан классовый авантюризм маоистов, представляющий угрозу делу мира.

Научная марксистская разработка этих и многих других вопросов истории Китая новейшего времени, советско-китайских отношений, политики китайского руководства, истории китайской культуры, философии — все это существенный вклад советских китаеведов в борьбу марксистско-ленинских партий против теории и практики маоизма.

Однако проделанная работа еще далеко отстает от задач, которые ставятся самой жизнью, острой борьбой марксизма-ленинизма против маоизма.

Выступая на международном Совещании коммунистов в 1969 году, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев указал: «Всесторонний марксистско-ленинский анализ классового содержания событий в Китае за последние годы и корней нынешнего курса руководителей КПК, ставящего под угрозу социалистические завоевания китайского народа, — большая и серьезная задача»⁹. Выполнение этого указания — одна из главных задач советских китаеведов-марксистов.

В свете решений XXIV съезда КПСС актуальнейшей и первоочередной задачей советских китаеведов является помощь нашей партии в проведении неустанной и последовательной борьбы за чистоту принципов марксизма-ленинизма, разоблачение антимарксистской, антисоциалистической сущности теории и практики маоизма, разоблачение любых попыток националистических, великоханьских извращений истории Китая, истории китайской революции, истории Компартии Китая.

IV

Задачи, стоящие перед советским китаеведением, приобрели небывало актуальное значение также и в связи с раскольнической деятельностью руководства КПК в социалистическом лагере, мировом коммунистическом движении, в связи с гегемонистским курсом маоистов на международной арене.

Эклектизм и прагматизм маоистов находит конкретное выражение в постоянном приспособлении своих доктрин и тактики к особенностям тех задач по борьбе против международного коммунистического движения и социалистических стран, которые пытались решить маоисты в последнее десятилетие.

В отношении международного коммунистического движения нынешнее руководство КПК главную ставку делает на использование в своих раскольнических и гегемонистских целях трудностей во взаимоотношениях между отдельными братскими партиями. Маоисты всячески стремят-

⁹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», 1969, стр. 196.

ся раздуть значение национальных особенностей отдельных стран, разглагольствуют о «независимости», «самостоятельности» и «исключительности» отдельных стран и партий в противовес принципам пролетарского интернационализма и общим закономерностям классовой борьбы и строительства социализма. Пекинские лидеры хотели бы также спекулировать на позициях так называемого «нейтрализма» в борьбе с идеологией и политикой маонизма.

Тот факт, что Китай, как крупная мировая держава, является нашим соседом, с которым Советский Союз имеет огромную по протяженности границу, а также то обстоятельство, что нынешнее руководство Китая проводит антисоветскую внешнюю политику, пытается блокироваться с империализмом против интересов мирового революционного движения, национально-освободительного движения,— все это не может не вызывать пристального внимания не только советского народа, но и всех прогрессивных сил в мире. Отсюда перед советским китаеведением объективно возникает важная задача изучения внешней политики КНР в целом и советско-китайских отношений в частности.

Для нас особое значение имеет то, что великодержавная политика маонистского руководства Пекина в первую очередь направлена против социалистического содружества, против Советского Союза. Эта антисоветская, антисоциалистическая направленность внешнеполитического курса объявлена программной долгосрочной политикой.

В основе всей внешнеполитической доктрины маонистов лежит традиционный китаецентризм, который может быть источником враждебности Китая в отношении любой страны или группы стран. Главный фактор, обуславливающий антисоветизм маонистов, связан с использованием в гегемонистских целях революционных сил современности, в первую очередь национально-освободительного движения. Капиталистические страны, естественно, не могут быть противниками Пекина в его попытках использовать национально-освободительное движение и международные революционные силы в борьбе маонистов за мировую гегемонию, поскольку такой курс Пекина не только раскалывает, но и ослабляет революционные силы перед лицом их классового врага — капитализма и империализма. Поэтому Пекин в борьбе против революционных сил и в проведении своего антисоветского курса может рассчитывать на определенную поддержку со стороны империалистических держав, и прежде всего со стороны США. События последнего времени являются ярким подтверждением этого факта.

Изучение советско-китайских отношений в современном и историческом аспектах имеет особо актуальное значение. Ибо история советско-китайских отношений тесно связана с героической борьбой китайского народа за свое освобождение и братской, бескорыстной интернационалистской помощью и солидарностью советского народа с китайским народом.

Маонисты, чтобы оправдать свое предательство в отношении дела китайско-советской дружбы, пытаются всеми средствами фальсифицировать как советско-китайские отношения, так и историю китайской революции.

Подлинные сторонники нормализации советско-китайских отношений и установления добрососедства между СССР и КНР не могут испытывать удовлетворения нынешним их состоянием. Определенные признаки нормализации, которые наметились после встречи глав правительств 11 сентября 1969 года, могли бы послужить отправным пунктом для последующих шагов в этом направлении. Однако наше стремление рас-

ширять масштабы нормализации все время наталкиваются на трудности и препятствия, создаваемые китайской стороной.

Позиция Советского Союза в отношении Китая — это принципиальная, интернационалистская позиция, учитывающая долговременные социалистические интересы советского и китайского народов. Ведя последовательную борьбу против шовинистического курса маоистов, наша партия воспитывает советских людей в духе пролетарского интернационализма и советского патриотизма. Советские люди с глубоким уважением относятся к китайскому народу, его культуре. В СССР активно работает Общество советско-китайской дружбы, изучаются классические произведения китайской прозы и поэзии, печатаются массовыми тиражами книги древних и современных китайских писателей: Ду Фу, Тао Юань-миня, Пу Сун-лина, Лу Синя, Лао Шэ, Мао Дуня, Тянь Ханя и многих других видных китайских писателей, драматургов, поэтов.

В Москве были торжественно отмечены юбилеи Сунь Ят-сена и других, выдающихся китайских деятелей, организованы выставки картин Сюн Бэй-хуна, Ци Бай-ши и т. д. Все эти факты решительно разоблачают клевету маоистов о том, что Советский Союз якобы ведет «антикитайскую пропаганду». Решительная борьба против маоизма — это не «антикитайщина». Как раз наоборот, это есть не что иное, как **прокитайская** в лучшем смысле этого слова деятельность, поскольку в борьбе против антиленинских, антинародных концепций Мао Цзэ-дуна мы защищаем социалистическое будущее Китая, истинные интересы этого великого, многострадального народа.

Всесторонние и глубокие исследования советских китаеведов как в области истории и экономики Китая, так и критики маоизма нужны не только для советского народа, но и в не меньшей мере необходимы и для китайского народа, из рядов которого маоисты вырвали лучших представителей прогрессивной интеллигенции, ветеранов революции, многих видных ученых, писателей, деятелей искусства. Китайский народ в настоящее время изолируют от внешнего мира. Маоисты пытаются закрыть для китайского народа все источники объективной информации о жизни как самого Китая, так и о жизни других социалистических стран, о развитии международной обстановки.

Большое актуальное значение имеет внимательное изучение всех нюансов раскольнической деятельности и политики Пекина в отношении стран социалистической системы. Как и империалисты, китайские лидеры один из главных ударов направляют против мирового социалистического содружества. Фактически сложилось такое положение, когда Советскому Союзу, странам социалистического содружества, всем борцам за дело мира, свободы народов приходится вести борьбу на два фронта — не только против империализма, но и против маоизма, который открыл в угоду империализму второй фронт против социализма.

В директивной статье маоистских официозов по случаю 100-летия Парижской Коммуны антисоветские, антисоциалистические тезисы IX съезда получили дальнейшее «теоретическое развитие». В этой статье пекинские клеветники доходят до того, что социалистические страны именуют «ревизионистскими странами», а Советский Союз — «социал-империалистической страной».

В своих отношениях с социалистическими странами маоисты усиливают «дифференцированный подход», стремясь подорвать их отношения с Советским Союзом. Китайские руководители усиленно проталкивают братским странам идею о том, что у них имеются споры и разногласия лишь с Советским Союзом. При этом они поощряют национализм и «осо-

бый путь развития», предлагают нормализовать отношения и увеличить торговлю, спекулируют на объективных трудностях в некоторых социалистических странах, пытаются нащупать спорные вопросы в отношениях между странами социалистического содружества.

При изучении внешнеполитической деятельности нынешних лидеров КНР не может не обратить на себя внимание **принципиальная переориентация внешней политики и внешнеэкономических связей КНР в сторону империалистических держав, и прежде всего США.** Продолжая нагнетать антисоветизм, маоисты пошли на энергичное сближение с империалистическим лагерем. Поэтому многие капиталистические страны, ранее игнорировавшие КНР, теперь спешат направить в Пекин послов, делегации и т. д.

Видимо, объяснить такой поворот событий можно как переменами, происшедшими в международной обстановке, так и принципиальными изменениями характера внешней политики Китая.

Кризис империалистической политики силы и провал стратегии отбрасывания вынудили страны капитализма пересмотреть свои отношения с социалистической системой в целом. Именно общим изменением соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, именно из признания правящими кругами США и их союзников того неопровержимого факта, что социализм находится в историческом наступлении, и вытекает стремление капиталистических государств скорректировать свою политику. Не случайно в лексиконе западных стран важное место ныне занимает термин «наведение мостов».

Если рассматривать **полосу признания Китая капиталистическими странами, а также и прием Китая в ООН** с этой точки зрения, то здесь прежде всего заслуга социалистического лагеря, хотя нынешнее руководство Пекина пытается замолчать и исказить этот факт.

Как известно, Советский Союз вместе с другими социалистическими странами все эти годы настойчиво отстаивал на международной арене истинные национальные интересы Китая как одной из социалистических стран. Мы неизменно разоблачали империалистическую политику изоляции и блокады КНР, поддерживали законные требования о восстановлении ее прав в ООН, выступали против политики «двух Китаев».

Таким образом, наша позиция в отношении КНР носит принципиальный характер. Для советских людей дорого дело социализма в Китае.

Однако мы не можем отрываться от объективной действительности и рассматривать явления вне связи с общей ситуацией. Нельзя забывать, что **полоса признания КНР, в частности, странами НАТО наступила после вооруженных провокаций китайских властей на границе с Советским Союзом и IX съезда КПК, закрепившего в своих решениях антисоветский курс, что нынешний выход Китая на мировую арену происходит в условиях, когда пекинское руководство продолжает проводить политику, враждебную Советскому Союзу и другим социалистическим странам, всему мировому коммунистическому движению.** Внешняя политика нынешнего руководства Пекина порывает с пролетарским интернационализмом, утрачивает классовое социалистическое содержание, и это обстоятельство может стать источником дополнительных трудностей для тех, кто отстаивает интересы мира, социализма и демократии, в том числе и в рамках ООН.

Именно здесь, видимо, лежат причины, побудившие прежде всего страны — участницы различных военно-политических империалистических блоков активизировать кампанию за признание КНР и установление с ней самых тесных экономических, политических, дипломатических

и других отношений. Империалисты окончательно убедились, что маонистское руководство Китая начиная с 60-х годов взяло курс на переориентацию политики Китая, стремясь поставить КНР над противоборством двух социально-политических систем — империализма и социализма, — занять положение некой «третьей силы», по своей объективной и субъективной роли противостоящей СССР, антиимпериалистическому фронту. Таким образом, их активность в отношении КНР объясняется неверием в собственные силы и стремлением найти буфер и противовес для сдерживания роста влияния сил социализма, прежде всего социалистического содружества.

Маонистское руководство стремится использовать противоречия между социализмом и империализмом. Его военно-стратегическая концепция рассчитана на конфликт между СССР и США, в котором был бы в значительной степени подорван материальный и людской потенциал обоих крупнейших государств, а Китай, по словам маонистов, занимал бы позицию «цзо шань гуань худоу», то есть «сидеть бы на вершине горы и следить за борьбой двух тигров». Именно в этом суть маонистского тезиса о «крупных потрясениях» и «крупных перегруппировках сил» на международной арене. Эта «перегруппировка» привела, в частности, к тому, что Китай пошел объективно на сотрудничество с империалистическими державами, пошел по пути борьбы против социалистической системы, против международного коммунистического движения, против национально-освободительных движений.

Капиталистические страны идут на сближение с Китаем, рассчитывая использовать его в политической и дипломатической борьбе против социалистической системы, а также для того, чтобы занять перспективный китайский рынок. США идут на нормализацию отношений с КНР, рассчитывая, видимо, путем торга с ее нынешним руководством провести негласный раздел сфер влияния и, таким образом блокируясь по отдельным вопросам или же на параллелях, вести, по существу, совместную борьбу по сдерживанию неуклонно растущего влияния мировой социалистической системы, международного коммунистического движения, мирового революционного процесса.

Нынешний этап внешнеполитической деятельности маонистов отличается противоречивостью, двойственностью, которая вытекает из беспринципного характера политики группы Мао. С одной стороны, маонистам вроде бы удалось получить определенные дивиденды: их признали американцы, их приняли в ООН, они установили дипломатические отношения с рядом стран. Но другая сторона, и сторона весьма существенная, заключается в том, что в конечном итоге это внешнеполитическое маневрирование все больше и больше раскрывает истинную сущность политики Пекина — курс на сговор с империалистами, блокирование с силами, выступающими против социализма. Судя по всему, кое-кто в КНР понимает это, поскольку прослеживается прямая связь между внешнеполитическими шагами Пекина и кризисными явлениями, возникшими в последнее время в правящей китайской верхушке.

Руководители Китая хотели бы сейчас закамуфлировать воинствующий шовинизм и авантюризм в международных делах, которые присущи маонизму и которые особенно наглядно проявились в период «культурной революции». Однако между «миролюбивыми» жестами китайских руководителей и их конкретной политикой — дистанция огромного размера.

Как известно, один из ведущих лозунгов Пекина — это лозунг о «подготовке к войне». И здесь практические акции маонистов объективно совпадают с намерениями заправил военно-промышленного комплек-

са США, реваншистских кругов Западной Германии, английских консерваторов, стремящихся к тому, чтобы путем гонки ядерных и обычных вооружений и нагнетания международной напряженности попытаться втянуть Советский Союз во все новые и новые туры гонки вооружений, затормозить коммунистическое строительство в СССР, сбить высокие темпы развития советской экономики, помешать планам ускоренного освоения и развития районов Сибири и Дальнего Востока, повышению материального и культурного уровня советского народа, сузить возможности оказания Советским Союзом материально-технической помощи революционным силам.

Таким образом, внешнеполитический курс пекинского режима опасен своими возможными последствиями как для мировой ситуации в целом, так и для истинных национальных интересов (в их марксистско-ленинском понимании) самого китайского народа. Заигрывание с империализмом при одновременном проведении антисоветской политики, беспринципное маневрирование могут привести правительство КНР к блокированию по отдельным вопросам с правительствами империалистических держав, к постепенному втягиванию Китая в систему международных отношений империализма, к установлению его экономической зависимости от развитых капиталистических стран, к ограничению политической самостоятельности страны и превращению ее в орудие империалистической политики.

Вместе с тем надо видеть не только вчерашний и сегодняшний день, но и перспективу развития событий в мире и возможную роль Китая и других государств Азии и Дальнего Востока. Не вызывает сомнения объективная тенденция неизбежного возрастания роли этих стран по мере укрепления их экономического потенциала и национальной независимости. Особое внимание к изучению возможных перспектив внешней политики Китая объясняется тем, что и СССР и Китай являются азиатскими странами. В Азии сосредоточены ныне действующие и потенциальные очаги военных конфликтов. Все это не может не вызывать самого пристального внимания к тому, какую роль собирается играть Китай в этой ситуации.

Принципиальная и последовательная борьба против внешнеполитических авантур группы Мао Цзэ-дуна, против шовинистической политики, которую она проводит на международной арене, — это борьба за то, чтобы Китай и впредь оставался социалистической страной, это борьба за истинные национальные социалистические интересы КНР, это борьба за укрепление единства и мощи антиимпериалистического фронта, национально-освободительного движения народов Азии и других районов мира.

Задача советских китаистов — глубоко и аргументированно разоблачать великодержавно-шовинистическое, антисоветское существо внешней политики маоистов, ее несовместимость с интересами антиимпериалистической борьбы, сбрасывать с маоистских представителей маску «друзей» «развивающихся стран» и одновременно показывать, что интересы строительства социализма в Китае требуют нормализации отношений этой страны с социалистическими странами, проведения политики мира и добрососедства со всеми государствами.

V

Широко известно ленинское положение, что внешняя политика является продолжением внутренней.

Если затрагивать нынешнее положение в самом Китае, то следует, видимо, отметить, что хотя в стране в основном и сложилась система

военно-бюрократической диктатуры, однако эта система крайне противоречива. Она основывается на весьма зыбкой социальной базе и в силу своей антинародной природы непрерывно подвергается и будет сталкиваться и впредь со все новыми и новыми кризисами.

Развитие внутренней обстановки в Китае показывает, что хотя социалистические силы КПК в ходе «культурной революции» понесли тяжелые потери, но они продолжают существовать и ведут сложную борьбу с учетом специфики обстановки в КНР. Когда мы говорим о здоровых силах в Китае, то имеем в виду не отдельные личности, а многих китайских коммунистов среди рабочих, кадровых работников, армейцев, интеллигенции, которые прошли горнило китайской революции, тесно сотрудничали и общались с советскими коммунистами; тех, кто боролся за генеральную линию КПК, нацеленную на строительство в Китае социализма и одобренную VIII съездом партии; тех, кому на собственном горьком опыте пришлось испытать последствия «большого скачка» и «народных коммунов», а затем «вытаскивать» страну из того болота, в которое столкнули Китай Мао Цзэ-дун и его сторонники. Нельзя, конечно, не учитывать, что в условиях социально-экономической и культурной отсталости Китая, в обстановке усиленной обработки населения в духе антисоветизма и шовинизма, жестокого контроля потребуются длительное время, прежде чем здоровые силы смогут оправиться от нанесенных им ударов, укрепить, завоевать влияние и поддержку в народных массах. Однако их победа необратима, так же как исторически маоизм обречен на неизбежный провал.

* * *

Советское китаеведение является одной из важных составных частей общественных наук — истории, экономики, марксистско-ленинской философии, литературоведения и т. д. Потребности новых теоретических обобщений мирового исторического процесса, а также опыта развития социальных отношений у различных народов, опыта революционной борьбы, а также практические интересы развития советско-китайских отношений обуславливают настоятельную необходимость дальнейшего расширения научно-исследовательской работы по Китаю, быстрее увеличения числа высококвалифицированных научных кадров, подъема их марксистско-ленинского идейно-теоретического уровня и профессиональной подготовки, концентрации их усилий на разработке главных проблем, связанных с практическим осуществлением политического курса нашей партии в отношении Китая.

Наше китаеведение пользуется большим и заслуженным авторитетом за рубежом, и в том числе в Китае. Советские китаеведы, как истинные друзья Китая, были бы рады возобновлению деловых научных контактов и сотрудничества со своими коллегами в КНР. Эти контакты и сотрудничество были прерваны не по вине советской стороны. Такой шаг устраивал лишь тех, кто является врагом дружбы между СССР и КНР.

Советские ученые и впредь будут прилагать усилия к тому, чтобы еще шире и глубже координировать свои действия с китаеводами братских социалистических стран, развивать деловые контакты с прогрессивными учеными развивающихся и капиталистических стран, занимающимися проблемами Китая. Это важная задача, и она имеет не только научное, но и политическое значение.

Высокие требования, предъявляемые нашей партией к марксистскому китаеведению, ставят перед ним задачу дальнейшего повышения уровня нашей научно-исследовательской работы. Задачи дальнейшего развития советского китаеведения на базе марксистско-ленинской теории в соответствии с требованиями времени обязывают всех ученых-китаеведов поднять роль китаеведения как подлинно партийной науки, глубже овладеть методологией современных исследований. Эта задача не может быть успешно решена без глубокого знания всей истории Китая, философии и экономики, его культуры, литературы и искусства, этнографии и т. д.

На плечи советских китаистов, так же как и в тяжелые годы гоминьдановской реакции, вновь легла тяжелая и почетная интернационалистская задача сохранения и изучения лучших демократических и революционных традиций китайской культуры. Мы глубоко уверены в том, что придет время, когда китайский народ с глубокой благодарностью оценит подлинно ленинскую интернационалистскую позицию, которую неизменно занимала и занимает наша партия в отношении Китая в трудные годы его истории.

В своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Мы не отождествляем выступления и действия нынешнего китайского руководства ни с чаяниями и стремлениями, ни с подлинными интересами Коммунистической партии Китая, всего китайского народа. Мы глубоко убеждены, что не на путях борьбы против СССР и других стран социализма, против всего коммунистического движения, а на путях союза и братского сотрудничества с ними может быть достигнуто подлинное национальное возрождение Китая, обеспечено его социалистическое развитие»¹⁰.

Наша партия неизменно и последовательно осуществляет свой курс в отношении Китая, вновь подтвержденный на XXIV съезде. С одной стороны, решительно разоблачается антисоветская политика маоистов, их антиленинская, националистическая идеология, дается должный отпор посягательствам Пекина на национальные интересы нашей страны, на единство и сплоченность социалистического содружества, мирового революционного движения, с другой стороны, Советский Союз неуклонно осуществляет линию на нормализацию межгосударственных отношений между СССР и КНР.

Ноябрьский (1971 г.) Пленум ЦК КПСС в своем постановлении от 23 ноября 1971 года «О международной деятельности ЦК КПСС после XXIV съезда КПСС» отметил, что «Политбюро последовательно проводит линию XXIV съезда в отношениях с Китайской Народной Республикой».

Пленум выразил «полное согласие с позицией Политбюро при решении связанных с этим практических вопросов». Пленум ЦК КПСС единодушно отметил, что «внешнеполитический курс ЦК КПСС встречает полное понимание и единодушную поддержку всех коммунистов, всего советского народа. В этом заключается главная сила всей международной политики КПСС»¹¹.

¹⁰ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», М., 1969 г.

¹¹ Постановление Пленума ЦК КПСС «О международной деятельности ЦК КПСС после XXIV съезда КПСС», «Правда», 24.XI.1971 г.

Советские ученые-китаисты, руководствуясь марксистско-ленинской наукой, внесут свой вклад в дело принципиальной критики теории и практики маоизма, изучения всех сторон жизни нашего великого соседа, его истории и культуры, будут способствовать взаимопониманию между советским и китайским народами, установлению отношений добрососедства и дружбы между СССР и КНР, между советским и китайским народами.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Советское Приморье и его внешнеэкономические связи

В. П. Ломакин

*Первый секретарь
Приморского краевого
комитета КПСС*

Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Дальнем Востоке открыла новую эпоху в развитии экономики и культуры всех дальневосточных районов нашей страны, в том числе и Приморского края.

До Великой Октябрьской социалистической революции это была отсталая окраина царской России со слабо развитой экономикой, с наличием различных форм докапиталистического и капиталистического хозяйства. Ведущей отраслью экономики было сельское хозяйство, которое давало 65% всей валовой продукции края. Здесь было 70 тысяч индивидуальных крестьянских хозяйств. Уделом большинства крестьян был батрацкий труд, почти третья часть семей не имела коров, рабочего скота.

Процесс превращения прежде отсталой в экономическом отношении обширной территории Приморского края в экономически развитый район страны стал возможен только в условиях реализации величайших преимуществ социалистического строя, обеспечившего развитие экономических, социальных и моральных предпосылок для коренного преобразования общественно-экономической основы жизни трудящихся.

За годы Советской власти в Приморье создана современная социалистическая промышленность, оснащенная новейшей техникой, способная успешно решать многие сложные народнохозяйственные задачи. Построены новые города, морские порты, поселки городского типа, множество новых предприятий. Создано крупное высокомеханизированное, многоотраслевое сельское хозяйство, освоены тысячи гектаров целинных земель. Неузнаваемо изменился облик села. В крае осуществлены коренные преобразования в области развития культуры и науки.

За советский период в Приморье созданы значительная электроэнергетическая база, современная строительная индустрия, крупнейший в стране рыболовецкий и транспортный флот. Высокие темпы развития народного хозяйства края привели к существенному изменению структуры его экономики. За годы Советской власти в 74 раза вырос объем промышленного производства, а доля сельскохозяйственного производства снизилась с 65 до 15%. В настоящее время ведущими отраслями промышленности Приморья являются машиностроительная, судоремонт-

ная, рыбная, лесная, металлообрабатывающая, горнохимическая, пищевая, на долю которых приходится свыше 70% всей промышленной продукции.

Сейчас Приморский край вносит существенный вклад во всесоюзное разделение труда. Он дает стране золото, олово, свинец, серебро, концентраты цинка, вольфрам, уголь, цемент, сырье для фарфоровой промышленности; продукцию машиностроительной, металлообрабатывающей и приборостроительной промышленности, различные механизмы, горношахтное оборудование, стиральные машины, холодильники и т. д.; различную продукцию лесной промышленности, в том числе фанеру и ценные сорта древесины; товары пищевой промышленности; рыбную продукцию, соевое масло, мыло, маргарин, сахар. В крае выпускаются фарфоровые и ковровые изделия, пианино, бытовые приборы и многое другое.

Часть этой промышленной продукции и сырья поступает на внешний рынок.

В ближайшие годы удельный вес нашего края во всесоюзном разделении труда и экспорте будет расти еще более быстрыми темпами, так как экономика Дальнего Востока находится сейчас на новом подъеме. В директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану подчеркивается, что в новой пятилетке в этом районе страны будет продолжаться работа по ускоренному развитию производительных сил.

В соответствии с планом общий объем промышленного производства Приморья должен возрасти не менее чем на 56% против уровня прошлой пятилетки. Особенно быстро будет развиваться энергетика, машиностроительная, угольная, лесная и судоремонтная промышленность.

С 1973 года в крае начнется создание новой отрасли народного хозяйства — нефтеперерабатывающей. Новым пятилетним планом предусматривается и строительство нефтепровода Иркутск — Находка.

Таким образом, дальнейшее развитие народнохозяйственного комплекса Приморья, ставшего за годы социалистического строительства всесторонне развитым, наличие на его территории многих видов полезных ископаемых, огромных запасов древесины, а также разнообразие ресурсов моря создают благоприятные предпосылки для увеличения вывоза некоторой части промышленной продукции и сырья за пределы края и на внешние рынки, для экономических связей края с зарубежными странами.

За последние годы неуклонно возрастает участие дальневосточного экономического района нашей страны в мировой торговле. Наряду с традиционными экспортно-импортными операциями, проводящимися в соответствии с действующими соглашениями с различными странами, на Дальнем Востоке на основе положений о монополии внешней торговли СССР стали формироваться новые формы экспортно-импортных связей. Одной из них является прибрежная торговля. Для нее привлекаются дополнительные источники сырья и готовой продукции промышленности, сельского хозяйства, рыболовства, охотничьего промысла, различные виды лекарственных, биологических, химических и геологических ресурсов, не вовлеченных в «большой экспорт». Все средства, получаемые от прибрежной торговли, остаются в распоряжении местных дальневосточных организаций, предприятий-поставщиков и могут расходоваться ими для импорта необходимых им товаров.

В успешном развитии и осуществлении экономических связей дальневосточного народнохозяйственного района с зарубежными странами

большое значение отводится нашему краю — Приморью. Географическое расположение Приморского края, наличие в нем более развитого по сравнению с другими районами Дальнего Востока транспорта и мощных современных портов сыграли определенную роль в том, что Приморский край стал «морскими воротами» нашей страны на Востоке.

Все морские транспортные операции в нем осуществляются Дальневосточным ордена Ленина морским пароходством. В настоящее время заграничные перевозки от общего его грузооборота составляют 70%. Быстрый рост флота, оснащение его современными специализированными судами позволили в течение предыдущей пятилетки увеличить объем перевозок экспортно-импортных грузов в два раза.

Наши суда все активнее выходят на международный фрахтовый рынок. С 1967 года успешно работает и развивается международная линия «Феско Индиан лайн» между портами Японии, Таиланда, Малайзии и Индии. В 1969 году дальневосточное пароходство совместно с администрациями портов Японии, Канады и США организовало еще одну международную линию «Феско Пасифик лайн». Все чаще дальневосточные суда становятся гостями австралийских и новозеландских портов, увеличиваются заходы в страны Южной Америки и Африки.

В предстоящем пятилетии предусматривается дальнейший значительный рост флота пароходства. Он получит большое количество судов специального назначения, в том числе судов, приспособленных для перевозки тяжеловесных и крупногабаритных конструкций, транспортировки подвижной техники, автомобилей, трейлеров и контейнеров. Значительно пополнится судами и наливной флот пароходства. В основном это будут танкеры грузоподъемностью 18 тыс. тонн. Они будут использованы для перевозки нефтепродуктов с Сахалина и из районов Персидского залива.

Получают свое развитие и линии пароходства «Феско Индиан лайн» (Владивосток — Индия), «Феско Пасифик лайн» (Япония — США — Канада). Благоприятные возможности складываются и для развития транзитных перевозок через Северный морской путь: войдет в эксплуатацию новая серия ледокольно-транспортных судов, мощные ледоколы.

Пополнение флота Дальневосточного пароходства новыми судами и расширение судоходных линий, несомненно, приведут к еще большему развитию экономических связей Приморья с зарубежными странами.

* * *

Особенно тесные экономические отношения наш край поддерживает с ДРВ, КНДР и Японией.

Каждые два дня от причалов Владивостока и Находки отходят суда к берегам героического Вьетнама, доставляя все необходимые грузы братскому народу. Между портами советского Дальнего Востока и Вьетнама, находящимися на расстоянии 2,5 тысяч миль, образовался своеобразный «мост дружбы». Во вьетнамские порты Хайфон и Камфа непрерывным потоком поступает продовольствие, оборудование, машины, топливо, удобрения, медикаменты и другие товары.

«Мост дружбы», перекинутый через три моря, действует бесперебойно и в самые суровые дни бомбардировок американскими агрессорами портов ДРВ. Верные чувству интернационального долга, советские моряки делают все возможное, чтобы помочь героическому вьетнамскому народу в его борьбе против американских агрессоров. Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство дали высокую оценку

морякам Дальневосточного пароходства, наградив 107 человек его личного состава орденами и медалями Советского Союза.

В последние годы быстрыми темпами развиваются экономические отношения Советского Союза с Корейской Народно-Демократической Республикой. За прошедшие пять лет товарооборот между СССР и КНДР увеличился более чем в два раза. Около 50% внешней торговли КНДР приходится на Советский Союз. В КНДР мы поставляем цемент, химикаты, морепродукты. Импорт из КНДР в Приморье составляет главным образом свежие фрукты и овощи, продовольственные товары, строительные материалы и товары широкого потребления. Для более полного использования имеющихся возможностей товарообмена в 1968 году было принято совместное решение об установлении прямых торговых связей между КНДР и районами Дальнего Востока через внешнеторговую организацию «Дальинторг». Приграничная торговля за прошедшие три года развивалась успешно и имеет хорошие перспективы для дальнейшего роста.

До 1962 года Приморский край и северную провинцию КНР Хэйлунцзян связывали тесные экономические отношения. Они были полезны и взаимовыгодны. Однако по вине китайских руководителей межгосударственные отношения, контакты между нашими странами, к сожалению, ухудшились. Выступив с особой, несовместимой с марксизмом-ленинизмом идейно-политической платформой по основным вопросам международной жизни и мирового коммунистического движения, пекинское руководство развернуло враждебную пропаганду против нашей партии и страны и даже выдвинуло необоснованные претензии на территорию Советского Союза, в частности в отношении советского Приморья. В 1969 году по инициативе Советского Союза в Пекине начались переговоры между правительственными делегациями СССР и КНР по урегулированию пограничных вопросов. До сегодня эти переговоры по вине китайских руководителей пока ни к чему еще не привели. Как показывают факты, препятствием к восстановлению прежних добрососедских отношений между СССР и КНР является антисоветизм, ставший официальным внешнеполитическим курсом пекинских руководителей.

Трудящиеся Приморья, как и весь советский народ, решительно осуждают антисоветский раскольнический курс китайского руководства. Не раздувание вражды, а нормализация отношений между нашими странами, восстановление дружественных отношений и солидарности между нашими народами — вот единственно разумный путь, по которому должны развиваться отношения между КНР и СССР.

Среди капиталистических стран Дальнего Востока ближайшим соседом СССР является Япония. Географическая близость, характер природных ресурсов и высокий уровень экономики обеих стран создали объективные условия для широких экономических связей. Взаимная выгода торговли между СССР и Японией уже подтверждена временем. По итогам 1970 года Япония вышла на первое место среди капиталистических стран по объему товарооборота с СССР, среднегодовой прирост которого за последние десять лет составлял свыше 20%. Подписанное в сентябре 1971 года новое торговое соглашение предусматривает достижение товарооборота в 1972 году до одного миллиарда долларов.

Кроме торговли, практикуются и другие формы экономических отношений с Японией, связанные главным образом с освоением природных ресурсов советского Дальнего Востока и Сибири. В 1965 году были созданы Советско-японский и Японо-советский экономические комитеты,

между которыми уже достигнут ряд соглашений. По одному из них — о расширении разработок лесных ресурсов Дальнего Востока — японская сторона поставляет в кредит машины, оборудование и другую продукцию для производства лесотоваров, часть которых советская сторона поставляет в Японию в счет покрытия полученных кредитов. Второе соглашение предусматривает сотрудничество в развитии дальневосточных портов, в частности в проектировании и поставке оборудования для нового порта, строящегося в бухте Врангеля.

Для лесной промышленности края поступает техника и материалы японского производства — тракторы, бульдозеры, краны, самосвалы, техническое оборудование по производству щепы, стальной трос, резино-технические изделия. Приморским рыбакам и морякам хорошо известны судовые приборы и аппаратура, портовое оборудование, орудия лова и морские краски, изготовленные в Японии. Торговая сеть Приморья получает японские товары широкого потребления.

Приморский край экспортирует в Японию значительные объемы своей промышленной продукции. Ведущее место в этих поставках занимают лес, рыба и морепродукты. Ежегодно только деловой древесины отгружается в Японию свыше 800 тыс. кубометров. Увеличиваются поставки химических продуктов и сырья для их производства.

Успешно развивается прибрежная торговля с Японией. Начало ей было положено в 1963 году. Тогда общий экспортно-импортный оборот составил 800 тыс. валютных рублей, но в 1965 году эта цифра возросла до 4785 тыс. рублей. В последующие годы она неуклонно росла, достигнув в 1970 году 18 млн. рублей.

Между Находкой и основными японскими портами установлена регулярная грузовая линия, обслуживаемая смешанной советско-японской паромной компанией «Джэпэн — Находка лайн». Находкинский порт осуществляет переработку морских контейнеров. Через находкинскую контору Всесоюзного объединения «Союзвнештранс» осуществляется перевалка транзитных грузов по маршруту Йокогама — Владивосток — Москва — Европа. Свыше 10 лет работает и пассажирская линия Находка — Йокогама. За 1971 год судами этой линии было перевезено в советские и японские порты около 21 тыс. человек. Добрая слава советских пассажирских лайнеров еще три года назад позволила продлить эту линию до Гонконга.

Большую работу по расширению общественных и культурных контактов Приморья с зарубежными странами проводят государственные и общественные организации края. Активно действуют в нем Общества советско-вьетнамской и советско-корейской дружбы. Обмен делегациями, кинофестивали, выставки, дни и недели солидарности приморцев с борьбой вьетнамского и корейского народов против американского империализма и многие другие мероприятия этих обществ давно уже вошли в жизнь приморцев.

Большую работу по укреплению дружественных связей между Приморским краем и Японией проводит отделение Общества «СССР — Япония». 10 лет назад Находка установила породненные связи с японским городом Майдзуру, а в 1966 году с другим японским городом — Отару. Между советским и японскими городами происходит систематический обмен делегациями представителей общественности — врачей, учителей, портовых рабочих, молодежи. Находкинский горисполком и муниципалитеты этих двух японских городов обмениваются информацией о культурной и общественной жизни.

Советский Союз — миролюбивое государство. Сам характер нашего социалистического строя в полной мере определяет внешнеполитический

курс СССР, направленный на единство и сплоченность социалистических стран, всестороннее сотрудничество с молодыми развивающимися государствами, на осуществление ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Эти высокие принципы внешнеполитического курса Советского Союза вновь нашли свое подтверждение в программе мира, разработанной XXIV съездом КПСС. Трудящиеся советского Приморья полны решимости внести свой вклад в успешное выполнение этой программы.

Некоторые особенности экономической политики Пекина в странах «третьего мира»

М. В. Фомичева
кандидат экономических наук

Экономическая политика Пекина в развивающихся странах «третьего мира», являясь составной частью общей внешнеполитической платформы руководства КНР, все более откровенно становится одним из важных рычагов претворения в жизнь великодержавных планов маоистов, орудием завоевания ими руководящих, господствующих позиций в Азии, Африке и Латинской Америке.

Идейным обоснованием экономической политики Китая служит широко распропагандированная маоистами концепция «опоры на собственные силы», приспособленная ими к своим гегемонистским целям — целям изоляции национально-освободительного движения от основных потоков мирового революционного процесса, от СССР и других стран социалистического содружества и международного пролетариата.

Стремясь нажить политический капитал среди передовых революционно-демократических сил трех континентов, маоисты навязывают им идею, заведомо несовместимую с их реальными экономическими интересами на современном этапе. Несомненно, что сам по себе принцип «опоры на собственные силы» был бы вполне разумен и приемлем для молодых независимых стран, если отвлечься от нынешнего уровня их экономического развития и не принимать во внимание экономическую зависимость многих развивающихся стран от капиталистического рынка. Вполне очевидна и крайне важна для них необходимость использовать в целях скорейшего экономического развития все внутренние природные, людские, материальные и финансовые ресурсы, выявить все потенциальные возможности страны. Но нельзя не учитывать, что в силу крайне слабого и неравномерного развития экономики, являющегося наследием колониализма, огромных финансовых трудностей, отсутствия квалифицированных кадров и других причин большинство афро-азиатских стран на деле все еще не может вести свое экономическое строительство без привлечения иностранной помощи, притом помощи целенаправленной, свободной от кабальных условий, то есть такой, какую оказывают развивающимся странам Советский Союз и другие государства социалистической системы.

Проведение в жизнь развивающимися странами принципа «опоры на собственные силы» в отрыве от социалистического содружества мо-

жет лишь поставить под угрозу их независимость, усилить позиции неоколоннизма в «третьем мире». Поэтому предлагаемый маонистами план экономического развития стран «третьего мира» путем опоры только на свои силы, без антиимпериалистического истолкования данного принципа не только утопичен, но и крайне реакционен, ибо объективно служит интересам империализма.

Не имея собственной развитой экономической и технической базы, достаточных средств и материальных ресурсов для оказания эффективной помощи широкому кругу стран, борющихся за достижение экономической независимости от империализма, китайское руководство пытается подкрепить свои претензии на роль руководителя «третьего мира» бесплодным «теоретизированием», сопровождая его небольшими кредитами и «дарами», надеясь заставить развивающиеся страны отказаться от экономически выгодной им помощи социалистических государств. Трактовка маонистами тезиса «опоры на собственные силы» практически поощряет стремление реакционных сил в освободившихся странах к национальной ограниченности, ставит преграду на пути прогрессивного и независимого развития. В. И. Ленин указывал в свое время, что национализму свойственно стремление «окружить китайской стеной свою национальность, свое национальное рабочее движение» и что такой курс «превращает в ничто великий завет сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков»¹.

Подводя свою несостоятельную, узконационалистическую основу под экономическую политику, китайские лидеры настойчиво внедряют мысль об «общности исторических судеб» и интересов Китая с развивающимися странами, подчеркивая, что эти «исторические судьбы» и интересы якобы не совпадают с интересами «индустриальных государств» независимо от их общественного строя².

При этом китайские руководители стремятся противопоставить «бедные» нации (в число которых включается и Китай) нациям «богатым», ратуют за осуществление взаимопомощи между «бедными друзьями», то есть между развивающимися странами и Китаем³. «Взаимопомощь между странами Азии и Африки,— говорил премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай еще в 1964 году,— это помощь между бедными друзьями, которые разделяют горести и радости без малейшего поползновения к помыканию, как это делают могущественные и великие державы по отношению к малым и слабым странам»⁴.

Главный смысл концепции «опоры на собственные силы» в толковании Пекина заключается в противопоставлении стран «третьего мира» («мировой деревни») странам не только империалистическим, но и (главным образом) развитым социалистическим государствам. Сам Китай под прикрытием этих маонистских лозунгов («опора на собственные силы» и «отказ от помощи извне»), как известно, в значительной мере ослабил экономические и торговые связи со странами мировой социалистической системы, сориентировав свою экономику на капиталистический рынок. Призывая страны «третьего мира» равняться на «китайский опыт», маонисты пытаются выдать его за единственно пригодный образец не только в революционной борьбе, но и в деле экономического развития. Еще в 1965 году китайский делегат на экономическом семинаре в Алжире призывал все развивающиеся страны следовать

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 325.

² «Жэньминь жибао», 26.XI.1963 г.; 29.XI.1963 г.; 20.I.1964 г.

³ «Жэньминь жибао», 25.II.1965 г.

⁴ «Жэньминь жибао», 22.I.1964 г.

по пути Китая, указывая, что «китайский опыт» внутреннего накопления средств, необходимых для строительства, — это единственно «реальный путь разрешения проблем накопления средств на основе опоры на собственные силы»⁵. Маоистская печать упорно называет путь «опоры на собственные силы» «дорогой побед», демагогически утверждая, что все народы мира стремятся вступить на путь, «пройденный китайским народом»⁶.

Между тем опыт самого Китая явно противоречит концепции маоистов об «опоре на собственные силы». Китайская Народная Республика только потому и смогла восстановить свое разрушенное многолетней войной хозяйство и начать социалистическое строительство, что одновременно с мобилизацией внутренних ресурсов получила уже в 1950 году крупный советский заем и в дальнейшем в течение длительного времени постоянно получала значительную экономическую, техническую и финансовую помощь от Советского Союза и других социалистических стран⁷. Кроме того, внедрение за последние годы в практику принципа «опоры на собственные силы» в самом Китае не принесло ему каких-либо экономических успехов, а, напротив, привело к крайне отрицательным явлениям на производстве (интенсификация труда, увеличение продолжительности рабочего дня и т. д.).

Сегодняшняя экономическая политика Китая в афро-азиатских и латиноамериканских странах в целом крайне негативно отражается на положении китайских трудящихся, ибо пекинские лидеры не останавливаются ради достижения чисто гегемонистских и пропагандистских целей перед изъятием средств из тех ресурсов, в которых сам Китай испытывает большую нужду.

Проводя в жизнь свою экономическую политику, руководство КНР разработало «восемь принципов оказания Китаем экономической помощи», а также «четыре основных условия», характеризующих суть экономических отношений Китая с афро-азиатскими странами⁸. При этом китайские лидеры называют эти отношения «новым типом» отношений, якобы принципиально отличающимися от их отношений с другими социалистическими странами.

На самом деле пропагандируемые Китаем принципы и условия оказания экономической помощи развивающимся странам внешне мало чем отличаются от тех принципов, на основе которых оказывают помощь социалистические страны.

Известно, что экономическое сотрудничество социалистических и развивающихся стран действительно строится на принципах полного равноправия и взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела и т. п., создавая тем самым благоприятные условия для реального ослабления зависимости молодых государств от мирового капиталистического хозяйства, для завоевания ими экономической самостоятельности. Как указывал в Отчетном докладе XXIV съезду КПСС Л. И. Брежнев, за последние пять лет «политическое и экономическое сотрудничество СССР с освободившимися странами получило за эти годы дальнейшее развитие. Растет наша торговля с ними. С нашим участием во многих государствах Азии и Африки построены десятки промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Мы вносим вклад и в дело подготов-

⁵ «Дагун бао», 25.II.1965 г.

⁶ «Жэньминь жибао», 20.II.1966 г.; 25.VIII. 1969 г.

⁷ См.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков, Советско-китайские отношения, М., 1971; стр. 179—187.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 30.III. и 27.V.1964 г.; Peking Review, 1964, № 4, стр. 16.

ки кадров для этих стран. И все это делается в обоюдных интересах»⁹.

Маоисты также на словах декларируют принципы равенства сторон, взаимовыгодности и т. п., но при этом стараются подчеркнуть «особые» моменты, как, например, невысокая оплата труда китайских специалистов, уровень их жизни, соответствующий уровню жизни и оплаты местных работников равной квалификации, и др.¹⁰.

Применение всех этих «принципов» на практике и акценты при их толковании обнаруживают замаскированное фразой стремление маоистов противопоставить свои условия тем отношениям, на которых зиждется экономическое сотрудничество социалистических стран с независимыми государствами. Подчеркивая «преимущества» китайской помощи, пекинские лидеры одновременно пытаются опорочить помощь социалистических стран, и прежде всего Советского Союза. В последнее время, пропагандируя пресловутую доктрину о «двух сверхдержавах», Пекин полностью приравнивает помощь СССР развивающимся странам к помощи США и других империалистических государств.

Вряд ли состоятельно с чисто экономической точки зрения условие о беспроцентных китайских кредитах. Льготные условия советских кредитов (2,5% годовых с погашением в течение 10—12 лет и более) всегда выгодно отличались от кредитов капиталистических стран (4—6% в год в среднем) и не ущемляют достоинства развивающихся стран, поскольку соблюдается принцип равенства и взаимной выгоды. Противопоставляя свою помощь советской, Пекин пытается путем предоставления небольших по размеру беспроцентных кредитов с длительными сроками погашения (до 20—30 лет) показать, что помощь «бедного» Китая якобы «бескорыстнее», выгоднее помощи других «богатых» социалистических стран. Между тем мелкие безвозмездные «дары» и небольшие беспроцентные кредиты (которые значительно меньше советских кредитов¹¹) ставят страны, их получающие, фактически в политическую зависимость от «благодетеля», поскольку предполагают необходимость как-то «отблагодарить» Пекин и т. д. Данный принцип формально противоречит декларируемому условию о «равенстве» сторон и носит поэтому не только демагогический, но и антисоветский характер.

Что касается условия об одинаковом уровне жизни и оплаты китайских специалистов с местными работниками, преподносимого в качестве якобы высшего мерила, квинтэссенции «бескорыстия» маоистов, то на деле он содержит расистское начало, ибо противопоставляет «цветных» специалистов белым, у которых более высокое вознаграждение и выше уровень жизни. К тому же, посылая в большом количестве своих специалистов в развивающиеся страны, маоисты в какой-то мере решают свою внутреннюю проблему занятости населения, которая в Китае стоит очень остро.

Китайские руководители, с одной стороны, постоянно подчеркивают трудолюбие, бескорыстие и большие успехи своих специалистов в африканских странах, а с другой — стремятся всемерно опорочить работу, поведение и образ жизни советских специалистов, вносящих на деле

⁹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 19.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 27.V.1964 г.

¹¹ Известно, что Советский Союз предоставил к 1970 г. долгосрочные кредиты на цели экономического развития развивающимся странам на общую сумму 5 млрд. руб. См.: «Международная жизнь», 1970, № 9, стр. 79. Китайская экономическая помощь к этому времени лишь немного превышала 1,5 млрд. долл. (1,3 млрд. руб.), т. е. была более чем в 3,5 раза меньше помощи СССР.

большой вклад в преодоление развивающимися странами экономической отсталости¹².

Таким образом, разработанные маоистами «принципы» и «условия» оказания помощи развивающимся странам максимально нацелены на то, чтобы доказать этим странам ненужность и невыгодность экономического сотрудничества с социалистическими государствами, что Китай и только Китай является «самым верным, самым надежным другом» народов Азии и Африки. Чжоу Энь-лай даже назвал КНР «единственным государством», способным защитить «свободный мир».

Подчиненность внешнеэкономической политики Пекина его гегемонистским устремлениям особенно ярко прослеживается при анализе самого характера экономических и торговых связей Китая со странами Азии и Африки. Например, специалисты из Китая устанавливают в странах-контрагентах широкие прямые контакты с местным населением, различными политическими кругами, с тем чтобы вести промаоистскую и антисоветскую пропаганду. Иными словами, используют экономические связи в качестве каналов внутривнутриполитического вмешательства.

Особенность маоистской тактики в вопросах предоставления помощи заключается в том, чтобы путем сравнительно небольших финансовых затрат добиться максимального влияния в развивающихся странах — получателях этой помощи. Заслуживают также внимания региональный аспект китайской помощи, размеры и время ее предоставления, а также прямая зависимость этих факторов от конкретных политических событий в той или иной стране или регионе.

КНР начала развивать активное экономическое сотрудничество с развивающимися странами после Бандунгской конференции в 1955 году. Первой страной «третьего мира», получившей экономическую помощь от КНР, была соседняя Камбоджа. В 1956 году она получила безвозмездный китайский кредит в сумме 8 млн. ф. ст. на строительство четырех промышленных объектов: текстильной, бумажной, фанерной фабрик и цементного завода. К 1966 году Камбоджа получила в общей сложности кредитов и займов от Китая на сумму около 50 млн. долл. Среди других ранних получателей китайской помощи были также Цейлон и Непал.

В 1958 году, когда началась активная деятельность Пекина на Арабском Востоке, Китай предоставил кредит Йемену в размере 16 млн. долл. В 1961 году, после принятия Бирмой китайских условий при подписании соглашения о границе и при нарастании напряженности в отношениях Китая с Индией, КНР пообещала Бирме самый крупный из всех китайских кредитов того времени — 84 млн. долл.¹³ Кредиты были также предоставлены в 1964 году Пакистану (60 млн. долл.), отношения которого с Индией принимали все более напряженный характер, и Индонезии — 50 млн. долл. К октябрю 1965 года, т. е. к моменту военного переворота в Индонезии, ей был обещан заем в 100 млн. долл., а общая сумма китайских обязательств в Индонезии составила к концу 1965 года 218 млн. долларов¹⁴.

¹² Китайские издания, особенно распространяемые в странах Азии и Африки, заполнены многочисленными статьями с подробными сентиментальными описаниями трудовых подвигов китайских служащих в этих странах, не жалеющих для их блага не только здоровья, но и самой жизни («China Reconstructs», 1968, № 10, vol. 17, p. 44).

¹³ „United Asia“, Bombay, May—June, 1967.

¹⁴ «Asian Survey», 1966, № 7, p. 626; М. С. Капица, КНР: два десятилетия — две политики, М., 1969, стр. 266.

К 1967 году Пекин заключил соглашения об оказании экономической помощи с 24 развивающимися странами Азии и Африки (10 странами Азии и 14 странами Африки): Бирмой, Камбоджей, Непалом, Пакистаном, Цейлоном, Лаосом, Афганистаном, Сирией, Йеменом, Индонезией, Алжиром, Гвинеей, Ганой, Замбией, Кенией, Конго (Браззавиль), Мавританией, Мали, ОАР, Сомали, Суданом, Танзанией, Центрально-Африканской Республикой и Угандой¹⁵.

Из общей суммы кредитов и займов в 1 млрд. долл., определенной по заключенным КНР соглашениям на начало января 1967 года со всеми развивающимися странами, на страны Азии приходилось около 60% всех обязательств. Основная сумма китайских обязательств приходилась в то время на сопредельные с Китаем страны и Индонезию (до 1966 г.). Так, удельный вес Индонезии, Бирмы, Непала и Пакистана в общем объеме экономической помощи КНР странам Азии составлял к концу 1966 года более 70%.

Одновременно в китайской печати активно пропагандировался тезис о том, что нет необходимости оказывать помощь крупным нейтраллистским странам типа Индии, так как помощь таким странам, по словам маоистов, была бы «помощью крупной буржуазии», стоящей у власти. Китайские руководители неоднократно в этой связи обрушивались на Советский Союз за то, что он оказывает экономическую помощь Индии¹⁶. Разумеется, это не было случайностью, как неслучайным было и увеличение начиная с 1965 года размеров китайской помощи (включая военную) Пакистану. Это объяснялось политикой Пекина, направленной на разжигание и углубление индо-пакистанского конфликта в связи с Кашмиром. Эта линия проводилась и в последующие годы по мере обострения индо-пакистанских отношений. В 1969—1970 годах Пекин еще более увеличил техническую помощь и военные поставки Исламабаду. В конце 1971 года маоисты вновь предоставили Пакистану экономическую и военную помощь, рассчитывая на углубление политического кризиса между ним и Индией, на перерастание этого кризиса в вооруженный конфликт.

Политическими расчетами руководствовались китайские лидеры, оказывая экономическую помощь и другим развивающимся странам. Так, 60% помощи Непалу направлялось на строительство стратегических шоссейных дорог. Колебания в предоставлении и реализации помощи Камбодже достаточно синхронно отражали политические отношения между двумя странами: сокращение помощи в период охлаждения отношений в 1966—1967 годах, новые обещания о расширении помощи с целью нормализации отношений в начале 1968 года. Показательно также, что именно этим странам (а также Лаосу) Пекин предоставлял лишь безвозмездную помощь, стремясь тем самым экономически «привязать» их к себе, так как в силу своей географической близости к Китаю они имеют для него большое стратегическое и политическое значение.

Ухудшение политических отношений с Бирмой в годы «культурной революции» сразу же отрицательно сказалось на осуществлении программы китайской экономической помощи этой стране. Реализация ее была прекращена в середине 1967 года. В Пекин были отозваны китай-

¹⁵ В 1965—1967 гг. маоисты приостановили выполнение программ экономической помощи в ряде стран (Гана, ЦАР, Уганда, Индонезия, Бирма), причем основной причиной был разрыв (или временное приостановление) дипломатических отношений правительств этих стран с Китаем, как результат грубого давления и политического вмешательства Пекина в их внутренние дела.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 16.VIII.1963 г.

ские технические специалисты, что создало определенные экономические трудности для Бирмы¹⁷. В 1970—1971 годах, перейдя к политике активизации международных связей, маонисты возобновили оказание помощи Бирме по кредиту 1961 года. Одновременно были восстановлены и торговые связи между двумя странами.

Политические цели преследует группа Мао Цзэ-дуна и в странах Африки, оказывая (или обещая) им экономическую помощь. Например, Чжоу Энь-лай в 1964 году обещал кредиты многим странам, надеясь заручиться поддержкой африканских лидеров в период подготовки ко второй Афро-азиатской конференции в Алжире. Соглашения о предоставлении Китаем кредитов были подписаны в 1964—1965 годах с Алжиром, Гвинеей, ОАР, Сомали, Центрально-Африканской Республикой, Конго (Браззавиль). Однако реализация этих соглашений осуществлялась выборочно в зависимости от реальной поддержки лидерами той или иной страны китайских планов и основных маонистских концепций. Так, в 1964 году Чжоу Энь-лай говорил о предоставлении крупной экономической и технической помощи Алжиру с целью строительства Транссахарской шоссейной дороги. На деле это обещание было поставлено в прямую зависимость от позиции Алжира в вопросе об участии Советского Союза в конференции. Отказ алжирских руководителей поддержать требование маонистов практически «закрыл» вопрос об этом строительстве с помощью КНР. Не был также в свое время реализован обещанный в 1965 году кредит ОАР в 80 млн. долл.

Агрессию Израиля на Ближнем Востоке и оккупацию им части территорий ОАР и Сирии в июне 1967 года маонисты решили использовать для того, чтобы попытаться заставить руководство этих стран принять точку зрения Пекина об исключительно военном решении возникших проблем путем развертывания арабами против Израиля серии «народных войн». В июне 1967 года КНР предложила ОАР в качестве безвозмездной помощи 10 млн. долл. в твердой валюте и обещала поставить 150 тыс. т пшеницы¹⁸. Этот дар должен был продемонстрировать «бескорыстные», «братские» чувства Китая к пострадавшим арабским народам. Однако, как оказалось, эта акция Пекина была продиктована иными соображениями. Китайское руководство поставило лишь часть обещанной пшеницы и отказалось от выполнения остальных обещаний, поскольку позиция, занятая правительством ОАР на Хартумском совещании глав арабских государств (сентябрь 1967 г.), и проводившаяся им впоследствии реалистическая политика не устраивали Пекин.

В 1970 году китайская сторона вновь вернулась к вопросу о реализации займа, обещанного правительству ОАР пять лет назад. В июне 1970 года был подписан протокол об использовании китайского кредита на строительство ряда промышленных объектов. Время подписания протокола весьма симптоматично. Именно в этот момент руководство ОАР вместе со всеми прогрессивными силами мира искало реальные пути к мирному урегулированию конфликта. Маонисты явно рассчитывали путем активизации экономических связей укрепить свои политические позиции в ОАР и навязать экстремистские методы решения ближневосточного кризиса.

Учитывая общее ослабление позиций КНР в Африке в годы «культурной революции», пекинские лидеры попытались укрепить свое политическое влияние в некоторых наиболее важных для себя странах, широко используя для этого экономические каналы. Показательно, что

¹⁷ „United Asia“, 1968, May—June; „Neue Zürcher Zeitung“, 29.IV.1968 г.

¹⁸ „Аль-Ахрар“, 11.VI.1967 г.

предоставление и реализация китайской помощи Мали, Гвинеи, Танзании и Замбии не прекращались даже во времена «культурной революции». Более того, в 1966—1968 годах с этими странами были заключены новые соглашения, там был построен также ряд намеченных ранее объектов, посланы новые группы технических, медицинских и военных специалистов. В 1967 году была достигнута принципиальная договоренность между правительствами КНР, Танзании и Замбии о строительстве с китайской помощью железной дороги из Замбии через Танзанию в Дар-эс-Салам («Ганзам»).

Уже тогда Пекин рассматривал эти страны в качестве своих главных «опорных баз» на континенте и, пытаясь навязать им типично хунвэйбиновские методы, одновременно укреплял в них свои экономические позиции. Маоисты в целях усиления своего влияния в Замбии и Танзании использовали напряженность их внутривластного положения, связанную с проимпериалистическим окружением и наличием расистских колониальных режимов на их границах. КНР и теперь предоставляет им сравнительно большую экономическую и военную помощь. В 1969—1970 годах КНР подписала новые соглашения с Замбией о строительстве шоссейной дороги Лусака — Манкоя, о сооружении с китайской помощью мощных радиопередатчиков и др.

Общий объем обязательств КНР развивающимся странам Азии и Африки к концу 1970 года достиг 1900 млн. долл. Политическая подоплека экономической помощи Китая выявляется особенно ярко, если рассматривать соотношение распределения китайской помощи по континентам. Так, до 1967 года доля стран Азии в общем объеме китайских обязательств заметно преобладала. В 1967 году почти вся помощь оказывалась африканским странам (более 330 млн. долл.), в то время как странам Азии было предоставлено лишь 7 млн. долл.

Эти цифры свидетельствуют не только о падении роли и значения Китая в странах Азии в ходе «культурной революции», но и о том, что маоисты стали больше внимания уделять Африке. Показательно также и то, что из всех азиатских стран в 1967—1968 годах Пекин особо выделял страны Арабского Востока, пытаясь таким образом воздействовать на позиции этих стран в связи с обострением обстановки на Ближнем Востоке, вызванным агрессией Израиля. Подобная ориентация сохраняется и теперь, о чем говорят новые обязательства Китая по оказанию экономической помощи странам именно этого региона. Так, в 1970—1971 годах Китай не только установил дипломатические отношения и начал активизировать свои торговые связи со многими странами, примыкающими к району ближневосточного кризиса (Кувейт, Иран, Ливан, Эфиопия), но и дал ряду стран этого региона новые обязательства об оказании экономической помощи. В 1970 году была обещана помощь Судану, а также НДРЙ, Сомали и т. д. В 1971 году в ходе развертывания антикоммунистической кампании в Судане его экономические связи с КНР получили дальнейшее развитие. Обещан кредит Эфиопии в размере 84 млн. долл.

К 1971 году по мере активизации внешнеполитического курса КНР доля стран Азии и Африки в общей сумме экономической помощи КНР развивающимся странам почти уравнивалась (в основном за счет предоставления новых кредитов некоторым азиатским странам, и в первую очередь Пакистану и Йемену): странам Азии было обещано всего 956,3 млн. долл., а странам Африки — 967,4 млн. долл. (см. табл.).

Показательно, что основное место в экономической помощи КНР занимают предприятия пищевой, легкой промышленности, по производству товаров широкого потребления, сельскохозяйственные, бытовые и

Т а б л и ц а

Распределение обязательств по программе экономической помощи КНР
развивающимся странам Азии и Африки на 1. I. 1971 г.¹⁹
(в млн. долл.)

Страна	Объем обя- зательств	В том числе	
		Кредиты	Безвозмезд- ная помощь
<u>Азия</u>	<u>956,3</u>	<u>771,8</u>	<u>184,5</u>
Пакистан	320,3	318,8	1,4
Индонезия	218,2	218,2	—
Непал	91,3	—	91,3
Бирма	88,2	88,2	—
Камбоджа	59,2	—	59,2
ЙАР	44,8	44,8	—
НДРЙ	43	43	—
Цейлон	41,1	14,6	26,5
Афганистан	28,0	28,0	—
Сирия	16,2	16,2	—
Лаос	6,0	—	6
<u>Африка</u>	<u>967,4</u>	<u>933,7</u>	<u>33,7</u>
Кредит на строительство ж. д. «Танзам»	400,0	400,0	—
Мали	105,5	105,5	—
ОАР	94,6	90	4,6
Гвинея	65,9	54,3	11,5
Танзания	56,0	49,7	6,3
Алжир	51,0	51,0	—
Судан	43,1	43,1	—
Гана	42,0	42,0	—
Народная Республика Конго	25,3	25,3	—
Сомали	23,2	20,2	3,0
Кения	20,8	15,0	5,3
Замбия	16,8	16,8	—
Уганда	15,0	12,0	3,0
Мавритания	4,0	4,0	—
ЦАР	4,0	4,0	—
Итого по странам Азии и Африки	1923,7	1705,5	218,2

¹⁹ Источники: М. С. Капица, КНР: два десятилетия — две политики, М., 1969, стр. 266—268; «Asian Survey», 1965, № 7, p. 150; 1966, № 11, p. 629; «Current History», 1965, Sept., p. 150; «Ostblock und die Entwicklungsländer», 1966, Dezember; «Africa Economic Digest», 1966, vol. 11, № 49, p. 1002; «Far Eastern Economic Review», 1966, № 11, p. 477; 1968, № 29, p. 157; «Current Scene», 1968, vol. VI, № 13; «Internationales Afrika Forum», 1969, April; «Middle East Observer», July 2, 1969; «Perspectives», 1970, № 1152, Mars 21; «Times», 13.VII.1970; «Financial Times», 27.X.1970; «Жэньминь жибао», 14.VII.1970 г.; «New York Post», 8.XI.1971.

прочие объекты (всего 209, или около 80% общего количества запланированных предприятий).

Целевое направление китайских кредитов свидетельствует о том, что Китай не в состоянии обеспечить либо просто игнорирует задачи

индустриализации молодых государств и направляет их усилия в первую очередь на развитие сельского хозяйства, легкой и перерабатывающей промышленности. Удельный вес предприятий тяжелой промышленности в общей сумме обязательств КНР в развивающихся странах составляет всего 20 с небольшим процентов, причем большей частью это мелкие и средние предприятия (механические предприятия по производству оборудования пищевой промышленности, цементные, кирпично-черепичные заводы, несколько небольших ГЭС, фанерные фабрики и др.).

Характерно, что в планах китайской помощи вовсе не предусматривается сооружение предприятий в базовых отраслях тяжелой промышленности: металлургии, угольной, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, энергетической, а также объектов других отраслей тяжелой промышленности, связанных с применением современной сложной техники ²⁰.

Начавшееся в 1970 году строительство железной дороги «Танзам», являющейся наиболее крупным китайским объектом (ее протяженность составит 1880 км), объясняется политическими и престижными соображениями. Его можно рассматривать как попытку маоистов создать в Африке своеобразный противовес Асуанской плотине, построенной с помощью Советского Союза. По соглашению о строительстве дороги Китай обещал предоставить Танзании и Замбии долгосрочный беспроцентный кредит на 30 лет с льготным периодом 6 лет на общую сумму 169 млн. ф. ст. (400 млн. долл.) ²¹. Пекин, видимо, надеется усилить с помощью «Танзам» свое политическое влияние не только в Замбии и Танзании, но и во всей Африке.

Маоисты широко рекламируют в странах «третьего мира» выгоду предоставляемой ими помощи. Однако малоэффективность этой помощи стала ныне общепризнанным фактом. Она, как известно, реализуется невысокими темпами. Так, к середине 1968 года удельный вес реализованной помощи составил около 28% всей суммы обязательств Китая странам Азии и Африки, причем процент реализации по странам Африки был еще ниже — 18,9. На начало 1970 года Китай реализовал около 20% своих кредитов африканским странам ²².

Из 109 промышленных и иных объектов, строительство которых было намечено КНР в Азии, к середине 1968 года было закончено лишь 33 объекта, причем среди них преобладают небольшие предприятия легкой и пищевой промышленности.

Из всех 84 объектов, построенных за пятнадцать лет в странах Азии и Африки, лишь 10 предприятий относится к отраслям тяжелой промышленности (из них 3 построены в Камбодже, 2 — в Пакистане, 2 — в Гвинее и т. д.).

Многие предприятия, построенные с помощью Китая, являются нерентабельными и ложатся бременем на государственные бюджеты этих стран. Так, по вине китайских специалистов было отменено строитель-

²⁰ Для сравнения приведем данные о помощи социалистических стран государствам «третьего мира»: они помогают развивающимся странам в сооружении всего 2424 экономических объектов, в том числе 45 объектов — предприятия черной и цветной металлургии, 584 электростанции и угольные шахты, 136 объектов нефтехимии и нефтепереработки, 112 предприятий по производству стройматериалов, 209 объектов в области транспорта и связи (см.: Л. З. Зевин, Новые тенденции в экономическом сотрудничестве социалистических и развивающихся стран, М., 1970, стр. 74—174). Удельный вес предприятий тяжелой промышленности (причем большинство из них — это крупные предприятия) составляет около половины всего числа объектов.

²¹ „Christian Science Monitor“, July 20, 1970, „Financial Times“, 27.8.1970 г.

²² Из них 18% падает на долю Танзании, Замбии, Гвиней и Конго (Браззавиль)

во ряда промышленных объектов в различных странах: четырех горнорудных предприятий в Непале, металлургического завода в Камбодже, бумажной фабрики в Гвинее; нерентабельными оказались строительство фанерной фабрики в Камбодже, работа чаеразвесочной фабрики в Гвинее; с заниженной на $\frac{2}{3}$ мощностью работает спичечная фабрика в Мали; не имеет сбыта продукция обувных предприятий в Непале и на Занзибаре, построенных с помощью Китая; китайским специалистам не удается создать продуктивное рисоводческое хозяйство в Гвинее, потерпел неудачу проект создания хлопкового хозяйства в НРК. Подобные примеры можно было бы продолжить. К этому нужно добавить также участвовавшие в последнее время жалобы правительств стран Азии и Африки на низкий уровень квалификации китайских специалистов и другие недостатки²³. Поэтому отнюдь не случайно, что руководители некоторых развивающихся стран не скрывают, что «от китайской помощи мало пользы».

За последние 2—3 года, в период усиленной активизации своей внешней политики, руководство КНР форсировало одновременно и расширение экономических связей со странами «третьего мира». В 1970—1971 годах были заключены соглашения о предоставлении новых кредитов Пакистану, Судану, Цейлону, Танзании, Замбии, Южному Йемену, Мавритании, Сомали, Эфиопии и другим странам на сумму более 500 млн. долл. Заключено первое в истории КНР соглашение о кредите Перу. Особенно большое внимание уделяет Китай Пакистану. Активно используя новую автомагистраль Синьцзян — Гилгит, Пекин получил кратчайший выход (через пакистанский порт Карачи) к рынкам ближневосточных и африканских стран²⁴.

Вся внешнеэкономическая политика Китая сегодня подчинена одной главной для маоистов цели — утвердить «новую роль» Китая на международной арене, обеспечить становление КНР в качестве одной из ведущих мировых держав. Пустив в оборот концепцию борьбы «малых и средних» стран против «монопольи двух сверхдержав» (США и СССР), Пекин рассчитывает добиться тесного союза со странами «третьего мира».

Все более откровенный характер принимает в последнее время трактовка маоистами концепции «опоры на собственные силы» как призыва к объединению ресурсов и усилий всех «бедных» стран под руководством КНР в противовес «богатым». Таким образом, и эта концепция стала составной частью доктрины маоистов о «двух сверхдержавах» в ее экономическом преломлении. С помощью этих концепций Пекин стремится замаскировать свои гегемонистские, националистические политические и экономические цели в отношении государств Азии, Африки и Латинской Америки, направить их борьбу (в частности, по линии ООН и других международных организаций) не столько против империализма и неокOLONиализма, сколько против стран социалистического содружества и их экономической помощи развивающимся странам.

Этим же целям служит и внешняя торговля КНР со странами «третьего мира». За десять лет (1960—1970 гг.) товарооборот Китая со странами Азии и Африки увеличился почти вдвое. Основными контрагентами КНР в Азии являлись Индонезия (до 1966 г.), Цейлон, Бирма, Пакистан, Малайя, Камбоджа, Сингапур, на которые до периода «культурной революции» приходилось около 70% ее торговли со странами этого района.

²³ „Afrique nouvelle“, 1969, № 1161; „Supplement. Africa Contemporary Record“, Ld., 1970.

²⁴ „USSR and Third World“, Ld., 1971, vol. 1, № 5, p. 233.

В связи с сокращением после 1965 года торговли КНР с Индонезией первое место в товарообороте КНР с азиатскими странами в настоящее время заняли Малайзия и Сингапур. В августе 1971 года достигнута договоренность об установлении прямых торговых связей между КНР и Малайзией, что открывает для Китая большие возможности для увеличения закупок каучука, пальмового масла и других нужных ему товаров. Одновременно стороны подписали соглашение о прямых морских перевозках. Активно развиваются торговые отношения Китая с Цейлоном и Пакистаном, наметилась тенденция к расширению торговли КНР с Афганистаном, расширяются торговые контакты Китая со странами Ближнего Востока. Установив в 1971 году официальные дипломатические отношения с Кувейтом, Ливаном, Ираном, Турцией, Пекин рассчитывает получить доступ к ближневосточной нефти и другим сырьевым богатствам этих стран.

Растет торговля Китая с африканскими странами. Наиболее активные торговые связи Китай имеет с АРЕ, Марокко, Суданом, Танзанией, откуда он получает хлопок, гвоздику, фосфаты и кобальтовую руду. Так, товарооборот КНР с АРЕ в 1971 году должен был возрасти в 3 с лишним раза по сравнению с предыдущим годом, а с Суданом — на 24% за соответствующий период²⁵. Наблюдается также тенденция к расширению торговли между Пекином и Танзанией, Замбией, Алжиром, Нигерией, Гвинеей и др. Китайский экспорт в эти страны состоит из готовых изделий, оборудования, черных металлов, хлопчатобумажных тканей, чая.

Рост торговой активности Китая в 1970—1971 годах на Латиноамериканском континенте был прелюдией к дипломатическому наступлению Пекина на страны этого района. Характерно, что маоистское руководство, заявляя о своем желании расширить торговлю с данными странами, не настаивало в качестве предварительного условия на установлении с ними дипломатических отношений, то есть применяло гибкую тактику, отделяя «политику от экономики». Так, например, было подписано в середине 1971 года торговое соглашение КНР с Перу. Впоследствии правительство этой латиноамериканской страны заявило об установлении с КНР и дипломатических отношений. По этой же схеме КНР, видимо, собирается строить свои отношения и с другими странами Латинской Америки.

Показательно, что, соглашаясь покупать потребительские товары в Латинской Америке, маоисты идут явно на невыгодные с коммерческой точки зрения сделки ради политического выигрыша. Не случайно журнал «Фар истери экономик ревью» отмечал, что Пекин готов, видимо, «покрыть любые финансовые убытки, которые он может понести, закупив эти товары, ради кратковременных политических успехов»²⁶.

Подобная тактика в целом не является новой для Пекина, она вытекает из общих задач экономической политики маоистов. Известны факты, когда китайские товары еще в начале 60-х годов продавались в ряде стран Азии и Африки по демпинговым, а местные товары закупались по явно завышенным ценам (например, в Индонезии, Непале, Таиланде)²⁷. Китайские внешнеторговые организации также широ-

²⁵ «South China Morning Post», 12.III.1971.

²⁶ «Far Eastern Economic Review», 18.IX.1971.

²⁷ В Сингапуре и Малайзии цены на ткани, одежду, посуду, консервы, цемент, химические и другие товары китайского производства были почти вдвое ниже мировых. «Far Eastern Economic Review», 1, 1965, № 40; «South China Morning Post», June 1, 1967.

ко использовали контрабандные каналы торговли, чтобы, заполняя своими дешевыми товарами рынки некоторых стран Азии, с правительствами которых маонисты не поддерживают нормальных или не имеют дипломатических отношений, подрывать их экономику. Упорную, конкурентную борьбу ведет Китай с Индией на рынках развивающихся стран (особенно в таких, как Бирма, Индонезия, Непал, Таиланд), продавая там свои товары в среднем на 10% (а иногда и на 50%) дешевле, чем индийские²⁸.

Маонисты упорно стремятся также затруднить развитие торговых связей стран «третьего мира» с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Но, несмотря на предпринимаемые ими в течение ряда лет усилия, они не смогли добиться своих целей.

Наоборот, у правительств большинства развивающихся стран все больше и больше вызывает настороженность переориентация Китая на капиталистический рынок, что косвенно не может не затрагивать экономические интересы стран «третьего мира». Многие афро-азиатские страны, анализируя данные своей торговли с Китаем за последние 5—6 лет, обнаружили, что, несмотря на широкую пропаганду маонистами тезиса о «взаимовыгодности», на самом деле они служат в основном рынками сбыта китайской продукции и источниками получения сырья и валюты, которая идет на покрытие дефицита КНР в торговле с западными странами. Так, только в 1966 году положительное сальдо во внешней торговле Китая со странами Африки составило около 50 млн. долл., а со всеми развивающимися странами оно было в пять раз больше²⁹.

Кроме того, неблагоприятный политический резонанс в мире, особенно в Африке, получила тайная торговля Китая с расистскими режимами ЮАР, Южной Родезии, а также с португальскими колонизаторами. Эти связи возникли в начале 60-х годов и спорадически развивались в течение последних десяти лет. Руководствуясь в данном случае чисто коммерческими соображениями, китайские лидеры игнорировали протесты прогрессивных стран Африки, бойкотирующих расистов. Известно, что в 1967—1968 годах КНР закупила в Родезии 60 тыс. т хромовой руды (что составило примерно 20% всей добычи руды), сахар и другие товары, а объем китайской торговли с ЮАР в 1967 году составил 6 млн. рэндов³⁰, причем если прежде (в 1963—1964 гг.) Китай закупал в ЮАР преимущественно манс (по низким ценам), то в последнее время он импортировал оттуда в основном промышленные изделия и хлопок. В 1970 году объем китайской торговли с ЮАР вырос уже до 8 млн. рэндов³¹.

Поскольку такая практика снижает престиж и авторитет Китая в странах «третьего мира», правительство КНР отрицает существование торговых связей с расистами ЮАР и Южной Родезии, выступает с протестами и опровержениями, пытается ввести в заблуждение общественное мнение, «сохранить лицо» перед афро-азиатскими странами. Так, перед созывом третьей конференции неприсоединившихся стран в Лусаке (сентябрь 1970 г.) маонисты опубликовали специальное заявление, в котором вопреки фактам голословно отрицали торговые контакты Китая с расистами.

²⁸ "Indian Express", 1967, November 17; "Tribune", April 15, 1963.

²⁹ "Direction of Trade", Annals, 1962—1966, Wash, 1967, p. 370.

³⁰ "Afrique nouvelle", 1967, № 1048, p. 10.

³¹ "Far Eastern Economic Review", 1970, vol. LXVII, № 1, p. 16.

*
*

Медленные темпы реализации и сама структура китайской помощи свидетельствуют о том, что экономическое сотрудничество с КНР не может внести существенного вклада в выполнение планов развития национальной экономики афро-азиатских стран.

Низкий технический уровень китайской промышленности, экономическая отсталость самого Китая не позволяют строить крупные предприятия, которые могли бы стать основой современной экономики афро-азиатских стран. Китайская промышленность не может поставить оборудование новейших современных стандартов. Пекин систематически нарушает сроки использования кредитов, поставок оборудования, строительства объектов. Будучи заинтересованным главным образом в политическом эффекте оказываемого ими экономического содействия развивающимся странам, руководители КНР зачастую пренебрегают обоснованием технико-экономической целесообразности строительства объектов. Допускаются ошибки в их выборе.

Итак, экономическая политика и практика современного китайского руководства в «третьем мире», подчиненная гегемонистским претензиям группировки Мао Цзэ-дуна, наносит серьезный экономический и политический урон развивающимся странам. Националистические цели маоистов в Азии и Африке объективно смыкаются с магистральным направлением политики империалистических держав, которые, оказывая развивающимся странам «помощь», стремятся изолировать афро-азиатские страны от Советского Союза и других социалистических государств, навязать им свою волю в выборе пути экономического развития, помешать их освобождению от экономической зависимости.

Пытаясь подорвать политические и экономические позиции стран социалистического содружества в «третьем мире», китайское руководство тем самым ставит под удар перспективы борьбы за экономическое и социальное освобождение развивающихся стран и тормозит развитие мирового революционного процесса в целом.

Борьба народов Индокитая против империалистической агрессии США на современном этапе

О. А. Александров, Д. Н. Сергеев

В развернувшейся после второй мировой войны борьбе между силами национального и социального освобождения в странах Азии и силами международной реакции и агрессии, возглавляемыми империализмом США, Индокитай занимает особое место. Индокитайский конфликт по длительности, напряженности и масштабам сил, вовлеченных в него, не имеет аналогий в послевоенной истории национально-освободительного движения.

На протяжении четверти столетия народы Индокитая — прежде всего вьетнамский народ — непрерывно отстаивают свою независимость. Значительная часть этого периода приходится на вооруженное сопротивление индокитайских патриотов попыткам империалистов собственными силами или руками наемников навязать путем агрессии и истребительной войны неоколониальный гнет Вьетнаму, Лаосу и Камбодже.

В попытках подавления национально-освободительного движения на Индокитайском полуострове особую активность проявлял и проявляет империализм Соединенных Штатов Америки. После второй мировой войны Индокитай постоянно привлекал пристальное внимание военных и промышленно-финансовых кругов, руководителей внешнеполитических ведомств США и Белого дома. Независимо от того, какая партия находилась у власти — демократическая или республиканская, — Вашингтон всегда в той или иной форме проводил политику активного вмешательства в дела Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Столь значительный интерес империалистических кругов США к этому району связан как с наличием больших природных богатств, так и с важным стратегическим положением Индокитайского полуострова, возможностью использования его в качестве плацдарма в борьбе против социалистических стран и национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии. Район Индокитая всегда рассматривался правящими кругами США как одно из наиболее важных и в то же время слабых звеньев в распадающейся системе империалистического господства в Азии. Именно здесь произошла одна из первых победоносных освободительных революций на Азиатском континенте — августовская революция 1945 года во Вьетнаме, в результате которой было создано первое в Азии государство народной демократии — Демократическая Респуб-

ка Вьетнам. Самоотверженная борьба вьетнамского народа за независимость, свободу и социальный прогресс была и остается вдохновляющим примером для патриотов в других странах Индокитайского полуострова, для народов всей Юго-Восточной Азии. В этом также состоит немаловажная причина того, почему американские правящие круги считают свое «присутствие» в Индокитае жизненно важным для сохранения позиций империализма в Юго-Восточной Азии.

Еще в 50-е годы, на завершающем этапе войны французских колонизаторов против вьетнамского народа, тогдашний министр ВВС США Финлеттер писал: «Соединенные Штаты неоднократно заявляли, что абсолютно необходимо удержать Индокитай. Если он падет, то падет вся Юго-Восточная Азия, а последняя имеет жизненно важное значение для интересов Соединенных Штатов»¹.

В тот период Вашингтон, руководствуясь этой «сверхзадачей», поощрял Францию на продолжение и расширение агрессивной войны во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Роль США и планы американского империализма в той войне были четко охарактеризованы президентом Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мином: «Французские империалисты ведут войну во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе на деньги американцев, оружием американцев и по указке американцев. Но американские империалисты стремятся вытеснить французских колонизаторов с тем, чтобы окончательно прибрать Индокитай к своим рукам. Поэтому вмешательство американцев в военной, политической и экономической областях с каждым днем становится все более открытым и активным»².

Последующие события полностью подтвердили правильность этой оценки. К концу «грязной войны» французских колонизаторов США не только превратились в главного интенданта французского экспедиционного корпуса в Индокитае, но уже рассматривали возможность собственного прямого вмешательства в войну. Непосредственно перед капитуляцией французского гарнизона в Дьен Бьен-фу и началом Женевского совещания 1954 года в Вашингтоне разрабатывались планы вторжения во Вьетнам. На заседании Национального совета безопасности США, состоявшемся 5 апреля 1954 года, рассматривался меморандум Пентагона, в котором указывалось, что «семь американских дивизий или их эквивалент с соответствующей морской или воздушной поддержкой потребуются для победы в Индокитае, если французы будут вынуждены уйти оттуда»³. «Документы Пентагона,— подчеркивала в июле 1971 года газета «Вашингтон ивнинг стар»,— свидетельствуют, что планирование на высшем правительственном уровне распространялось гораздо дальше воздушных ударов и предусматривало длительную интервенцию США в Индокитае. Это планирование включало возможность применения ядерного оружия»⁴.

Натиск сил национального освобождения во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, сокрушительный удар, который Вьетнамская народная армия нанесла по французскому экспедиционному корпусу в Дьен Бьен-фу, положили конец «грязной войне». Важную роль в этом сыграла и сила международной солидарности с борющимися патриотами Индокитая, и особенно солидарность социалистических стран, выступавших единым фронтом в поддержку Вьетнама, Лаоса и Камбоджи как в годы войны, так и за столом переговоров в Женеве в 1954 году.

¹ Т. К. Финлеттер, Сила и политика. Внешняя политика и военная мощь Соединенных Штатов в век водородного оружия, М., ИЛ, 1956, стр. 121—122.

² Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи, М., Госполитиздат, 1959, стр. 346.

³ «Правда», 4.VII.1971 г.

⁴ Там же.

Заклучение Женевских соглашений расстроило империалистические планы закабаления Индокитая. После Женевского совещания 1954 года правящие круги Соединенных Штатов Америки были вынуждены отказаться от прямого военного вмешательства во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже и прибегли к иным формам установления своего контроля над Индокитайским полуостровом.

Экономическое и военное проникновение, поддержка внутренней реакции стали в тот период основными направлениями политики США в странах Индокитая. Наиболее отчетливо это проявилось в действиях Соединенных Штатов Америки в Южном Вьетнаме, где сразу же вслед за подписанием Женевских соглашений ими был создан реакционный марионеточный режим, который стал жестоко преследовать бывших участников Сопротивления, прогрессивные силы страны. Стараясь остаться в тени, Вашингтон принудил южновьетнамские власти открыто отказаться от выполнения конкретных положений Женевских соглашений 1954 года, сорвал воссоединение Вьетнама в единое государство мирными средствами.

Население Южного Вьетнама в ответ на репрессии, проводимые фашиствующим режимом Сайгона, поднялось на патриотическую освободительную борьбу. С декабря 1960 года эту борьбу возглавил Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама.

Лето 1961 года явилось новым рубежом в политике США в Индокитае. От оказания материальной помощи сайгонскому режиму Вашингтон перешел к направлению в Южный Вьетнам военных «советников», которые «в случае необходимости» должны были использоваться в «антипартизанских действиях». Закончился длившийся в течение 16 лет период, когда США безуспешно пытались использовать различные силы, включая своих партнеров по военным блокам, для того чтобы проникнуть в Индокитай. Не выполнил да и не мог выполнить возлагаемых на него империалистами надежд и марионеточный режим в Южном Вьетнаме. Провал планов «мирного» (для США!) проникновения в Индокитай в начале 60-х годов привел к тому, что были сделаны первые шаги к участию американских вооруженных сил в войне во Вьетнаме. Началась «особая война», явившаяся, по существу, лишь этапом на пути к «американской войне» во Вьетнаме. Однако, несмотря на увеличение финансовой помощи Сайгону и количества американских военных «советников» в Южном Вьетнаме, удары сил Освобождения по марионеточным войскам нарастали.

В патриотическое движение вовлекались все новые слои южновьетнамского населения. Свержение и убийство южновьетнамского диктатора Нго Динь Дьема, совершенные при активном участии американской разведки, были симптомом провала планов «особой войны».

С начала 1965 года параллельно с развертыванием воздушной агрессии США против ДРВ американская военщина взяла на себя основную роль в подавлении национально-освободительного движения на Юге Вьетнама. Концепция «ограниченного участия» оказалась также несостоятельной. США перешли к ведению «локальной войны» против южновьетнамских патриотов.

Индокитай превратился в один из наиболее опасных очагов империалистической агрессии в мире. Сюда были направлены огромные силы: в момент наивысшей точки эскалации агрессивной войны США против вьетнамского народа в 1969 году в Южном Вьетнаме находилось свыше 540 тыс. солдат и офицеров американской армии, а вместе с силами союзников США по агрессии (Южной Корее, Таиланда, Австралии, Новой Зеландии и Филиппин) — более 600 тыс. иностранных войск.

Против индокитайских патриотов была брошена армада американских военных самолетов, корабли 7-го флота США, другая современная военная техника. Одновременно правительство Соединенных Штатов Америки продолжало оказывать значительную экономическую и военную помощь сайгонскому марионеточному режиму.

На развязывание американским империализмом «локальной войны» в Южном Вьетнаме и агрессивной воздушной войны против Демократической Республики Вьетнам вьетнамский народ ответил дальнейшим усилением своей борьбы. В ходе «второй войны Сопротивления» патриоты Южного Вьетнама во главе с Национальным фронтом освобождения нанесли по войскам интервентов и марионеточным войскам ряд тяжелых ударов. Особое значение имело всеобщее наступление и вооруженное восстание в Южном Вьетнаме весной 1968 года, а также поражение, нанесенное американским агрессорам в их воздушной войне против Северного Вьетнама героическими защитниками ДРВ. Одним из важнейших факторов, обеспечивших успехи патриотов Юга и защитников Северного Вьетнама, явилась разносторонняя братская помощь, которая оказывалась все эти годы Демократической Республике Вьетнам Советским Союзом.

Героизм и самоотверженность вьетнамского народа, правильное политическое руководство его борьбой со стороны Партии трудящихся Вьетнама и бескорыстная поддержка и помощь СССР и других социалистических стран обусловили крах империалистической политики США в Индокитае и на этом этапе. Несмотря на колоссальные усилия и расходы, США и их союзники по войне не смогли выполнить ни одной из стратегических задач «локальной войны» и необъявленной воздушной войны против ДРВ. Национально-освободительное движение в странах Индокитаея не только не было подавлено, но продолжало развиваться и шириться. Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, как и Патриотический фронт Лаоса, укреплял позиции и влияние внутри страны, рос их международный авторитет.

К лету 1969 года почти во всех провинциях Южного Вьетнама возникла народно-революционная администрация, созданная путем свободных, демократических выборов. В одном из освобожденных районов 6—8 июня 1969 года состоялся Конгресс народных представителей Южного Вьетнама, который принял решение о провозглашении Республики Южный Вьетнам и создании Временного революционного правительства РЮВ. Это правительство было поддержано широкими слоями прогрессивной общественности в стране. В его поддержку выступили более 120 международных и национальных демократических общественных организаций. ВРП РЮВ признано 28 странами.

Империалистам не удалось обескровить и поставить на колени, как они рассчитывали, Демократическую Республику Вьетнам. Опираясь на широкую поддержку и бескорыстную помощь Советского Союза, других братских социалистических стран, народ ДРВ во главе с Партией трудящихся Вьетнама не только продолжает успешно противостоять агрессии и оказывать поддержку освободительному движению на юге страны, но и осуществляет социалистические преобразования, начатые в Северном Вьетнаме после победоносного завершения в 1954 году войны Сопротивления французским колонизаторам.

Прямое военное вмешательство США в дела Южного Вьетнама позволило им временно задержать процесс ликвидации господства правых политических сил в лице сайгонского марионеточного режима. Однако позиции этого режима были и остаются крайне непрочными, его власть опирается целиком и полностью на иностранную помощь и воен-

ную силу. Главная политическая задача, которую правящие круги Соединенных Штатов Америки ставили перед собой в Южном Вьетнаме — создание стабильной власти проамериканских сил, обладающей хотя бы видимостью представительного характера, — так и не была достигнута. Фарсы «выборов» марионеточного президента в Сайгоне в сентябре 1967 года и в октябре 1971 года убедительно продемонстрировали перед всем миром провал американских усилий в этом направлении.

Одним из наиболее важных последствий неудач «локальной войны» в Южном Вьетнаме и провала агрессии против ДРВ явилось ставшее заметным уже в 1968 году и непрерывно усиливавшееся с тех пор разочарование американской общественности во вьетнамской политике правящих кругов США. Особенно большое недовольство в США вызывало и вызывает продолжающееся участие американских вооруженных сил в военных действиях и как следствие этого гибель американцев на полях сражений во Вьетнаме. К настоящему времени, по официальным американским данным, США потеряли во вьетнамской войне более 45 тыс. человек убитыми и более 300 тыс. ранеными. Вьетнамская война стала в последние годы одной из самых непопулярных акций правительства США, объектом постоянной острой критики в конгрессе и стране. В статье, опубликованной газетой «Нью-Йорк таймс» в марте 1971 года, сенатор Юджин Маккарти следующим образом сравнивал отношение американской общественности и политических деятелей к вьетнамской войне в 1967—1968 годах и в 1970 — начале 1971 года: «В 1967 и 1968 годах обе партии в США высказывались в пользу войны. Сейчас по крайней мере половина членов одной партии против нее. В 1967 году всего пять человек в сенате США проголосовали за предложение отменить резолюцию о Тонкинском заливе. В 1970 году всего пять сенаторов проголосовали против отмены этой резолюции. В 1967 году лишь один из претендентов в кандидаты от демократической партии на пост президента официально выступал против войны. В 1971 году против войны выступает пять или даже шесть человек из числа лиц, помогающих выдвижению их кандидатур. В 1967 году лишь горстка демократов в сенате была против войны. Во время недавнего закрытого заседания лидеров демократической партии в сенате за разработку твердого графика вывода американских войск из Юго-Восточной Азии проголосовал 31 человек».

Новые и новые поражения во Вьетнаме, а также стремление правящих кругов США ослабить недовольство американской общественности вьетнамской политикой привели к тому, что начиная с 1968 года эта политика была подвергнута частичному пересмотру. Параллельно с продолжением военных действий в Южном Вьетнаме были начаты четырехсторонние переговоры в Париже о мирном урегулировании вьетнамской проблемы. Одновременно в Вашингтоне занялись поисками новой стратегии войны, которая сделала бы ее менее дорогостоящей для США — как в материальном, так и в морально-политическом плане. Решение ограничить расходы на вьетнамскую войну было связано также с усилившимися финансовыми трудностями США и опасениями washingtonских деятелей, что прежний уровень этих расходов нанесет ущерб осуществлению ряда дорогостоящих программ военного строительства и сохранению стратегических позиций Америки в других районах мира.

Так в 1969 году появилась на свет пресловутая программа «вьетнамизации» войны в Южном Вьетнаме. Одновременно в Вашингтоне было объявлено о пересмотре всей военно-политической стратегии США в Азии, были сформулированы принципы «новой азиатской политики», из-

ложенные в виде так называемой «Гуамской доктрины» президента США Никсона.

Главный смысл доктрины, как заявил президент США в ежегодном внешнеполитическом послании конгрессу в феврале 1970 г., «состоит в том, что Соединенные Штаты будут участвовать в обороне и развитии наших союзников и друзей, но Америка не может и не будет разрабатывать все программы, выполнять все решения и брать на себя во всем объеме оборону свободных стран мира. Мы будем оказывать помощь в тех случаях, когда в этом есть реальная нужда и когда это будет отвечать нашим интересам».

Иными словами, речь идет о том, что США будут помогать в подавлении национально-освободительных движений тем правительствам, которые идут в фарватере американской политики, без широкого и прямого участия сухопутных войск Соединенных Штатов Америки. По замыслам правящих кругов США азиаты должны убивать азиатов во имя интересов американского империализма.

Сущность этой политики во Вьетнаме состоит прежде всего в том, чтобы реорганизовать и перевооружить сайгонскую марионеточную армию, повысить ее боеспособность настолько, чтобы она была в состоянии взять на себя основное бремя ведения войны во Вьетнаме и тем самым ограничить участие сухопутных войск США в военных действиях и свести к минимуму американские потери в людях. Посол США в Сайгоне Банкер цинично заявил, что цель «вьетнамизации» состоит в том, чтобы «изменить цвет кожи покойников».

Для выполнения программы «вьетнамизации» войны в контролируемых сайгонским правительством районах Южного Вьетнама была введена всеобщая воинская повинность. Численность регулярных частей, местного ополчения и полицейского корпуса Сайгона возросла до 1,1 млн. человек и, судя по сообщениям западной прессы, будет увеличиваться еще. Войскам Сайгона переданы большие партии американских автоматических винтовок «М-16», пулеметов, средств транспорта и связи. Военно-воздушные силы марионеточной армии доведены до 32 эскадрилий, на их вооружение американцы выделили более 700 боевых самолетов и вертолетов. Военно-морской флот Сайгона получил от США несколько сотен различных военных кораблей.

Пропагандистские и официальные заявления Вашингтона призваны доказать, что вооруженные силы сайгонского режима стали вполне боеспособной армией, которая может самостоятельно и успешно вести военные действия против патриотов. В качестве доказательства этого ссылаются, в частности, на участие сайгонских войск в «умиротворении» населения Южного Вьетнама, то есть в осуществлении террора против сельского и городского населения страны, «чисток» и «прочесываний» партизанских районов.

Действительно, как сообщалось в документе Комитета по расследованию военных преступлений империалистов США и их лакеев, опубликованном в Ханое в июне 1971 года, в проведении операции «Феникс» (кодовое название программы «умиротворения») участвовали 800 отрядов из 44 тыс. марионеточных солдат во главе с американскими «советниками». В 1968, 1969 и 1970 годах на проведение этой операции США ассигновали 2,1 млрд. долларов. Однако, по сообщениям командования народных вооруженных сил Освобождения Южного Вьетнама, несмотря на варварские методы, применяемые противником, НВСО удается срывать большую часть операций по «умиротворению», особенно в равнинных районах Центрального Вьетнама. При этом марионеточные войска несут крупные потери в живой силе и технике.

Без малого три года проведения в жизнь политики «вьетнамизации» говорят о том, что и этот «поворот» в стратегии США не дает ее авторам желаемых результатов. Военно-политическая обстановка в Южном Вьетнаме не изменилась в лучшую для оккупантов и марионеток сторону. Напротив, активные действия НВСО по срыву политики «вьетнамизации» и «умиротворения», демократические мероприятия, проводимые ВРП РЮВ в освобожденных районах Южного Вьетнама, стимулировали значительный подъем политической борьбы в городах, которые интервенты и марионеточные власти до недавнего времени считали своими цитаделями. В течение последних лет, особенно с 1969 года, в южновьетнамских городах разворачивается все более широкое движение под антивоенными, антиамериканскими и антиправительственными лозунгами, в котором участвуют различные слои населения — трудящиеся, студенты, буддистские священники, представители либеральной буржуазии и интеллигенции. «Это движение, — подчеркивал премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг, — означает значительный прогресс борьбы в городах, оно свидетельствует об огромном влиянии и авторитете Национального фронта Освобождения и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам»⁵.

По мере возрастания угрозы провала политики «вьетнамизации» войны вашингтонские стратеги стали вносить коррективы в провозглашенный ими курс на «выход США из войны». Из многочисленных «уточнений» и «разъяснений», одно из которых было сделано Никсоном в телевизионном интервью 2 января 1972 года, выяснилось, в частности, что в Вашингтоне не собираются выводить из Южного Вьетнама все американские войска, а планируют сохранить там «остаточные силы» численностью 25—35 тыс. человек. Далее было заявлено, что США намерены продолжать воздушные налеты как на Южный Вьетнам, так и на ДРВ в нарушение взятого на себя в 1968 году обязательства о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама. Таким образом, политика «вьетнамизации» на поверку свелась к продолжению агрессии против ДРВ и подавлению национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме с участием вооруженных сил США.

Одним из шагов на пути осуществления «Гуамской доктрины» явилось распространение Соединенными Штатами вьетнамской войны на весь Индокитай. Весной 1970 года, воспользовавшись государственным переворотом в Камбодже, США ввели на территорию этой страны свои войска и войска сайгонского режима. Во вторжении на камбоджийскую землю в мае — июне 1970 года приняли участие 32 тыс. американских и 48 тыс. сайгонских солдат, авиация, бронетанковые части и 250 военных судов.

В Пентагоне давно вынашивались планы использования территории Камбоджи и ее правых сил для борьбы против национально-освободительного движения как в самой этой стране, так и в соседних странах, и прежде всего в Южном Вьетнаме. Однако ход событий в Камбодже показал, что этот расчет был ошибочным. В ответ на вторжение патристические силы решительно поднялись с оружием в руках на борьбу против американских империалистов и их марионеток. В результате на Индокитайском полуострове произошло дальнейшее расширение фронта антиимпериалистической борьбы, что вовсе не входило в расчеты вашингтонских стратегов.

Под давлением мировой общественности правящие круги США были вынуждены к 1 июля 1970 года вывести американские сухопутные части из Камбоджи. Однако марионеточные сайгонские войска при под-

⁵ «Нян Зан», 1. IX. 1971 г.

держке американской авиации продолжают осуществлять карательные экспедиции против камбоджийских патриотов.

В начале 1971 года американская военщина попыталась еще раз нанести удар по силам освобождения в Индокитае, а заодно и показать всему миру успех политики «вьетнамизации». В соответствии с разработанным в Пентагоне планом операции «Ламшон-719» в Южный Лаос вторглись свыше 30 тыс. солдат самых отборных подразделений из войск сайгонского стратегического резерва. 16 тыс. американских солдат поддерживали боевые действия сайгонцев с тыловых баз в Южном Вьетнаме, 2 тыс. американских самолетов и вертолетов, в том числе стратегические бомбардировщики «Б-52», принимали непосредственное участие в боевых операциях, оказывая поддержку сайгонцам с воздуха.

Осуществляя это вторжение, американские генералы в перспективе имели в виду расчленить надвое Индокитайский полуостров, «кореизировать» его, изолировать южновьетнамских патриотов от патриотов Лаоса и Камбоджи, от помощи из Северного Вьетнама и по частям задушить национально-освободительное движение в странах Индокитаея.

Однако самая крупная за всю историю «грязной войны» США в Индокитае операция, на которую американское командование и администрация возлагали большие надежды, обернулась сокрушительным поражением агрессоров как с военной, так и с политической точек зрения. По данным главной ставки Народно-освободительной армии Лаоса, за 43 дня ожесточенных боев в феврале и марте 1971 года в районе дороги № 9 противник потерял убитыми и ранеными более 15 тыс. солдат и офицеров, в том числе 200 американцев. Было уничтожено и серьезно повреждено 496 самолетов и вертолетов, 318 бронетранспортеров и танков.

Победа патриотов Лаоса на дороге № 9, где были разгромлены отборные части сайгонских войск, оказала серьезное влияние на дальнейший ход событий и военно-политическую обстановку в Индокитае. Она продемонстрировала бесперспективность политики «вьетнамизации» войны и вновь воодушевила патриотов Лаоса, Южного Вьетнама и Камбоджи в борьбе против американских империалистов и их наемников.

Использование командованием США в Индокитае сайгонских войск в операциях при вторжении в Камбоджу и Лаос вскрыло еще одну особенность империалистической «Гуамской доктрины»: она предусматривает уничтожение азиатов руками азиатов не только в пределах одной страны, но и в пределах целого региона путем направления вооруженных сил того или иного государства или контролируемого американцами режима в пределы соседних стран для подавления в них национально-освободительного движения в тех случаях, когда по мнению Вашингтона местные власти не способны или не хотят справиться с этой задачей. Нельзя сказать, чтобы в этом было что-либо принципиально новое: попытки натравливания народов друг на друга и использование наемников одной национальности в борьбе против патриотических сил другой — давний прием империалистической политики в Азии. В частности, с начала «локальной войны» в Южном Вьетнаме американцы широко использовали войска Южной Кореи, Филиппин, Австралии, Новой Зеландии и Таиланда (последние участвуют также в военных действиях против национально-освободительного движения в Лаосе). Однако «Гуамская доктрина» предусматривает использование наемников одной азиатской страны в борьбе против патриотов другой в качестве главного, а не вспомогательного средства политики, направленной на сохранение неокolonialного господства США.

Стремясь поставить на более прочную основу «сотрудничество» правых сил Индокитайского полуострова в подавлении национально-освободительного движения и в то же время замаскировать собственную роль организатора и вдохновителя карательных операций «азиатов против азиатов», вашингтонские политики предпринимали попытки сколотить военно-политический блок Сайгон—Пномпень—Бангкок—Вьентьян. Усилия по сколачиванию такого блока составляют важный элемент политики, направленной на реализацию «Гуамской доктрины» в Юго-Восточной Азии. В статье «Дипломатическая работа на службе войны сопротивления против агрессии США, за национальное спасение» министр иностранных дел ДРВ Нгуен Зуй Чинь писал, что доктрина Никсона в отношении Азии «заключается в том, чтобы создать региональный союз контрреволюционных сил, укрепить сговор с японскими реакционерами, превратить Японию в ударный отряд американских империалистов, использовать азиатов для борьбы против азиатов, жителей Индокитая для борьбы против жителей Индокитая, обеспечить интересы США в Азии с наименьшей затратой долларов и минимальными для США людскими потерями»⁶.

Как и в других своих аспектах, «Гуамская доктрина» терпит крах в той своей части, которая касается создания подобного блока. Ряд причин (в том числе внутренние противоречия между предполагаемыми участниками блока, а также между некоторыми из них и США) привел к тому, что до сих пор усилия американцев в этом плане оставались безрезультатными, хотя, судя по всему, они предпринимаются и поныне.

Попытки Вашингтона проводить в жизнь «Гуамскую доктрину», политику «вьетнамизации» в Индокитае имели до сих пор один чрезвычайно важный и непредвиденный для стратегов американского империализма результат: они привели к дальнейшему упрочению единства народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. В начале 1970 года состоялась конференция представителей народов Индокитая. «Участники конференции,— отмечалось в совместном заявлении,— призвали народы трех стран укреплять солидарность и вести мужественную борьбу против американских империалистов и их приспешников в защиту своих священных национальных прав, в защиту коренных принципов Женевских соглашений 1954 и 1962 годов с тем, чтобы Индокитай действительно стал районом независимости и мира в соответствии с чаяниями народов трех стран и интересами мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире».

Конференция народов Индокитая в 1970 году стала важной вехой на пути дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества народов Вьетнама, Лаоса, Камбоджи. Антиимпериалистический фронт индокитайских народов заметно окреп и играет важную роль в борьбе за свободу и независимость стран этого района. Для освободительного движения на Индокитайском полуострове характерны крепнущее братство по оружию, глубокое взаимопонимание, ясно выраженная тенденция к всемерному укреплению единства.

* * *

Переход правящих кругов США к политике «вьетнамизации» войны, их попытки осуществить «Гуамскую доктрину» в странах Индокитая явились прямым результатом провалов и поражений стратегии «локальной войны» против национально-освободительного движения в этом районе.

⁶ «Хок Тап», Х. 1971 г.

Фактически признав этот провал и уступая требованиям общественного мнения в США и во всем мире, американская администрация вынуждена была пойти на вывод большей части своих сухопутных войск из Индокитая. Речь, таким образом, идет об отступлении империализма в этой части земного шара. Вместе с тем, отступая, Вашингтон пытается сохранить свои позиции на Индокитайском полуострове, не отказываясь ни от одной из прежних империалистических целей в Юго-Восточной Азии. Это находит проявление, в частности, в позиции, которую заняла американская делегация на парижских переговорах о мирном урегулировании во Вьетнаме.

Как известно, делегации ДРВ и ВРП РЮВ на переговорах в Париже за время четырехсторонних встреч обнародовали полную, аргументированную и конкретную программу урегулирования, которая не только отвечает коренным национальным интересам вьетнамского народа, но и в ряде положений идет навстречу США, открывая им путь к уходу из Вьетнама с «сохранением лица».

В мае 1969 года Национальный фронт освобождения выступил с программой глобального решения вьетнамской проблемы, известной под названием «10 пунктов НФОЮВ». В течение последующих лет делегация ВРП РЮВ в Париже неоднократно конкретизировала и развивала положения «10 пунктов». Особенно широкую известность и поддержку во всем мире получили предложения из 7 пунктов, изложенные в выступлении министра иностранных дел ВРП РЮВ Нгуен Тхи Бинь на заседании парижского совещания по Вьетнаму 1 июля 1971 года. Принятие этих предложений позволило бы в короткие сроки добиться мирного урегулирования во Вьетнаме.

В конце января — начале февраля 1972 года Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам и правительство ДРВ вновь выступили с конструктивными предложениями, направленными на скорейшее восстановление мира на вьетнамской земле в соответствии с национальными чаяниями народа Вьетнама. В разъяснениях ВРП РЮВ по двум основным вопросам плана из 7 пунктов, сделанных в заявлении от 2 февраля, было подтверждено требование о прекращении правительством США воздушной войны и всех военных действий во Вьетнаме, быстром и полном выводе из Южного Вьетнама американских войск и вооруженных сил стран — союзниц США по войне, установлении конкретной конечной даты вывода всех войск США из Южного Вьетнама без каких бы то ни было условий. Вместе с тем было заявлено, что конечная дата вывода американских войск из Южного Вьетнама будет также датой освобождения всех военнослужащих и гражданских лиц, взятых в плен во время войны, в том числе американских летчиков, захваченных в Северном Вьетнаме. Что касается решения политических проблем Южного Вьетнама, то предложения, внесенные ВРП РЮВ, являются не менее четкими, справедливыми и конструктивными: правительство США должно не на словах, а на деле уважать право южновьетнамского народа на самоопределение, прекратить всякое вмешательство во внутренние дела Южного Вьетнама, отказаться от поддержки диктатора Нгуен Ван Тхьеу. Немедленная отставка марионеточного «президента» Тхьеу, отказ администрации Сайгона от проведения воинственной политики, роспуск аппарата насилия и принуждения и немедленное прекращение политики «умиротворения» открыли бы путь к осуществлению действительно свободного и демократического политического процесса в Южном Вьетнаме в первую очередь, как это предлагается в разъяснениях от 2 февраля, — к обсуждению между ВРП РЮВ и сайгонской администрацией вопроса о сформировании правительства национального согласия.

Правительство Демократической Республики Вьетнам в заявлении от 5 февраля 1972 года подтвердило свою поддержку 7 пунктов, полностью одобрило разъяснения ВРП РЮВ по двум основным вопросам этого плана, отметив полное соответствие между предложениями Временного революционного правительства РЮВ и планом мирного решения вьетнамской проблемы, внесенным представителями ДРВ в ходе секретных переговоров с представителями США летом 1971 года.

Справедливая позиция ВРП РЮВ и правительства ДРВ по вопросу о мирном урегулировании во Вьетнаме нашла широкую поддержку и одобрение всех прогрессивных сил мира. Советское правительство в заявлении, опубликованном 12 февраля 1972 года, указало, в частности, что предложения из 7 пунктов с разъяснениями ВРП РЮВ от 2 февраля являются «реальной и конструктивной основой для подлинного урегулирования вьетнамской проблемы»⁷.

Перед лицом активной, гибкой и конструктивной линии ДРВ и РЮВ в вопросе об урегулировании вьетнамской проблемы представители США на парижском совещании по Вьетнаму с самого начала встали на путь затягивания переговоров, стремясь уйти от ответа на справедливые требования представителей вьетнамского народа, переключить дискуссию с главных на второстепенные, в том числе процедурные, вопросы. Такая линия вытекает из общей тактической задачи, которую Вашингтон поставил перед собой в Индокитае на нынешнем этапе: всеми средствами обеспечить сохранение статус-кво в Южном Вьетнаме и выполнение программы «вьетнамизации» войны. Это подтверждается и при рассмотрении предложений американской стороны по урегулированию вьетнамской проблемы, в частности выдвинутого в январе 1972 года так называемого «мирного плана из 8 пунктов». Как указывалось в заявлении Советского правительства от 12 февраля 1972 года, объективный анализ этого плана свидетельствует о том, что Вашингтон отказывается установить конкретную дату вывода всех американских войск из Южного Вьетнама, стремится заставить южновьетнамский народ согласиться с дальнейшим существованием проамериканского марионеточного режима в Сайгоне. «Мирный план», предложенный Вашингтоном, оказался на поверку планом, предусматривающим либо полную капитуляцию прогрессивных сил Вьетнама, либо продолжение агрессивной войны путем «вьетнамизации». Правительства ДРВ и ВРП РЮВ подвергли этот план заслуженной суровой критике и отклонили его как неприемлемый.

В условиях, когда события в Индокитае все больше доказывают нереальность ставки Вашингтона на способность сайгонской марионеточной армии самостоятельно справиться с национально-освободительным движением в Южном Вьетнаме и соседних с ним Лаосе и Камбодже, когда проекты создания блока антинародных сил на Индокитайском полуострове терпят неудачу, естественно возникает вопрос, на что рассчитывают правящие круги США, что питает их упорное нежелание встать на путь серьезных переговоров с представителями ДРВ и ВРП РЮВ о мирном решении вьетнамской проблемы.

Анализ официальных заявлений и практических действий Вашингтона показывает, что наряду с продолжением варварских бомбардировок, использованием все более изощренных методов и усовершенствованных технических средств ведения войны против вьетнамского народа, патриотов Лаоса и Камбоджи правящие круги США делают все большую ставку на различные политические маневры, направленные на достижение

⁷ «Правда», 12. II. 1972 г.

тех целей, которых им не удалось добиться военным путем. При этом как свидетельствуют факты, особые надежды в Вашингтоне возлагают на возможность достижения соглашения с пекинским руководством за счет интересов вьетнамского народа и народов других индокитайских стран.

В начале января 1972 года обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Сулицбергер писал, что с некоторых пор США в своем стремлении сохранить свои позиции в Юго-Восточной Азии «стали возлагать надежды на Китай», что, «по-видимому, является одним из важных аспектов новой политики США в Азии». Это предположение подтвердилось во время визита в Пекин в феврале 1972 года президента США Р. Никсона. Как вытекает из сообщений американских газет, ссылающихся, в частности, на высказывания «информированных представителей правительства», во время этого визита американцы организовали за спиной народов Индокитая политический торг с китайскими лидерами, предложив им следующую сделку: США уйдут с Тайваня, если китайцы помогут им «убедить Ханой» принять американские условия урегулирования, иными словами — капитулировать.

Опыт многолетней героической борьбы вьетнамского народа, патриотов Лаоса и Камбоджи, пользующихся бескорыстной помощью и поддержкой со стороны Советского Союза и других социалистических стран, говорит о том, что ни грубой силой, ни изощренными политическими маневрами империалистам США не удалось и не удастся сломить волю участников освободительной борьбы в Индокитае. Как указывалось в послании премьер-министра правительства ДРВ Фам Ван Донга Всемирной ассамблее за мир и независимость народов Индокитая, проходившей в Версале с 11 по 13 февраля 1972 года, «до тех пор, пока американские империалисты будут продолжать свою агрессию против индокитайских стран и свою политику «вьетнамизации» войны в Южном Вьетнаме, вьетнамский народ преисполнен решимости упорно продолжать и активизировать свою патриотическую борьбу против американской агрессии, вплоть до обретения своих основных национальных прав. В то же время вьетнамский народ будет всеми силами поддерживать справедливую борьбу народов Лаоса и Камбоджи против американских империалистов и их лакеев до полной победы»⁸.

⁸ «Нян Зан», 12. II. 1972 г.

Китайско-японские отношения (уроки истории, современность)

М. И. Сладковский

доктор экономических наук, профессор

Китай и Япония все еще не имеют между собой официальных дипломатических отношений, и многие разделяющие их проблемы остаются неурегулированными. Известно, что на протяжении всей длительной истории этих государств между ними неоднократно возникали конфликты, войны, затрагивающие интересы народов не только их стран, но и всей Восточной Азии. Мировой общественности, следовательно, не безразлично, как будут урегулированы отношения между этими двумя крупнейшими государствами на Дальнем Востоке. Будут ли руководителями обеих стран учтены исторические уроки прошлого, несостоятельность их гегемонистских притязаний на руководящую роль в Азии в силу якобы «расовой исключительности их народа» или «непогрешимости идей вождя и прошлого величия страны»? Или эти отношения будут установлены на условиях мирного, добрососедского сосуществования без ущерба для интересов других народов?

Из прошлого

Китай, как древнее государство, достигшее к моменту формирования централизованной государственности Японии (VII в. н. э.) сравнительно высокого культурного уровня, оказал большое влияние на развитие материальной и духовной жизни японского народа. Материальное и духовное превосходство Китая давало повод китайским правителям высокомерно относиться к Японии, причислять ее к своим вассалам и при проявлении, как казалось китайским императорам, непокорности со стороны Японии угрожать ей войной.

Наиболее крупные столкновения Китая с Японией происходили на корейской земле из-за соперничества за овладение Корейским полуостровом. Однако начиная с XVII столетия взаимные отношения Китая с Японией отодвигаются на второй план, поскольку оба государства оказались под угрозой вторжения европейских колонизаторов, появившихся у берегов Китая и Японии с более мощным оружием и товарами фабричного производства. В результате поражения цинского Китая в 1842 году в «опиумной войне» с Англией Китаю был навязан первый неравноправный договор.

В 1854 году под военным нажимом американского коммодора Перри Япония вынуждена была подписать такой же неравноправный договор с Соединенными Штатами Америки.

Китай и Японию объединила одна общая судьба. Обе феодальные империи, переживавшие острый социальный кризис, столкнулись с более сильными капиталистическими странами и были вынуждены отступить. Тем не менее в последней трети XIX столетия развитие Китая и Японии протекало в различных исторических условиях.

На троне Китайской империи восседали чужеземные маньчжурские правители (династия Цин — с 1644 по 1912 г.), боявшиеся китайского народа больше, чем западных колонизаторов. Политика изоляционизма, проводившаяся цинским двором, имела своей целью изолировать китайский народ от влияния передовой западной цивилизации, сохранить в стране феодальные устои. Руководствуясь такой антинациональной политикой, императорский двор Цинов жестоко расправлялся с национально-освободительным и демократическим движением китайского народа и путем компромисса и уступок добивался помощи от империалистических государств для поддержания одряхлевшего феодального строя.

По-другому сложилась судьба Японии. Формальное двоевластие, которое сложилось после сосредоточения фактической власти в руках сёгуната Токугавы (XVII столетие), представлявшего интересы крупных феодалов, привело к нарастанию оппозиционных феодальному строю сил под флагом защиты императора и восстановления централизованной монархии. В таких своеобразных исторических условиях в Японии развернулась «революция Мэйдзи» и страна вступила на путь бурного капиталистического развития.

Уже в первые годы после «революции Мэйдзи» капиталистическая Япония предпринимает агрессивные действия против своих соседей — Китая и Кореи. Одним из ярких проявлений экспансионистской политики Японии явилась японо-китайская война 1894—1895 годов за утверждение права господства над Кореей. Однако война и ее последствия послужили убедительным подтверждением тому, что японская экспансия вовсе не ограничивается притязаниями только на Корею, что завоевательные планы Японии предусматривают также овладение китайскими территориями, прилегающими к Корее.

Эта война явилась поворотным пунктом в отношениях между Китаем и Японией. Вместе с другими капиталистическими государствами Япония становится участником империалистического разбоя, претендентом на господство в полуколониальном Китае.

Начавшееся в конце XIX столетия наступление на Китай, а также русско-японскую войну 1904—1905 годов и захват Кореи империалистические круги Японии старались изобразить как акты, направленные против «белого» империализма, в защиту желтой расы, в том числе расово родственного Китая. Нельзя не отметить, что эта расистская пропаганда находила отклик многочисленных сторонников среди китайской интеллигенции и даже в высших правительственных кругах Цинской империи. Сам факт возвышения Японии, еще недавно находившейся на положении государства, урезанного в правах неравноправными договорами, имел весьма существенное моральное и политическое значение для китайцев.

Японским империалистическим кругам удавалось довольно успешно эксплуатировать теорию расовой общности китайского и японского народов и потому, что вплоть до первой мировой войны агрессия Японии развертывалась преимущественно в Маньчжурии (не считая Кореи и Тайваня), т. е. на территории, считавшейся родиной ненавистных китайцам маньчжурских династийных правителей, на которой китайского населения проживало немного (на рубеже XX столетия в Маньчжурии проживало около 2 млн. чел., большая часть из которых были маньчжуры). Однако сразу же после русско-японской войны японские монополистиче-

ские концерны решительно вторгаются в центральные районы Китая, и к 1914 году из общей суммы японских инвестиций в Китае 192,5 млн. ам. долларов на долю Внутреннего Китая уже приходилось 52,9 млн. ам. долл. Несмотря на то что и в эти годы Япония вынашивала планы экспансии и проводила усиленную подготовку для проникновения в районы Внутреннего Китая, тем не менее правящие круги продолжали маскировать свои действия, изображая их перед китайской общественностью как «защиту территориальной целостности» Китая от «белого» империализма.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой, сложившейся для Японии в связи с началом первой мировой войны и отвлечением основных государств-конкурентов на решение европейских проблем, японские империалистические круги резко активизировали свою агрессивную политику против Китая, обнажив перед китайским народом свое истинное хищническое лицо. Они уже не могли камуфлировать классовый характер своей экспансионистской политики, не могли скрыть тот факт, что не национальное и расовое родство определяет их образ мышления и действия в отношении Китая, а стремление к получению капиталистической прибыли, эксплуатации труда, особенно дешевого, колониального.

В истории известно «21 требование», предъявленное империалистической Японией Китаю в 1915 году. Осуществление этих требований ставило под полный политический, экономический и военный контроль все действия китайского правительства. День принятия юаньшикаевским правительством японского ультиматума 9 мая 1915 года был объявлен китайским народом «днем национального позора». По всему Китаю развернулось широкое антияпонское движение. Рассеялись иллюзии в отношении «расового собрата», и японский империализм предстал перед китайским народом как самый страшный, самый опасный враг, пытавшийся лишить Китай суверенных прав и превратить его в колонию.

На этом историческом этапе и позднее японские империалисты не только не вспоминали о расовом родстве с китайским народом, об общности судеб двух государств, но и объявили китайский народ «неполноценным», а китайское государство — «неорганизованным», подверженным «красной опасности».

В официальных документах японское правительство доказывало своим империалистическим соперникам — США, Англии, Франции, что только Япония в состоянии установить «порядок» в Китае и «защитить» собственность и интересы иностранных государств и их подданных, находившихся на китайской территории. Нужно признать, что японская пропаганда об «исторической миссии» империи Ямато и о ее способности установить «новый порядок» в Китае находила сочувствие и поддержку в правящих кругах главных империалистических государств. В 30-х годах империалистическая Япония с благословения США, Англии, Франции и при активной поддержке фашистских государств — Германии и Италии взяла на себя роль жандарма, защитника интересов империалистических держав в Китае. Ослепленные классовой враждой к первому в мире социалистическому государству, США, Англия и другие империалистические державы стремились направить японскую агрессию в сторону Советского Союза и заодно ослабить Японию, сохранив за собой руководящее положение в Китае.

Однако события у озера Хасан и у реки Халхин-Гол с достаточной убедительностью показали японской военщине, насколько опасна и бесперспективна для нее война с Советским Союзом. В то же время политика «компромисса и умиротворения», проводимая американо-английским блоком в отношении японских милитаристов в Китае, и капитулянтская политика гоминьдановского правительства порождали у японских

правлящих кругов иллюзию легкой победы в Китае, молниеносного завоевания этой страны с целью создания там плацдарма для последующей агрессии против других стран Азии. Вторгшись в 1937 году во Внутренний Китай и захватив в течение полугода Шанхай, Нанкин и главные города провинций Чахар, Хэбэй, Суйюань, Шаньси, Чжэцзян и Шаньдун, японская военщина явно нарушила «жизненные интересы» Англии, США, Франции и других западных стран в Китае. Поэтому к концу 30-х годов японской военщине уже трудно было выдавать себя за «стража интересов» других империалистических государств в этой стране. Столкновение между империалистическими хищниками становилось неминуемым.

Готовясь к решительному наступлению на интересы Англии, США и других соперников и к изгнанию их из Китая, правящие круги Японии вновь прибегли к изменению своей тактики и направили свои усилия на то, чтобы подорвать единый антияпонский фронт китайского народа, изолировать его от Советского Союза, помощь которого в этот период сыграла решающую роль в антияпонской борьбе¹. В марте 1940 года в Нанкине японские власти создали «китайское правительство» во главе с предателем-перебежчиком Ван Цзинь-веем и 30 ноября 1940 года подписали с этим «правительством» так называемый «Договор об основах взаимоотношений между Японией и Китайской республикой», по условиям которого Япония легализовала право держать свои войска в Китае и осуществлять полный контроль над Китаем в течение неограниченного срока.

Начиная войну на Тихом океане, японская военщина рассчитывала, что ей удастся мобилизовать многомиллионные массы народов Восточной Азии на борьбу с «белым» империализмом. Особенную настойчивость по «укреплению солидарности» народов желтой расы Япония стала проявлять после того, как ее планы молниеносного завершения тихоокеанской войны, основывавшиеся на предполагаемой скорой победе гитлеровской Германии над Советским Союзом, были нарушены и война приняла затяжной характер. 5 ноября 1943 года японское правительство созвало в Токио Ассамблею народов Восточной Азии с участием ванциньювеевского Китая, Таиланда, Маньчжоу-го, Бирмы и Филиппин. Японская дипломатия не скупилась на обещания «гарантировать независимость» странам — участницам ассамблеи, призывая их «предпринять совместные усилия для успешного завершения войны в Восточной Азии, освобождения их территорий от ярма англо-американского господства»².

Наряду с «мирными» посулами «осуществить фундаментальный пересмотр договора между Японией и Китаем» японская военщина продолжала проводить жестокие карательные экспедиции против демократических районов, находившихся под управлением китайских коммунистов, и расширять районы оккупации. К середине 1944 года японские армии, пользуясь капитулянтскими настроениями гоминьдановского правительства и попустительством американско-английского командования, уклонившегося от столкновения с японскими силами в Китае, захватили опорные пункты на всем протяжении железнодорожной магистрали Пекин—Ханькоу—Кантон и вышли в районы, граничащие с Индокитаем,

¹ В 1938 г., то есть после того, как состоялось соглашение между гоминьданом и КПК о создании единого антияпонского фронта и при Национальном правительстве Китая был создан Национально-политический совет с участием коммунистов (Дун Би-у, Ван Мин, Мао Цзэ-дун, Линь Цзю-хань и др.), Советский Союз предоставил Китаю 2 займа по 50 млн. ам. долл. в 1938 г. и третий заем — 150 млн. ам. долл. в 1939 г., в счет которых поставлялось вооружение. Советские военные советники, военнослужащие принимали участие в руководстве военными действиями и непосредственно участвовали в боевых операциях против японских интервентов.

² Из заявления японского премьер-министра Тодзио в японском парламенте, 16.VI. 1943 г.

овладев таким образом сквозными коммуникациями от Маньчжурии до Индокитая. Ведя против своих противников изнурительную, затяжную войну, правящие круги Японии не теряли надежды закончить ее компромиссным и «почетным» миром.

Разгром японского империализма и начало нового этапа китайско-японских отношений

Стратегические планы Японии были опрокинуты в результате вступления в войну на Дальнем Востоке Советского Союза. Своим участием в войне против империалистической Японии советские вооруженные силы внесли решающий вклад в разгром японского империализма, их участие в военных действиях предредило и ускорило победоносное окончание войны, которую вели союзники на Дальнем Востоке. Не менее важное значение вступление Советского Союза в войну имело для укрепления и развития народно-демократического движения народов Азии, в первую очередь Китая и Кореи. Освобождение Советской Армией территорий Китая и Кореи привело к ликвидации на этих территориях военно-экономической системы японского монополистического капитала, служившей целям войны и колониального порабощения китайского и корейского народов. До капитуляции Японии в 1945 году промышленность, транспорт, финансы, оптовая торговля в этих районах полностью находились в руках японских монополий и японских оккупационных властей, руководство ими осуществлялось исключительно японцами (без какого-либо участия национального капитала и специалистов Китая и Кореи). После разгрома и пленения японских интервентов во избежание расстройства экономической жизни этих районов все существовавшие здесь отрасли экономики были приняты Советской Армией под свое управление, восстановлены ею (с привлечением большого числа советских специалистов) и переданы в руки трудового народа Китая и Кореи.

Американский империализм, попытавшийся перенять утраченную Японией роль главного жандарма в Восточной Азии и с помощью реакционной клики Чан Кай-ши утвердить свое господство в Китае, натолкнулся на решительное сопротивление демократических сил китайского народа, опиравшегося на помощь Советского Союза.

Временные успехи гоминьдановских войск в 1946—1947 годах, когда им при военной и финансовой помощи США удалось значительно расширить плацдарм военных действий и даже занять столицу народно-демократической администрации г. Яньань (март 1947 г.), были вскоре парализованы. Уже в следующем, 1948 году значительно укрепленная и оснащенная с помощью Советского Союза современным оружием Народно-освободительная армия Северо-Восточного Китая сумела нанести решающее поражение гоминьдановским войскам в Южной Маньчжурии, Северном Китае и тем самым сыграть решающую роль на завершающем этапе гражданской войны в Китае 1946—1949 годов. Образование Китайской Народной Республики и ее утверждение на социалистическом пути развития явилось победным триумфом демократических сил китайского народа, опиравшихся на экономическую, военную и политическую поддержку Советского Союза, других социалистических стран и мировой прогрессивной общественности.

Разгром японского империализма и ликвидация военно-фашистской системы государственного управления объективно создавали благоприятные условия для демократического развития Японии. В Потсдамской декларации, определившей условия капитуляции, говорилось, что в Японии «навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кото-

рые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний». Демократическая общественность, в первых рядах которой боролась вышедшая из подполья японская компартия, развернула широкое народное движение, требовавшее осуществления социальных реформ, установления рабочего контроля над производством, искоренения идеологии великодержавного расизма и монархо-фашизма.

Оккупационная администрация США в первые послевоенные годы (1945—1947), когда еще достаточно эффективно действовали Дальневосточная Комиссия и Союзный Совет для Японии, созданные на основе Московского совещания министров иностранных дел (декабрь 1945 г.), осуществила ряд существенных мер, направленных на ремилитаризацию японской экономики и демократизацию общественной жизни страны.

Однако в дальнейшем, после того как планы империалистических кругов США по установлению своего контроля над Китаем рухнули, американское правительство встало на путь полного отказа от согласованных с союзниками решений в отношении послевоенного развития Японии. Новая политика США, известная в истории как политика «обратного курса», была направлена на превращение Японии в арсенал американского империализма на Дальнем Востоке, на подавление с помощью японской реакции демократического движения японского народа.

Между американским империализмом и возрождающимися японскими монополиями в 1948—1952 годах сложился союз. В рамках этого союза США изъявили готовность предоставить Японии экономическую помощь и использовать американскую оккупационную администрацию внутри Японии для утверждения экономической и политической власти японского монополистического капитала. Взамен этого японское правительство обязалось содействовать военным авантюрам США на Дальнем Востоке.

* * *

К 1950 году Китай и Япония оказались на различных путях общественного развития. Китай успешно осуществлял плановое социалистическое строительство и к 1958 г., то есть к последнему году «первой пятилетки», при экономической и научно-технической помощи Советского Союза (СССР до 1956 г. предоставил КНР льготные кредиты в сумме 1816 млн. руб. и бесплатную научно-техническую помощь в виде лицензий, проектов, чертежей, консультаций и т. д.) и других социалистических стран создал первичную основу социалистической экономики. VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.) наметил обширную программу социалистического развития КНР; по второму пятилетнему плану в течение 1958—1962 гг. намечалось увеличить национальный доход на 50%, промышленное производство — в два раза и сельскохозяйственное производство — на 35%. В области международных отношений съезд определил курс, основывающийся на укреплении «вечной и нерушимой братской дружбы с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии», на установление «дружеских отношений со странами Азии и Африки и с другими странами, одобряющими пять принципов» мирного сосуществования.

КНР утверждалась на социалистическом пути развития в тесном содружестве с другими социалистическими странами как миролюбивая социалистическая страна.

Япония же к началу 50-х годов оказалась под полным контролем Соединенных Штатов. Сан-Францисский мирный договор, заключенный

в сентябре 1951 года США и некоторыми другими странами без участия Советского Союза, КНР, КНДР, не привел к выводу из страны американских вооруженных сил. На основе одновременно подписанного американско-японского «договора безопасности» правительство США сохранило на территории Японии свои военные базы. Японские же монополии взяли на себя роль младших партнеров американского империализма. Американская агрессия в Китае и Восточной Азии стала для японских монополий крупнейшим бизнесом. Военные «спецаказы» Пентагона превратились в те годы в основной источник валюты для японских дзайбацу, в средство обеспечения твердого сбыта японской промышленной продукции. За период войны США в Корее 1950—1953 годов американские «спецаказы» японской промышленности составили огромную сумму — 2374 млн. ам. долларов. Поступаясь национальными интересами и государственной суверенностью, японские монополии стали яростными защитниками союза с США. Вопреки японской демократической общественности, требовавшей демократических преобразований и утверждения Японии как миролюбивой, нейтральной страны, правящие круги во имя интересов монополий стали активно блокироваться с реакционными режимами Южной Кореи, Тайваня, Сайгона и др. Зависимое от США положение японского правительства не могло не отразиться и на китайско-японских отношениях.

Следуя в фарватере США, японское правительство с первых дней образования КНР проявляло крайнюю враждебность по отношению к правительству народного Китая. Еще не состоя членом ООН, Япония присоединилась к блокаде КНР, осуществляемой Соединенными Штатами через Китайский комитет (Чайнаком), который был создан на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 мая 1951 года, навязанной ей американской делегацией. Затем 28 апреля 1952 года японское правительство Иосиды подписало двусторонний «мирный договор» с чанкайшистским режимом на о. Тайвань, признав его «законным» общекайтайским правительством. Этими актами правящие круги Японии, по существу, закрыли пути к нормализации отношений с КНР. В ответ на это правительство КНР в совместной с правительством СССР декларации заявило официальный протест в связи с заключением незаконного «мирного договора» Японии с тайваньским режимом и агрессивным характером американско-японского «договора безопасности».

Позиция правящих кругов Японии вызывала протесты японской демократической общественности, требовавшей признания правительства народного Китая и установления с ним дипломатических отношений. Недовольство выражали даже некоторые представители буржуазных кругов Японии. Многие японские бизнесмены, особенно те из них, которые мало получают от союзнических отношений с США, не могли мириться с потерей выгод, которые они могли бы получить в результате установления торговых связей между Японией и народным Китаем.

Под давлением японской демократической общественности, с одной стороны, и с укреплением международных позиций КНР, успешно преодолевавшей с помощью социалистических стран блокаду Чайнакома, — с другой, японское правительство вынуждено было заняться поисками хотя бы частичного решения проблемы нормализации отношений с КНР. Продолжая следовать курсу «союза и дружбы» с США, из которого японские монополии извлекали для себя большую политическую и экономическую выгоду, правительство Японии приняло компромиссную формулу отношений с КНР — «отделять торговлю от политики». На практике эта формула означала — развивать торговлю, но без участия японского правительства, на частно-правовой основе, и не идти на дип-

ломатическое признание правительства КНР. Правительство КНР приняло в качестве компромиссной, промежуточной формы предложение японской стороны о проведении торговли на частно-правовой, неправительственной основе. В 1952—1955 годах были заключены китайско-японские соглашения о торговле, подписанные с китайской стороны Комитетом содействия международной торговле, а с японской — Ассоциацией содействия развитию японо-китайской торговли и Японо-китайской экспортно-импортной ассоциацией. За эти годы торговый оборот между КНР и Японией возрос с 15,4 млн. ам. долл. в 1952 году до 151 млн. ам. долл. в 1956 году, хотя он по-прежнему оставался незначительным.

Поиски путей нормализации китайско-японских отношений

Широкие круги японской демократической общественности, продолжая вести решительную борьбу за ликвидацию японо-американского союза, за демократическую, нейтральную Японию, выступали одновременно за нормализацию отношений с КНР, за признание единственно законным правительством Китая правительство КНР.

Позиция прогрессивной общественности Японии и китайского народа нашла отражение в коммюнике от 20 октября 1959 года о встрече в Пекине представителей ЦК КПК с представителями ЦК КПЯ, в котором говорилось: «В настоящее время в странах социалистического лагеря во главе с Советским Союзом ускоренными темпами ведется экономическое и культурное строительство. Движение за национальную независимость, демократию и свободу в Азии, Африке и Латинской Америке продолжает усиливаться... Именно в такой обстановке мирная политика социалистического лагеря пользуется все более горячей поддержкой...»

В коммюнике обращалось внимание на то, что «на Дальнем Востоке американские империалисты и их приспешники — японские реакционные силы — все еще усиленно возрождают японский милитаризм и пытаются путем пересмотра японо-американского «договора безопасности» усилить свое господство и грабеж в отношении японского народа и укрепить открытый военный союз, острие которого направлено против Китая и Советского Союза». Японская делегация, как говорилось в коммюнике, следующим образом определяла пути дальнейшего развития Японии: «Путь, по которому должен идти японский народ, — это путь мира, независимости, демократии, нейтралитета». Представители обеих партий выразили уверенность в том, что «народы и коммунистические партии Китая и Японии вместе с народами всех стран внесут еще больший вклад в дело борьбы за мир на Дальнем Востоке и во всем мире, за обеспечение национальной независимости всех стран, за развитие дела демократии и социального прогресса».

Как видно из этого коммюнике, КПК и КПЯ сделали вывод о том, что силы реакции объединяются не по расовому, а по классовому признаку, что борьбу за демократию и социальный прогресс народы Японии и Китая должны вести вместе с народами и прогрессивной общественностью всех стран мира.

Однако осуществлению требований прогрессивных сил Японии мешали реакционные политические круги, боявшиеся потерять «союзную» поддержку США. Малейшие попытки японских фирм привлечь к участию в торговле с КНР финансовые правительственные органы (банки) немедленно пресекались японским правительством. Более того, правительство Японии письменно заверило тайваньские власти в том, что пра-

вительственные банки Японии не будут представлять кредиты и финансовые гарантии японским фирмам по контрактам, заключенным с КНР.

Возникли трудности и в Китае. После того как группа Мао Цзэ-дун ревизовала решения I сессии VIII съезда КПК, аннулировала генеральную линию КПК, принятую в первые годы после образования КНР, и встала на путь разрыва политических, экономических и научно-технических связей с СССР и другими социалистическими странами, во внешней политике КНР произошли принципиальные изменения. Отвергая научный, марксистско-ленинский анализ международной обстановки, маоисты стали строить свою политику не на классовой, а на расовой основе под девизом «Азия для азиатов». Антисоветизм, разжигаемый маоистами в Китае, привел их к поискам союзников среди реваншистских и крайне националистических кругов Японии, к попыткам создать общую антисоветскую позицию по «территориальному» вопросу.

Сокращая торговлю с СССР и другими социалистическими странами, маоцзэдуновское руководство попыталось возместить это расширением торговли с Японией. В кругах правящей либерально-демократической партии Японии в это время выделяется влиятельная группа, возглавляемая Кэндзо Мацумура, решительно выступившая за расширение торговли с КНР. В октябре 1962 года, после предварительной договоренности Мацумура с китайским правительством, был подписан меморандум «О развитии частной торговли между Японией и Китаем» (меморандум Ляо Чэнь-чжи — Такасаки) на пятилетний период. К торговле с КНР потянулись многие японские фирмы. За 1963—1966 годы торговый оборот между КНР и Японией увеличился с 137 млн. до 626 млн. ам. долл., то есть более чем в 4,5 раза, и Япония во внешней торговле КНР заняла первое место, тогда как торговля КНР с СССР за этот же период сократилась с 594 млн. до 315 млн. ам. долларов.

Еще большую настойчивость в расширении торговли с Японией правительство КНР начало проявлять со времени «культурной революции», когда маоисты полностью захватили власть в свои руки и стали на путь форсированной милитаризации страны. Маоисты в это время занялись вооруженными провокациями на советской границе, усилили раскольническую и подрывную деятельность против социалистических стран, а также внутри международного коммунистического движения. Особую враждебность маоисты стали проявлять к Коммунистической партии Японии, зачисляя ее (так же как Советский Союз) в число «главных врагов Китая».

Они направили все внимание своей агентуры на подрыв КПЯ, на расстройство левodemократического движения в Японии. Антисоветский курс и антикоммунистическая подрывная деятельность маоистов в Японии встретили сочувствие и «понимание» японских реакционных кругов. Многочисленные делегации Либерально-демократической партии, видные буржуазные парламентарии, посещавшие КНР и проводившие там переговоры с маоцзэдуновским руководством, пытались убедить правительственные круги Японии, что КНР вовсе не «коммунистическая» страна, что она вместе с Японией может сыграть решающую роль в «консолидации» Азии. Вернувшись из Китая в самый разгар «культурной революции», Кэндзо Мацумура, подробно характеризуя националистические настроения и антисоветизм китайских руководителей, старался убедить буржуазные круги Японии отказаться от антикоммунистической предубежденности в отношении КНР. «Возьмем область просвещения,— говорил Мацумура.— Самые большие усилия направляются там (в КНР.— М. С.) на подъем патриотических, а в конечном итоге националистических, великоханьских настроений. Разве подлинный комму-

низм не преодолевает национальные различия и государственные границы? Если учесть эти обстоятельства, то что же, вообще говоря, представляют собой в Китае атрибуты коммунизма?»³

Разумеется, позиция так называемых «практических» деятелей ЛДП, представлявшаяся Мацумурой и другими, отражала интересы влиятельных кругов японского монополистического капитала. В то время как прогрессивная общественность Японии, последовательно ведущая борьбу за нормализацию отношений с КНР, желает видеть в лице Китая народно-демократическое государство и исходит из того, что отношения между Японией и Китаем должны строиться на принципах взаимного равенства, признания суверенности и невмешательства во внутренние дела друг друга, представители японского монополистического капитала по-прежнему рассматривают Китай как источник сырья для своей промышленности и рынок сбыта своих товаров.

Некоторые вопросы китайско-японских отношений, требующие решения

Вне зависимости от позиции отдельных представителей правящих кругов Японии и руководства Пекина для нормализации отношений между Китаем и Японией должны быть даны ответы на все те вопросы, которые до сего времени продолжают осложнять отношения между ними.

1. *О признании правительства КНР как единственного правительства Китая.* Несомненно, что одной из главных причин, затруднивших нормализацию отношений КНР с Японией, была негативная позиция японского правительства в вопросе признания и установления дипломатических отношений с правительством КНР. В результате открытого вмешательства США японский премьер Иосида 24 декабря 1951 года в письме, направленном государственному секретарю США Даллесу, подтверждал, что «японское правительство не имеет намерений заключить двусторонний договор с коммунистическим режимом Китая» и будет развивать отношения «с национальным правительством Китайской республики, которое имеет место, голос и право голосовать от имени Китая в ООН»⁴.

К этому времени с достаточной ясностью было определено и направление внешней политики правительства КНР. В общей программе Народного политического консультативного совета Китая, принятой I сессией НПКС (сентябрь 1949 г.), говорилось, что правительство КНР будет устанавливать дипломатические отношения лишь с теми «иностранными правительствами, которые порвут отношения с гоминьдановскими реакционерами и займут дружественную позицию в отношении Китайской Народной Республики».

Таким образом, внешняя политика Китая и Японии в отношении друг друга исходила из диаметрально противоположных позиций. Камнем преткновения оказалось тайваньское «правительство», созданное и оберегаемое США.

Первые изменения в официальной политике японского правительства в отношении признания правительства КНР появились в конце 1969 года. В декабре 1969 года правительство Японии выразило желание вступить в переговоры с КНР (а не с «коммунистическим Китаем», как до этого официальные представители Японии называли КНР) на прави-

³ Из заявления Кэндзо Мацумуры, «Тоё кэйдзай», 1966, № 3316, стр. 55.

⁴ Бюллетень Государственного департамента, т. 24, № 657, 1952, стр. 120.

тельствственном уровне. При этом японские дипломаты не забывали напоминать общественности, что, идя на изменение политики по отношению КНР, правительство Японии исходит из наметившегося улучшения отношений США с КНР (снятие эмбарго на торговлю заграничных филиалов американских фирм с КНР, возобновление американо-китайских переговоров на уровне послов и др.), подчеркивая тем самым свою солидарность с США и в этом вопросе.

Еще более определенно стремление к восстановлению официальных отношений с КНР японское правительство стало выражать после встречи Никсона—Сато в январе текущего года. На пресс-конференции в Сан-Клементе, выступая по результатам встречи, Сато не скрывал, что между Японией и США существуют различия в подходе к улучшению отношений с КНР. При этом Сато объяснил эти различия тем, что США имеют договорные обязательства перед Тайванем (администрация Чан Кай-ши), а «Япония таких обязательств не имеет» и что «Япония будет уважать решение Организации Объединенных Наций по Китаю»⁵, то есть признавать правительство КНР единственным законным правительством Китая. Для юридического обоснования перемены своей позиции по отношению к режиму Чан Кай-ши японские дипломаты могут сослаться на коренное изменение международного статуса этого режима: Япония признала этот режим в качестве правительства Китая постольку, поскольку он «имеет место, голос и право голосовать от имени Китая в ООН».

Руководители Пекина со своей стороны стремятся максимально ограничить круг разногласий с правительством Японии. Как видно из многочисленных переговоров представителей правящей ЛДП Японии с премьером КНР Чжоу Энь-лаем, главным условием Пекина для открытия переговоров ставится уход в отставку премьера Сато, которому персонально, а не японскому монополистическому капиталу, ставится в вину неурегулированность китайско-японских отношений. Следовательно, если не возникнет дополнительных осложнений по другим проблемам, то можно ожидать, что для установления официальных китайско-японских дипломатических отношений формальных препятствий не существует.

2. *О Тайване.* Проблема Тайваня, несомненно, занимала и будет занимать важнейшее место в китайско-японских отношениях. На протяжении всего послевоенного периода правящие круги Японии неизменно уделяли Тайваню большое внимание. Япония предоставила тайваньскому режиму довольно значительные займы (свыше 150 млн. ам. долл.), гарантии правительственных банков в торговле с тайваньскими фирмами, оказывает финансовую и техническую помощь в реконструкции и строительстве тайваньских портов, промышленных предприятий. До самого последнего времени товарооборот Японии с Тайванем значительно превышал товарооборот с КНР.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что до 1965 года в течение 18 лет в Японии проживал в качестве главы «Временного тайваньского правительства» довольно известный тайваньский сепаратист Ляо Вэнь-и (Томас Ляо). Не без ведома США это правительство было распущено, и Ляо Вэнь-и 14 мая 1965 года вернулся на о. Тайвань «для участия в антикоммунистической борьбе под руководством Чан Кай-ши», как об этом сообщили японские газеты. Продолжается деятельность тайваньских сепаратистов в Японии и в настоящее время. В Японии

⁵ Сообщение агентства Киодо Цусин от 7 января 1972 г

довольно активно действует «Молодежная лига независимости Тайваня», имеющая свой печатный орган.

Такая позиция японского правительства в отношении Тайваня, видимо, находила определенную поддержку у правящих кругов США и соответствовала американской политике «двух Китаев». Однако, в изменившихся условиях, когда президент Никсон не посчитал нужным предварительно проконсультироваться с японским правительством о своей новой инициативе в отношении Пекина, слепое следование за американской политикой затрудняло маневренность правящих кругов Японии, мешало осуществлению их собственных замыслов в Восточной Азии. В этой связи нельзя не заметить, что еще до январской встречи Никсона—Сато в японской прессе «деловые круги высказывали советы японскому правительству «не спешить с решением проблемы Тайваня»⁶. Встреча Никсона—Сато, как это видно из упомянутой пресс-конференции японского премьера в Сан-Клементе, показывает, что Япония не хочет принять на себя ответственность за решение проблемы Тайваня и совершенно определенно возлагает решение этой проблемы на США. Сато указал, что, «хотя Япония и заключила мирный договор с Тайванем, в нем нет обязательств по вопросам обороны», и выразил надежду, что Япония урегулирует вопрос о японо-тайваньском мирном договоре путем переговоров в Пекине»⁷. Можно предположить, что, следуя такой тактике, японское правительство в сообщениях о январской встрече Никсона—Сато уже не повторяет утверждение коммюнике 1969 года (Никсон—Сато, ноябрь 1969 г.) о том, что о. Тайвань и Южная Корея «являются жизненно важными территориями для Японии». Разумеется, из этого вовсе нельзя сделать вывод, что у правящих кругов Японии радикально изменилась позиция по отношению к Тайваню, что они утратили интерес к этой проблеме и не будут поддерживать американскую стратегию в этом районе. Видимо, у японского военного обозревателя Хироши Осанай, анализировавшего итоги встречи Никсона—Сато и соглашения об Окинаве, имеются основания сделать вывод: «Дело идет к установлению системы объединенных вооруженных сил Японии и США», в которой Японии отводится «роль воздушного «щита», защищающего вооруженные силы и базы США»⁸.

Позиция японского правительства, изложенная премьером Сато, создает определенную маневренность и облегчает преодоление формальных препятствий на пути к нормализации отношений с КНР, что может оказаться достаточным маоцзэдуновскому руководству на данном этапе. Однако такой оборот дела лишь снимает с обсуждения тайваньскую проблему, но не решает ее. Можно быть уверенным, что вне зависимости от позиции нынешних пекинских руководителей китайский народ не допустит ущемления своих законных прав в отношении Тайваня и он найдет поддержку у прогрессивной общественности Японии.

Вопросы торговли

Япония как торговый партнер Китая имеет существенные преимущества по сравнению с другими крупными капиталистическими странами—Англией, Францией, ФРГ, США. Только Япония заинтересована в получении из Китая в крупных количествах угля, железной руды, цветных и редких металлов, продовольственных и многих других товаров,

⁶ «Майнити Симбун», 27.X. 1971 г.

⁷ Сообщение агентства Киодо Цусин от 7 января 1972 г.

⁸ «Правда», 8.I. 1972 г.

составляющих главные статьи китайского экспорта. При равных условиях импорта оборудования из Японии и из западных стран для Китая целесообразнее закупать оборудование в Японии, ибо в этом случае платежным средством за импорт служит выручка от продажи китайских товаров, тогда как в торговле со странами Запада за большую часть импорта Китаю приходится расплачиваться свободно конвертируемой валютой, резервы которой у него крайне органиченны. Быстро выросший за последние годы между Китаем и Японией товарооборот далеко не исчерпывает возможностей обеих стран в этой области. В результате резкого экономического отставания КНР национальный доход 700-миллионного китайского народа (около 90 млрд. ам. долл.) сейчас более чем в два раза ниже японского (в 1970 г. — 203,4 млрд. ам. долл.), а производство отдельных видов промышленной продукции в Японии превышает в несколько раз производство в Китае: стали — в 5—6 раз, электроэнергии — в 2,5—3 раза, металла — в 5—6 раз, автомобилей — более чем в 200 раз.

Т а б л и ц а
(в млн. ам. долл.)

Год	Товарооборот	Экспорт Японии в КНР	Импорт Японии из КНР	Сальдо в пользу Японии (+) или в пользу КНР (—)
1963	137	62	75	—13
1964	310	153	157	—4
1965	469	245	225	+20
1966	621	315	306	+9
1967	557	288	269	+19
1968	550	326	224	+102
1969	626	391	235	+64
1970	826	572	254	+318
1971	900	578	322	+256

Это обстоятельство обуславливает крайнюю заинтересованность Китая в использовании промышленного потенциала Японии.

Япония, несомненно, в состоянии в крупных размерах удовлетворять потребности Китая, и взаимная торговля может возрасти уже в ближайшие годы не менее чем до 2—3 млрд. ам. долларов. Вопрос состоит лишь в том, согласится ли Япония поставлять требуемое Китаю оборудование и тем самым участвовать в ускорении темпов его индустриализации и сможет ли правительство КНР рационально распорядиться своими ресурсами и на каких условиях будет осуществляться торговля в увеличенных масштабах. (В течение последних 5 лет Япония ввозила из других стран около 30 млн. т железной руды, 70 млн. т угля в год на общую сумму около 1,5 млрд. ам. долл. Большую часть этого вида сырья может поставить Китай).

Опыт прошедших лет показывает, что японское правительство сдерживает экспорт сложного современного оборудования и многих других важнейших промышленных изделий, ограничивает показ технических новинок на промышленных выставках в Китае⁹. Японский экспорт в Китай

⁹ В начале 1969 г. намечалось проведение японской промышленной выставки в Шанхае. Однако по военно-стратегическим соображениям японское правительство запретило экспонировать 19 видов оборудования, аппаратов и других изделий. Правительство КНР в связи с такой позицией японского правительства отменило организацию выставки.

оно стремится развивать за счет роста вывоза удобрений, рядового металла, простейшего оборудования, автомашин, изделий легкой промышленности. До настоящего времени не отменено «письмо Иосиды», запрещающее Японскому банку участвовать в финансировании долгосрочных контрактов в китайско-японской торговле и т. д. Нетрудно заметить, что позиция правящих кругов Японии сводится к тому, чтобы емкий китайский рынок использовался для сбыта главным образом товаров не индустриального назначения или имеющих ограниченный спрос на других рынках, но вовсе не для ускорения темпов индустриализации Китая.

В то же время маоцзэдуновское руководство упорно пытается подчинить торговлю с Японией своим политическим целям, распространению и утверждению «идей Мао». Многим японским фирмам, ранее относимым в КНР к числу «дружественных фирм», сейчас правительство КНР не разрешает принимать участие в китайско-японской торговле только потому, что они отказываются участвовать в финансировании подрывной деятельности маонистов в Японии или не соглашаются выполнять другие политические требования Пекина.

Воинствующий, шовинистический курс маоцзэдуновского руководства затрудняет борьбу японской общественности за устранение ограничений в торговле с КНР, установленных японскими властями «по стратегическим соображениям».

Авангардизм обостряет антагонизм

В прошлом правители Китая и Японии в своем стремлении добиться господствующего положения в Восточной Азии неоднократно обостряли межгосударственные отношения. И в последние годы, когда в Китае политическая власть оказалась в руках маоцзэдуновского руководства, а в Японии в связи с ее бурным экономическим развитием усилилась роль крупнейших монополий, стремления к внешней экспансии стали нарастать, эти тенденции в политике обоих государств проявляются с достаточной очевидностью и являются главным препятствием на пути к действительной и долговременной нормализации отношений между ними.

Нельзя не заметить, что в Японии эти тенденции усиливаются с конца 60-х годов, после того как она по объему промышленного производства вышла на третье место среди промышленных стран мира и оказалась одним из крупнейших держателей мировых валютных резервов. Эти круги уже не довольствуются ролью младших партнеров США и выдвигают настойчивые требования предоставить Японии «достойное место» в мире, соответствующее положению третьей промышленной державы. Такие требования обосновываются экономическими расчетами и находят свое отражение в плане, представленном в конце 1969 года экономическими ведомствами японскому правительству. В плане наряду с намеченным ростом внешней торговли уделяется особое внимание экспорту капитала, размер которого к 1975 году должен достичь 4% суммы валового национального продукта. По расчетам японских научно-исследовательских центров, объем валового национального продукта Японии в 1975 году должен достичь 350 млрд. ам. долларов¹⁰. Следовательно, сумма экспорта японского капитала в 1975 году составит 14 млрд. ам. долл., тогда как общая сумма японских инвестиций за границей на конец 1968 года оценивалась в сумме лишь 1,5 млрд. ам. долларов. Деловые круги Японии понимают, что осуществление таких огромных инвестиционных планов станет возможным, если японский капитал найдет место приложения во

¹⁰ Цифра ориентировочная. — М. С.

многих частях мира, и в первую очередь в районах Восточной, Юго-Восточной Азии, включая и Китай. Экономическую экспансию правящие круги Японии стремятся подкрепить наращиванием своего военного потенциала.

Не меньшую настойчивость проявляют и китайские руководители в изыскании путей утверждения великоханьского гегемонизма. В стремлении ослабить позиции других азиатских стран, как это убедительно показали последние события в Индостане, маоисты идут на союз с любыми реакционными силами, прибегают к разнообразным провокациям, военному шантажу, используя для этой цели как явных реакционеров, так и различные раскольнические группы «идей Мао», маоистскую агентуру из среды китайской эмигрантской буржуазии. Не только при создании раскольнических партий в различных странах, но и при заключении коммерческих договоров, сделок маоцзедуновское руководство требует от своих партнеров признания «идей Мао» как руководящей политической доктрины.

Программным документом великоханьского шовинизма явились решения IX съезда КПК (1969 г.). Съезд, объявив маоцзедуновские «идеи» вершиной «идей» современности, призвал народ «проникнуться решимостью не бояться жертв, идти на преодоление любых трудностей для завоевания победы». Экономическая отсталость и слабость Китая не позволяют маоистам рассчитывать на победу «идей Мао» мирным путем, а потому подготовка к войне и развязывание войны, которую маоисты рекомендуют народам как средство достижения «мировой революции», составляют сердцевину внешней стратегии Мао Цзэ-дуна и его приверженцев.

Вмешательство во внутренние дела других стран, попытки насильственно утвердить «идеи Мао» испытывает на себе и японская демократическая общественность. «С 1967 года, — пишет газета «Акахата», — лица из КПК, совершающие вмешательство, через агентство Синьхуа, «Женьминьжибао» и «Бэйцзинь чжоубао» осуществляют поименные нападки на КПЯ, называя ее носителем «ревизионизма», «предателем марксизма-ленинизма», «приспешником американского империализма» и т. д., ругают КПЯ и клеветают на нее. При этом они считают важнейшим основанием для нападков на КПЯ то, что КПЯ выступила против абсолюта «идей Мао Цзэ-дуна» и навязывания курса КПК японскому революционному движению»¹¹. Маоисты не могут не сознавать, что экономическая слабость КНР затрудняет их расчеты на успех в утверждении своего лидерства в Восточной Азии, и это вынуждает их искать новые источники для ускорения темпов развития экономики страны и наращивания военного потенциала не только на основе «опоры на собственные силы», но и путем привлечения внешних ресурсов. Япония, располагающая высокоразвитой промышленностью, представляет в этом плане особый интерес для Китая, и поиски путей сближения с основными распорядителями японских капиталов — японскими монополиями — составляют одну из важнейших задач внешней политики маоистов в Восточной Азии. Маоисты стараются успокоить японские монополии, что Китай не является для них конкурентом на внешних рынках и «лишь через несколько десятилетий, — заверяет Чжоу Энь-лай, — мы (Китай. — М. С.) сможем превратиться в сильную и процветающую страну»¹². Они не прочь использовать и экспансионистские устремления определенных

¹¹ «Правда», 12.IX.1971 г.

¹² Интервью Чжоу Энь-лая английскому корреспонденту Невилу Максуэлу («Сан-ди Таймс», 3.XI.1971 г.).

кругов Японии для создания единого военно-политического фронта, в котором политическое лидерство принадлежало бы «вождю азиатских народов» Мао.

При общей противоречивости в позициях двух претендентов на гегемонию в Азии — великоханьских маоистов и японских монополий — между ними вырисовывается своеобразное разделение сферы экспансии: первые начинают борьбу за гегемонию в мире с политических позиций, а вторые — с экономических. Нельзя в связи с этим исключать, что, используя те или другие противоречия между отдельными странами, они не попытаются объединить хотя бы временно свои силы в борьбе за гегемонию в Азии.

Нежизненность такого союза вытекает не только из внешних, объективно исключающих условий, но и из внутренних, имманентных противоречий.

В Японии под давлением демократической общественности правящие круги вынуждены в ряде случаев отступать, прибегать к сложным маневрам. Японская демократическая общественность оказывает решительное противодействие курсу японской реакции, рассчитанному на милитаризацию страны и внешнюю экспансию, на нарушение мирных статей конституции и подавление демократических свобод. Требования японских левых демократических сил — оторвать Японию от участия в агрессивных блоках и союзах, направить развитие ее по мирному, нейтральному пути под руководством демократической коалиции — если и не смогут быть осуществлены в ближайшие годы, то, во всяком случае, они окажут определенное положительное воздействие на политику правительства, в составе которого также находятся трезвые политики — противники агрессивного курса.

Переживает глубокий кризис и великоханьский курс маоистов в Китае. То, что маоцзедуновское руководство, несмотря на массовый террор и репрессии, не может добиться политической стабильности в стране и его покидают даже ближайшие соратники «вождя», говорит о том, что курс маоистов наталкивается на сопротивление всех прогрессивных сил китайского общества, что он противоречит коренным интересам китайского народа.

Разумеется, что при оценке перспектив китайско-японских отношений нельзя не учитывать и внешние факторы — воздействие на эти отношения третьих сил.

В самом деле, как показала январская встреча Никсона — Сато, между США и Японией не только имеются разногласия, в том числе и в определении позиций по китайскому вопросу, но вместе с тем эта встреча подтверждает и их солидарность по многим вопросам, составляющим основу их союзных отношений, и сам японо-американский договор не только не подвергался какой-либо ревизии, но, как явствует из заявления премьер-министра Сато, японо-американские союзные отношения получают дальнейшее развитие. Даже по китайскому вопросу министр иностранных дел Фукуда просил не преувеличивать американо-японские разногласия, утверждая, что между Японией и США не может быть никакого коренного расхождения в вопросах о Китае¹³.

При сохранении американо-японского договора многие проблемы китайско-японских отношений могут быть решены лишь частично и процессе нормализации отношений с Китаем, несомненно, затянется. С другой стороны, и маоцзедуновское руководство, как показывают факты последнего времени, для осуществления своих гегемонистических целей

¹³ «Дейли Номнурн», 15.1.1972 г.

готово опереться не только на Японию. Оно пытается найти опору и у других стран империалистического мира, среди которых не последнее место отводится США. Раздувая силу воздействия «идей Мао» среди народов Азии, маонисты не прочь воспользоваться затруднениями и провалами агрессивной политики правящих кругов США и попытаться понудить их за определенную плату воспользоваться поддержкой Китая.

Следовательно, и американо-китайские отношения будут в той или иной мере оказывать воздействие на решение проблем, от которых зависит нормализация отношений между Китаем и Японией.

Состояние отношений между Китаем и Японией в конечном счете, несомненно, будет зависеть и от соотношения основных мировых сил — социализма и империализма — в этом регионе, хотя, разумеется, в конкретных исторических условиях эти отношения в первую очередь будут определяться самими странами и будут зависеть от того, какие социальные силы будут в дальнейшем направлять политику обоих государств, насколько их политика будет отвечать коренным интересам народов Китая и Японии.

Военные блоки в Азии и американско-китайские отношения

А. П. Марков
кандидат исторических наук

Характер американско-китайских отношений и возможные перспективы их развития вызывают растущий интерес. Враждебная политика, проводившаяся США в отношении КНР в послевоенные годы, фактическая аннексия китайской территории — острова Тайвань, отказ США от признания КНР, угрозы и провокации в ее адрес, а также усилия, направленные на ее изоляцию, на создание враждебного ей окружения в Азии, — все это крайне осложнило и ухудшило отношения между странами.

В последние годы в связи с антисоветским, антисоциалистическим курсом, проводимым маоистскими руководителями, в Вашингтоне и в Пекине предпринимаются настойчивые попытки установления между двумя столицами официальных и неофициальных контактов. Отражением этого явилась так называемая «пингпонговая» дипломатия, особая форма установления неофициальных межгосударственных контактов через спортивные, культурные и другие «неполитические» организации США и КНР. Сенсационная поездка летом 1971 года в Пекин Г. Киссинджера в связи с предстоящим визитом в КНР президента США Р. Никсона явилась следующим шагом в этом направлении.

Даже восстановление прав КНР в ООН, чему Вашингтон противился более двадцати лет, американская дипломатия постаралась использовать в качестве козырной карты в своей игре «на сближение» с Пекином. На этот раз, предвидя неизбежный провал своих попыток сохранить в ООН чанкайшистов, Вашингтон в октябре 1971 года — накануне голосования вопроса о приеме КНР в ООН — вновь направил в Пекин Г. Киссинджера, который должен был успокоить своих партнеров по переговорам относительно вероятного исхода голосования. В то же время американские представители в ООН не проявляли излишнего усердия в ее кулуарах для защиты прежней позиции США, ставшей безнадежной.

Страны, последовательно выступавшие за прием Китая в ООН, могли надеяться, что восстановление его прав в этой организации будет способствовать укреплению антиимпериалистических сил. На деле происходит обратное. Вскоре после своего появления на Генеральной Ассамблее пекинские представители вместе с американскими решительно выступили против советского предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению. Их не смутил даже тот факт, что в поддержку советского предложения с трибуны ООН высказались представители подавляющего большинства стран. Вместе с Вашингтоном Пекин оказался

и при обсуждении в декабре 1971 года в Совете Безопасности вопроса о положении на полуострове Индостан. Вашингтон и Пекин обмениваются реверансами и жестами, призванными, по выражению газеты «Нью-Йорк тайме», «растопить лед отчуждения» и способствовать «взаимному пониманию» между США и Китаем.

Эта сомнительная политическая игра ведется, однако, без учета коренных интересов китайского народа. Вашингтон предлагает китайским лидерам «сближение», ни на йоту не отступая от своих империалистических целей и интересов в Азии, в условиях продолжающейся аннексии китайской территории, эскалации войны в Индокитае — в непосредственной близости от границ КНР. Есть и такие, кто, говоря о «дружбе», предлагает найти «общий язык» с Пекином на базе антисоветских устремлений. Однако, заигрывая с маоистскими руководителями, Вашингтон в своих отношениях с ними, как и прежде, придерживается «позиции силы», оказывая на Китай как военное, так и политическое давление. Одним из основных орудий для достижения этой цели по-прежнему служит система военных блоков и региональных союзов, действующих в Азии под эгидой США. США приступили к организации этой системы вскоре после образования КНР, КНДР и ДРВ, вставших на путь социалистического развития.

* * *

Победа народных революций в Китае, КНДР и ДРВ создавала значительный перевес сил в пользу социализма, наносила тяжелый удар по планам мирового, и прежде всего американского, империализма. Стремясь ограничить растущее влияние социализма, отразить «опасность» его распространения на другие страны Азии, подавить национально-освободительное движение народов, США приступили к созданию на внешнем периметре КНР «железного оборонительного пояса»¹ в виде системы военных блоков региональных союзов под американским контролем. Связанные с этим действия и планы США отвечали политике «жесткой изоляции» Китая, которую Вашингтон проводил в последующие годы.

Усилиями США и их ближайших союзников в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана было образовано пять региональных союзов, в состав которых вошло десять азиатских стран, а также Австралия, Новая Зеландия, Англия и Франция.

Начало осуществлению планов американской дипломатии положило основание в сентябре 1951 года так называемого Малого Тихоокеанского пакта (АНЗЮС — Австралия, Новая Зеландия, США), объединившего под контролем США две страны так называемого «белого пояса», с правящими кругами которых американский империализм связывают общие интересы борьбы против освободительного движения азиатских народов. Следует подчеркнуть, что с момента своего возникновения и до настоящего времени АНЗЮС является наиболее прочным замкнутым военно-политическим блоком, созданным США в бассейне Тихого океана. Его организаторы ссылались на «коммунистическую опасность с Севера», в частности со стороны КНР, которая самим фактом своего существования оказывала в то время сильное влияние на освободительное движение в азиатских странах, включая соседнюю с Австралией Индонезию.

Следующим шагом было создание в сентябре 1954 года договорной организации Юго-Восточной Азии (СЕАТО), членами которой, кроме

¹ К. Michail, G. Tailor, *The Far Eastern Modern World*, New York, 1961; F. Greene, *US. Policy and the Security in Asia*, New York, 1968.

США, стали Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, Франция, а также Таиланд, Пакистан и Филиппины. Будучи открытым военно-политическим региональным союзом, СЕАТО предназначалась для объединения возможно большего числа азиатских стран, чьи ресурсы американские военные деятели и политики помышляли использовать для решения главной задачи — изоляции Китая.

Однако СЕАТО не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Нежелание большинства азиатских стран связать себя с военными планами США ослабили ее значение, а после отказа Пакистана и Франции от активного участия в ее деятельности значение СЕАТО еще больше уменьшилось. Важную роль в этом процессе, несомненно, сыграло нежелание неприсоединившихся стран проводить политику конфронтации с Китаем, а также с Советским Союзом и с другими социалистическими государствами, выступающими против создаваемой США системы военных блоков и региональных союзов.

В начале 60-х годов США, добиваясь организации новых региональных группировок, стали аргументировать необходимость их создания не военными, а экономическими соображениями. Так, в июле 1961 года США инспирировали формирование так называемой Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСА) в составе Филиппин, Малайзии, Таиланда (инициатором этого союза выступили Филиппины). Создание АСА имело целью объединить азиатские государства (в том числе и нейтральные), расположенные непосредственно вблизи южных границ КНР. Бирме, Лаосу, Камбодже, Индонезии были направлены формальные приглашения. Несмотря на заверения, что эта организация преследует не военные, а чисто экономические и культурные цели, ни одна из названных стран Азии не пожелала присоединиться к АСА, деятельность которой в 1967 году практически прекратилась в силу раздиравших ее внутренних противоречий, а главным образом потому, что США утратили к ней интерес.

Однако американская дипломатия по-прежнему не прекращала усилий, направленных на создание в Азии эффективного военно-политического блока с участием большого числа азиатских государств, который мог бы служить действенным орудием империалистической политики США в этом районе. Очевидно, что эффективность такого блока находится в прямой зависимости от активного участия в нем крупных азиатских государств, в первую очередь Японии, Индии и Индонезии. Поскольку Индия и Индонезия продолжали придерживаться политики неприсоединения, оставалась Япония, которая связана с США военным союзом и активно поддерживает их агрессивную политику в Азии.

Указанной цели и должно было отвечать формирование в июле 1966 года в Сеуле Азиатско-Тихоокеанского совета (АЗПАК), в состав которого наряду с Австралией, Новой Зеландией, Таиландом, Филиппинами и Малайзией, являющимися членами других региональных союзов, вошли также Южная Корея, Южный Вьетнам, чанкайшистский Тайвань и Япония.

Образованию этого союза, которому в Вашингтоне придавалось особое значение, предшествовала длительная подготовка. В ходе предварительных переговоров США, стремясь придать должную эффективность АЗПАК путем привлечения к активному участию в нем Японии, согласились с некоторыми ее важными требованиями. В частности, они помогли «нормализации» отношений Японии с рядом азиатских стран (Южная Корея, Южный Вьетнам, Малайзия, Таиланд, Индонезия, а также Филиппины), ставших жертвами японской агрессии во время второй мировой войны, способствовали укреплению позиций японского капитала

в их экономике. При этом обе державы преследовали собственные цели: Япония надеялась с помощью своего нынешнего союзника вернуться в страны Азии и вновь занять там со временем господствующие позиции, а США полагали в свою очередь, что, внедрившись в экономику азиатских стран и разместив в них значительные капиталы, Япония с готовностью станет защищать свои капиталовложения, сотрудничая с США в подавлении национально-освободительного движения.

Однако, вовлекая Японию в систему региональных организаций, и отводя ей в этой системе роль активного и наиболее важного элемента, США столкнулись с новыми трудностями, так как Япония стремится проводить в вопросах регионализма собственную политику, добиваясь руководящего положения японского крупного капитала в странах Азии. Став членом АЗПАК, Япония подчеркивает экономическое назначение этой организации и по тактическим соображениям выступает против превращения ее в военно-политический союз. Она возражает против акцентирования ее антикитайской направленности, видя в этом потенциальную угрозу конфронтации с Китаем, а также опасность слишком большого втягивания Японии в военные авантюры США. По этим причинам вопрос о назначении и характере деятельности союза стал главным камнем преткновения для его участников².

Создание в августе 1967 года невоенной организации с экономическими целями — Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (в нее вошли Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины и Таиланд) отражает постоянное стремление империалистических держав, и прежде всего США, использовать здоровую тенденцию стран Азии к экономическому сотрудничеству в своих политических и военных целях. Страны — участницы АСЕАН имеют, безусловно, известную базу для экономической интеграции³. Однако весьма сомнительно, что эта организация когда-нибудь станет эффективным инструментом здорового экономического сотрудничества азиатских государств, поскольку ее цели в конечном счете определяются США и Японией и они поддерживаются правительствами таких стран — членов АСЕАН, как Филиппины, Таиланд, а теперь в значительной степени и Индонезии. Для этих азиатских стран характерен одинаковый подход к важнейшим проблемам политического развития в Азии — все они, например, хотя и в разной степени, поддерживают агрессию США во Вьетнаме. Кроме этого, они зависят от капиталистического рынка, и прежде всего от рынка США. Все это не может не настаивать нейтральные страны к АСЕАН.

Таким образом, можно сказать, что многолетние усилия американской политики по организации в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана эффективной «оборонительной» системы дали мало результатов. Об этом свидетельствует, в частности, само обилие и разнохарактерность блоков и региональных союзов, среди которых нет ни одного, способного служить действительно прочной основой для создания такой системы.

Главные причины неудачи американской политики в этом регионе заключаются в том, что ее империалистические цели крайне непопуляр-

² См. материалы 3-й сессии АЗПАК, состоявшейся в августе 1968 г. «Bulletin», August 10, 1968. См. также: «Current Notes on International Affairs», July, 1968, Canberra, p. 288—291.

³ Они занимают третье место в мире по запасам некоторых важных видов сырья: на их территории сосредоточено 78% мирового производства натурального каучука, 63% производства оловянного концентрата, значительные запасы нефти, они способны полностью обеспечить себя собственным продовольствием («Statistical Year Book», 1968, p. 180).

ны здесь. Они встречают растущее сопротивление азиатских народов. Важное значение в ослаблении военных блоков и региональных союзов имеют также нежелание азиатских стран быть втянутыми в войну с Китаем и серьезные, подчас непримиримые противоречия между их участниками (противоречия между США и Японией, вновь претендующей на руководящее положение в регионе; между Японией и азиатскими странами, с недоверием и настороженностью относящимися к возрождению японского милитаризма и национализма; между иностранным монополистическим капиталом и национальной буржуазией азиатских стран, претендующей теперь на большую самостоятельность в определении путей и методов защиты своих интересов; наконец, такие «трудные проблемы», как спор между Малайзией и Филиппинами из-за Сабаха; индонезийско-малайское соперничество за влияние на Калимантане; противоречия между Индонезией и Австралией в Иране и т. д.).

Важную роль в этом играет резко отрицательное отношение к империалистическим блокам Советского Союза и других государств социалистического содружества, авторитет и престиж которых в странах Азии исключительно высоки. И, наконец, противодействием этим блокам со стороны Китая, который с полным основанием видит в создаваемой США «оборонительной системе» угрозу своей безопасности.

Говоря о позиции пекинского руководства в этом вопросе, следует, однако, подчеркнуть, что за последние годы она претерпела значительные качественные изменения.

В то время когда США приступили к созданию в Восточной и Юго-Восточной Азии системы военно-политических пактов и союзов, Китай был активным участником общего фронта борьбы прогрессивных сил против международного империализма в интересах укрепления национально-освободительного движения в Азии и в других районах мира и совместно с Советским Союзом и другими социалистическими и нейтральными странами вел борьбу против политики сколачивания агрессивных блоков.

Однако по мере пересорентации внешней (и внутренней) политики маоистского руководства, основой которой стал антисоветизм и национализм, его борьба против политики США в Азии стала приобретать характер политической конфронтации Китая в качестве самой крупной азиатской страны с империалистической Америкой. При этом руководство КНР, чтобы укрепить свои позиции для большого политического торга с США, пыталось подчинить своему влиянию противостоящие США национально-освободительные силы азиатских стран, использовать в своих целях миллионы местных граждан китайской национальности, а также широко распространенные в Азии антиамериканские настроения и «азиатский национализм».

Целям этой политики служили, в частности, «теории» Мао Цзэ-дуна — «народной войны», «промежуточных зон», «окружения города деревней», «опоры на собственные силы» и другие концепции, лозунги и теории, предназначенные для обоснования экспансионистской политики китайских руководителей. Следуя теории «народной войны», Пекин активно вмешивался в антимпериалистическое движение азиатских стран, в том числе входящих в военные блоки и союзы, стремясь направить его в нужное ему русло. Иными словами, он стремился паразитировать на борьбе патриотических сил в странах Азии, нередко толкая эти силы на авантюристические выступления, наносящие им серьезный ущерб. Теория «народной войны», как и другие «сверхреволюционные» теории пекинских руководителей, направлены на то, чтобы использовать революционную энергию народов Азии, их протест против империалистов и неоколо-

низаторов, их патристические чувства для укрепления позиции «великого Китая» в споре с империалистической Америкой.

Добиваясь осуществления своих экспансионистских замыслов, Пекин стремился притупить антикитайскую направленность военных блоков и союзов, создаваемых США. Искусственно относя Японию и некоторые другие капиталистические страны — в соответствии с концепцией «промежуточных зон» — к числу «угнетаемых американским империализмом государств», пекинские идеологи проповедовали создание «единого антиимпериалистического фронта», охватывающего крупную буржуазию этих государств, их армию и даже полицию.

Эта теория, исключая классовый подход к оценке революционных антиимпериалистических сил, разумеется, не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Она призвана доказать принадлежность прежде всего Японии и некоторых капиталистических стран Европы, а также Канады и Австралии к «антиимпериалистическому», антиамериканскому фронту и использовалась пекинскими руководителями для установления и укрепления контактов, в частности с японской крупной буржуазией и милитаристами на почве национализма и панasiatизма⁴. Таким образом, теория «промежуточных зон» открывала для националистов и милитаристов Японии, сторонников самостоятельного, независимого от США империалистического политического курса, возможность найти «общий язык» с Китаем, с тем чтобы укрепить свои позиции в соперничестве с Америкой.

Однако выступления маоистов против настоячивых попыток американского империализма создать «железный пояс» вокруг Китая не дали сколько-нибудь серьезных результатов. Пекин всячески избегает ситуаций, которые могли бы привести к серьезному конфликту с США. И это нашло свое проявление в позиции пекинского руководства по отношению к американской агрессии во Вьетнаме, когда оно наотрез отказалось от сотрудничества с СССР и другими антиимпериалистическими силами в борьбе против агрессора. Более того, политика Пекина объективно способствовала усилению этой агрессии. Известно, что Вашингтон приступил к расширению «грязной войны» против вьетнамского народа вскоре после того, как Пекин дал понять, что Китай не вмешается и не окажет решительного противодействия этой войне, если она не затронет его территорию⁵. В известном интервью Чжоу Энь-лай Э. Сноу в декабре 1970 года, когда американская агрессия в Индокитае, как известно, вступила в новую стадию эскалации, Чжоу Энь-лай говорил о «благоприятных перспективах китайско-американских отношений»⁶.

Не случаен и тот факт, что визиты специального помощника президента США Г. Киссинджера и других высокопоставленных американских деятелей в Пекин в 1971 и в начале 1972 года странным образом «совпали» с резкой активизацией военных действий армий США и их марионеток на территории Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, с возобновлением варварских бомбардировок территории ДРВ. Встречи и переговоры представителей Вашингтона с китайскими лидерами, по сообщению американских газет, проходили в атмосфере взаимопонимания.

Привлекает внимание предложение Пекина, сделанное в 1968 году, о заключении соглашения с США на пяти принципах мирного сосуществования; расширяющиеся торговые, экономические и политические контакты Пекина как с США, так и с их ближайшими союзниками по военным

⁴ «Правда», 27.VIII.1963.

⁵ «Внешняя политика КНР», М., 1971, стр. 66.

⁶ «Ерса», 1970, № 12.

блокам и союзам (Япония, ФРГ, Англия), а также совместные выступления китайских и американских представителей в ООН по некоторым важным вопросам международной политики и т. п.

Что же касается «антиамериканского», «антиимпериалистического» курса, зафиксированного в теории «народной войны», «промежуточных зон» и в других маоистских концепциях и доктринах, к которым Пекин активно прибегал особенно в годы «культурной революции», то их следует рассматривать как средство давления на США в целях обеспечения максимально благоприятных для Пекина условий в общем китайско-американском торге за разделение сфер влияния. Эта линия, подкрепляемая потенциальной угрозой большой сухопутной войны с США, наращиванием ядерного арсенала КНР и сопровождаемая вместе с тем плохо замаскированными авансами Пекина в адрес Вашингтона и одновременно угрозами в адрес Советского Союза, рассчитана на то, чтобы по возможности притупить антикитайское острие политики США и заставить американцев признать новую расстановку сил в Азии, а Китай — великой державой, которой принадлежит решающее слово при определении сфер влияния в Азии.

Демагогические призывы Пекина к «народной войне», к уничтожению американского империализма (разумеется, силами патриотов других стран), стремление толкнуть эти силы к авантюристическим выступлениям привели к расколу и ослаблению фронта освободительной борьбы в Азии, к усилению реакции и милитаризма в Японии и в других странах района. Такая политика имела трагические последствия для прогрессивных сил Индонезии. Она использовалась империалистическими державами для активизации деятельности военных блоков «ввиду китайской угрозы»⁷.

После IX съезда КПК, состоявшегося весной 1969 года, Пекин стал менять тактику, ослабил угрозы и открытое вмешательство во внутренние дела соседних стран, к чему прибегал в годы «культурной революции», и перешел к более гибкой и «спокойной дипломатии». Так, в Таиланде, Малайзии, Сингапуре Китай тайно поддерживает антиправительственные элементы, а также оказывает помощь повстанческому движению, устанавливая в то же время контакты с правящими кругами этих стран. Одновременно пытаясь оказать влияние на политику Бирмы, Непала и Афганистана, он возобновил с ними нормальные отношения. С Пакистаном, входящим формально в состав двух военных блоков, Пекин установил дружественные отношения, снабжая реакционный военный режим оружием и боеприпасами и используя его для оказания давления на Индию. Характерно, что в 1971 году пекинское руководство охотно поддержало военную администрацию Пакистана во главе с генералом Яхья Ханом, развязавшую кровавый террор против населения Восточной Бенгалии, которое выступило с требованием широкой политической автономии. Китайские лидеры, по существу, одобрили этот террор, вызвавший огромные жертвы среди местного населения и бегство почти десяти миллионов человек на территорию Индии. Пекин в срочном порядке стал оказывать помощь поставками вооружения западнопакистанским генералам, спровоцировавшим войну против Индии. Иными словами, он выступил совместно с Вашингтоном, который является партнером Пакистана по военным блокам. Таким образом, маоистское руководство Китая оказалось в лагере врагов народа Бангладеш, который вел справедливую борьбу за свою национальную независимость.

⁷ Bernard K. Gordon, *Toward disengagement in Asia. A Strategy for American Foreign Policy*, New Jersey, 1969, p. 144—145, 183.

Следуя этому курсу сближения с Вашингтоном, Пекин принял меры к нормализации отношений с союзниками США по военным блокам, со странами, идущими в фарватере американской политики. Одновременно на территории Китая ведется подготовка к войне, нагнетается атмосфера военного психоза и антисоветизма. При этом Пекин встал на путь дезинформации китайского народа, грубой лжи и клеветы в отношении СССР.

Характеризуя на XXIV съезде КПСС политику Пекина, Л. И. Брежнев говорил: «Мы решительно отмечаем клеветнические вымыслы по поводу политики нашей партии и государства, распространяемые из Пекина и внушаемые китайскому народу. Сеять раздор между Китаем и СССР тем более абсурдно, что это происходит в обстановке, когда империалисты активизируют свои агрессивные действия против свободлюбивых народов. Обстановка более чем когда-либо требует сплочения, совместных действий всех антиимпериалистических революционных сил, а не раздувания вражды между такими государствами, как СССР и Китай»⁸.

Однако маоистское руководство Китая заботится отнюдь не о сплочении антиимпериалистических революционных сил, оно не стремится к совместным с ними действиям и к укреплению мира в Азии, а пытается найти «общий язык» с империализмом, с которым, как видно, готовится вступить на путь торга и соглашательства. Именно в этом следует искать объяснение резко отрицательной позиции Пекина и Вашингтона к советскому предложению о создании в Азии системы коллективной безопасности, основанной на полном равенстве и добровольном сотрудничестве всех азиатских государств, включая Китай, заинтересованных в укреплении мира, в развитии добрососедских отношений с другими странами⁹. Причина отклонения Пекином советской инициативы заключалась в том, что мирные цели и принципы, лежащие в ее основе, просто не устраивают его. Они противоречат экспансионистским замыслам пекинского руководства и попыткам его закулисного торга с империализмом за счет интересов азиатских народов.

Такая политика китайского руководства рассчитана на ослабление антикитайской направленности политики империалистических держав, на привлечение на свою сторону влиятельных антисоветских кругов, на сговор с Вашингтоном. И хотя пекинское руководство продолжает призывать к «полному уходу американских империалистов из Азии»¹⁰, в Вашингтоне полагают, что энергичные меры военно-политического и экономического характера, проводимые за последние годы США и их союзниками, позволят создать в Азии такую обстановку, в которой Пекин вынужден будет пойти на переговоры с американцами на «приемлемых» условиях. «Проблема, — заявил на пресс-конференции помощник государственного секретаря М. Грин, — состоит не в том, как уйти из Азии, а в том, как остаться в ней. Мы пытаемся открыть эру переговоров с КНР»¹¹.

Приступив к проведению в Азии так называемой «новой политики», предусматривающей более гибкий подход к «проблеме Китая», правя-

⁸ Материалы XXIV съезда КПСС, Политиздат, М., 1971, стр. 11.

⁹ См.: «Международное Совещание представителей коммунистических и рабочих партий». Материалы и документы. М., 1969, стр. 91. (Доклад Л. И. Брежнева.)

¹⁰ См. беседу Чжоу Энь-лая с американским писателем Э. Сноу ("Ерота", 1970, № 12).

¹¹ "Washington Post", 27.XII.1970.

щие круги США думают не об ослаблении, а об усилении своих позиций в Азии. Наиболее полное и последовательное воплощение эта политика получила в «Гуамской доктрине», с помощью которой США надеются переложить главную тяжесть борьбы против национально-освободительного движения в Азии на плечи азиатских народов, рассчитывая вместе с тем использовать территории, материальные и людские ресурсы азиатских стран для создания эффективной «оборонительной системы» вдоль южных границ Китая. «США призывают своих союзников в Азии, — заявил М. Грин, — собственными силами обеспечить оборону от коммунистического восстания. Что касается США, то они выполняют свои обязательства и обеспечат азиатским странам помощь и ядерную защиту. Проблема безопасности важна, ибо под контролем Китая находятся большие массы людей»¹².

* * *

Анализируя политику и практические действия США за последние годы, следует указать на ряд существенных изменений в подходе Вашингтона к решению важнейших проблем Азии, и в частности к проблеме регионализма.

Во-первых, если до начала 60-х годов американская доктрина обороны в этом районе ориентировалась на создание блоков и союзов главным образом военного значения (АНЗЮС, СЕАТО, серия двусторонних военных договоров и соглашений США с азиатскими странами), то в последующий период основной упор делается на формирование региональных союзов преимущественно «невоенного», экономического и культурного назначения (АСА, АСЕАН и в известной мере АЗПАК). Это вовсе не означает ослабления внимания американской политики к созданию эффективного военного союза на широкой основе, с привлечением максимального числа азиатских стран. Как уже указывалось, создание такого блока остается главной целью американской политики, и возникновение новых невоенных региональных союзов рассматривается Вашингтоном скорее как подготовительная стадия к его формированию.

Основой для создания военного союза, по мнению американских стратегов, могут служить невоенные региональные организации, отвечающие естественной потребности развивающихся стран Азии в укреплении межгосударственных торговых, экономических, культурных и иных связей и возникшие по их собственной инициативе. С этой точки зрения, пишет американский ученый Б. Гордон, наибольший интерес представляет АСЕАН, в организации которой важную роль сыграла Индонезия. «На первых порах АСЕАН занялась вопросами торговли, обмена техническим опытом, специалистами и т. п. Но уже сделаны шаги в направлении обмена военной информацией, а в начале 1968 года лидеры некоторых стран предложили известные формы конкретного сотрудничества в области обороны»¹³. Б. Гордон считает, что АСЕАН может служить базой для формирования в Юго-Восточной Азии мощного военного союза под эгидой США¹⁴.

¹² Там же.

¹³ B. Gordon, *Toward disengagement in Asia. A strategy for American Foreign Policy*, New Jersey, 1969, p. 121.

¹⁴ Там же, стр. 110, 131—132.

Специалистами западных держав произведены подробные подсчеты военного потенциала азиатских стран — участников тех или иных блоков и региональных союзов, которые, по их мнению, могут «служить активом» при реализации планов укрепления позиций империалистических держав в Азии. Этот потенциал, по подсчетам английского Института стратегических исследований, выглядит следующим образом (по состоянию на 1968 г.)¹⁵.

Таблица

Страна	Численность населения (млн. чел.)	Численность вооруженных сил (тыс. чел.)	Военные ассигнования (млн. ам. долл.)
Австралия	12,5	84,4	1,4
Индонезия	112,0	340,0	113
Малайзия	10,1	33,8	130
Новая Зеландия	2,8	13,2	109
Пакистан	110,0	324,0	514
Сингапур	2,0	4,7	32,4
Таиланд	33,0	141,5	125 (данные за 1967 г.)
Тайвань	13,4	528,0	275
Филиппины	34,5	30,0	115
Южный Вьетнам	16,8	410,0*	312
Южная Корея	31,0	620,0	234
Япония	101,0	250,0	1,175

* Кроме того, 325 тыс. человек — в военизированных формированиях.

Во-вторых, США избегают сейчас непосредственного участия в новых блоках и союзах (АСА, АЗПАК, АСЕАН). Это объясняется стремлением Вашингтона придать таким организациям внешне независимый характер, что должно сделать их более притягательными для нейтральных стран. Указанное соображение имеет не последнее значение, так как сам факт участия США в том или ином военном блоке в Азии отпугивает азиатов, которые рассматривают такой пакт как империалистический, навязанный им извне. Правительства, вступившие в союз с США, навлекают на себя тем самым ненависть и презрение общественности своих стран, а создаваемые союзы и пакты становятся постоянным объектом критики. «СЕАТО не имеет будущего, поскольку возникновение ее было делом рук США, — замечает американский ученый Х. Хиптон. — Странам Азии нужна иная организация, в которой военное сотрудничество членов выросло бы из иных форм сотрудничества, а не было бы навязано им. При этом созданием такой организации должны заниматься лидеры азиатских стран. Что касается США, то они могут оказывать им поддержку, помня о том, что даже в дружественных США азиатских странах налицо явное стремление уменьшить зависимость от

¹⁵ "The Military Balance", 1968—1969, London, 1968.

Америки и в то же время сильно желание, чтобы Вашингтон продолжал играть свою роль в Азии преимущественно в области сохранения стратегического баланса сил»¹⁶. В соответствии «с новой политикой» Вашингтон проявляет по отношению к этим организациям осторожность. В условиях усиливающейся напряженности в регионе он стремится избежать необходимости стать гарантом безопасности входящих в организации азиатских стран и старается возложить главную ответственность за это на самих азиатов. Конечно, Белый дом прекрасно понимает, что «военные союзы с неэффективными, непопулярными правительствами таят в себе угрозу особенно потому, что она («новая политика». — А. М.) превращает законные антиправительственные настроения в антиамериканские чувства»¹⁷. Однако и непопулярность и неэффективность этих правительств вызывается как раз их тесными связями с империалистической политикой США.

Таким образом, Вашингтон стремится оставаться по возможности в тени там, где речь идет о создании и деятельности военных блоков и региональных союзов, предпочитая действовать из-за кулис. Так было, в частности, с созданием АЗПАК и АСЕАН. Аналогичная тактика применялась также, когда Англия, Австралия, Новая Зеландия в 1970 году сколачивали новый военный блок в Юго-Восточной Азии с участием, кроме названных трех стран, Малайзии и Сингапура. Вашингтон отрицал свою причастность к этому блоку, вместе с тем давая понять, что он одобряет действия своих союзников по НАТО, СЕАТО и АНЗЮС и что они могут рассчитывать на его помощь¹⁸.

В-третьих, начиная с 1969 года, то есть после провозглашения доктрины Р. Никсона, Вашингтон проводит постепенную эвакуацию своих сухопутных войск из некоторых районов Азии, одновременно энергично укрепляя там свои военно-морские и военно-воздушные силы. Он заставляет увеличивать численность марионеточных армий, поставляет им современное вооружение. Политика сокращения «физического присутствия» американских сухопутных сил осуществляется в первую очередь в районах, прилегающих к КНР, где Китай с его 750-миллионным населением и огромной армией располагает известными преимуществами «в случае серьезных осложнений». «США не уйдут из Азии, — писал американский историк Ф. Грин. — Будут пересмотрены стратегические позиции в сторону меньшего физического присутствия в определенных районах, близких к Китаю. Но увеличится роль США в смысле наращивания мощи авиационных сил и военно-морского флота»¹⁹.

В этом свете следует рассматривать, в частности, процесс «вьетнамизации» войны в Индокитае, где происходит постепенное сокращение количественного состава американской армии, но сильно возросла численность и роль в боевых операциях местных марионеточных войск, активно поддерживаемых американской авиацией и флотом. Начиная с мая 1970 года эти войска ведут боевые действия в Камбодже. Теперь они используются для провокаций против Лаоса. Американцы передали марионеточным войскам крупные партии военной техники, их многочисленные «советники» ведут подготовку этих войск. Аналогичный смысл имеют пе-

¹⁶ H. C. Hinton. *China and the Other Countries*, New York, 1965; B. K. Gordon, *Toward disengagement in Asia*, New Jersey, p. 135—139.

¹⁷ A. M. Schlesinger, *A Thousand Days*, London, 1965, p. 541.

¹⁸ См. переговоры английского премьера Э. Хита с Р. Никсоном в декабре 1970 г. См. также: «Правда», 17.IV.1971.

¹⁹ F. Greene, *U. S. Policy and the Security in Asia*, New York, 1968, p. 335.

редача американских военных баз и аэродромов для «совместного использования» или во владение армий Японии, Южного Вьетнама, Таиланда и Филиппин, ускоренное строительство новых военных баз и ракетно-ядерных комплексов на отдаленном расстоянии — на юг и восток от Китая (архипелаг Чагос, Сейшальские о-ва — в Индийском океане, военные базы в Кокберн Саунде, в Вумера — на территории Австралии, базы на островах Микронезии и др.)²⁰. Здесь предполагается дислоцировать ударные американские войска, оснащенные ядерным оружием и «держашие на прицеле» прежде всего Китай. Для того чтобы не вызывать нежелательной реакции в США, такие войска будут формироваться на добровольной основе, поэтому Пентагон планирует к 1973 году перейти на комплектование армии «по принципу добровольности»²¹.

Все названные выше меры, осуществляемые сейчас на основе «Гуамской доктрины» Р. Никсона, направлены на военно-политическую и экономическую изоляцию Китая в Азии. Они предусматривают все усиливающееся военное давление на него силами главным образом азиатских стран — участников военных блоков и региональных союзов под эгидой США, Японии, Англии и других империалистических держав. Правящие круги этих держав хотели бы расколоть страны Азии на враждующие лагеря, облегчив проведение здесь своей агрессивной политики и одновременно направив экспансионистские устремления китайских националистов против СССР и других социалистических государств.

Приезд в Пекин в октябре 1971 года Г. Киссинджера совпал с усиливающейся эскалацией американской агрессии в Индокитае, с активизацией антисоветской кампании в КНР. Последнее обстоятельство вызвало ликование в реакционных кругах и в буржуазной прессе США и других западных стран, расценивших «пингпонговую дипломатию» Пекина как новую антисоветскую демонстрацию, как указание на действительные намерения пекинских руководителей независимо от их «сверхреволюционных», антиимпериалистических лозунгов и догм, к которым они прибегают в целях маскировки.

Именно с учетом этих намерений руководства КНР определенные круги в США призывают ускорить шаги, направленные на сближение с Пекином и урегулирование с ним в будущем отношений. Поэтому одновременно с усилиями, призванными «сдерживать Китай» там, где могут пострадать интересы империалистических держав, предпринимаются не менее энергичные действия в поисках «приемлемой основы» для «сближения» с ним. Сразу же после провозглашения «Гуамской доктрины» в США был создан Всеамериканский комитет американо-китайских отношений под председательством ученого Р. Сколапино. Комитет развернул бурную деятельность в целях урегулирования отношений с Китаем «на взаимовыгодных условиях». В то же время вышла книга Г. Солсбери «Война между Россией и Китаем», в которой автор, указывая на антисоветизм пекинских руководителей, призывает «использовать возможности, равных которым не было почти за двухсотлетнее существование республики»²².

Советский Союз всегда выступал против политики изоляции КНР, которую проводили США и их ближайшие союзники, ибо нормальные отношения между государствами независимо от их социального строя являются необходимым условием укрепления мира. С этой точки зрения

²⁰ "Canberra Times", 25.XII.1970.

²¹ "New York Times", 25.XII.1970.

²² G. Salisbury, The war between Russia and China, New York, 1969, p. 211.

происходящий сейчас процесс улучшения отношений между США и КНР можно было бы только приветствовать. Однако содержание, которое пытаются придать этому процессу маоистское руководство Китая и некоторые агрессивные круги в Вашингтоне, не может не вызвать чувства настороженности у всех, кому действительно дороги мир и безопасность в Азии.

Фактически происходит процесс постепенного «вползания» Пекина (в экономическом и политическом отношениях) в круг стран т. н. «свободного мира» во главе с США, процесс создания благоприятных условий для «большого торга» между китайским руководством и Белым домом. В то же время это сопровождается укреплением военных позиций империалистических держав, в первую очередь США, в Азии на основе «новой политики» Вашингтона, в которой важная роль в деле этого укрепления отводится военным блокам и региональным союзам, создаваемым здесь Соединенными Штатами. Ни американским империалистам, ни маоистам нет дела до подлинных интересов и чаяний азиатских народов. Их стремление к взаимному сотрудничеству Вашингтон и Пекин хотят использовать в целях своего политического соперничества в борьбе за господство в Азии.

Социально-политические перемены в Бирме

В. С. Котляров

кандидат исторических наук

Недавно бирманский народ отметил 24-ю годовщину со дня образования (4 января 1948 г.) независимого многонационального государства — Бирманского Союза. За прошедшие годы в жизни молодой республики произошли большие перемены. Сегодня Бирма занимает важное место среди молодых национальных государств Юго-Восточной Азии как страна, вставшая на путь некапиталистического развития.

Нелегкая судьба выпала на долю бирманского народа с его самобытной культурой и многовековыми традициями, значительными природными богатствами. Свыше полувека английские колонизаторы хозяйничали в стране, хищнически эксплуатировали ее ресурсы, жестоко угнетали бирманский народ. Английский империализм превратил колониальную Бирму в свой аграрно-сырьевой придаток с уродливой и однобокой экономикой, служившей исключительно целям обогащения монополий Англии. Только в период между двумя мировыми войнами английские колонизаторы ежегодно вывозили из Бирмы 25—30 млн. ф. ст. чистой прибыли, обрекая ее народ на голод и нищету, тяжелые болезни и неграмотность, бесправное существование и социальную отсталость.

Бирманский народ никогда не мирился с гнетом колонизаторов. Он постоянно вел борьбу против иноземных поработителей. Однако эта борьба получила ясную перспективу лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, открывшей новую эру в истории человечества, озарившей светом ленинских освободительных идей путь угнетенным народам к их национальному и социальному раскрепощению. В лице Советского государства бирманский народ обрел твердую опору и необходимую поддержку в своей справедливой антиколониальной борьбе. Признанный лидер национально-освободительного движения Бирмы Аун Сан говорил на I съезде Антифашистской лиги народной свободы, объединявшей накануне независимости все силы национального Освобождения в единый антиимпериалистический фронт: «Нас всегда глубоко вдохновляли неустрашимое мужество и героический дух социалистического соревнования, с которым народы Советского Союза боролись за победу социализма, с которым они сплотились для борьбы с разбойничьими ордами фашистских варваров во время второй мировой войны даже тогда, когда им приходилось в течение длительного периода вести эту борьбу один на один, без посторонней помощи. Мы глубоко восхищены мощью и доблестью родины социализма и признаем ее великую роль в победе над фашизмом... и то, как эта великая страна социализма отстаивает дело зависимых и колониальных народов»¹. Революционно-демократические силы мечтали повести независимую Бирму по пути «новой демократии»,

¹ Аун Сан, Бирма бросает вызов, Статьи и речи, М., 1965, стр. 122—123.

национализации иностранной собственности и планирования народного хозяйства в интересах народа, установления отношений тесной дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социализма, укрепления боевой солидарности с угнетенными народами в борьбе против империализма и колониализма².

Однако английскому империализму путем политических маневров удалось, уходя из Бирмы, расколоть единство антиимпериалистических сил страны, физически устранить Аун Сана и других прогрессивных лидеров национального освобождения³, разжечь кампанию преследований против подлинных патриотов и активных борцов с империализмом. В результате к власти пришли правые националисты, представлявшие интересы верхних слоев национальной буржуазии и феодально-помещичьих кругов. Правые националисты, учитывая сильные антиимпериалистические настроения широких народных масс, прибегали к социальной демагогии вплоть до обещаний построения «национального социализма» по бирманскому образцу⁴. На деле же они вели Бирму по пути развития капитализма, финансовой и экономической зависимости от иностранной помощи Запада. Все их попытки решить общие задачи последующего этапа национально-освободительной революции с помощью средств буржуазного реформизма в рамках капиталистического развития не имели успеха. Проводившиеся ими реформы в области сельского хозяйства, промышленности, иностранной собственности, социально-политических отношений носили весьма ограниченный и односторонний, узкоклассовый характер и не решали проблемы преодоления тяжелого наследия колониализма.

В результате Бирма так и не смогла достигнуть довоенного уровня развития. Экономическая отсталость и усиливающаяся зависимость от иностранного капитала тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся. Росло недовольство рабочих. Крестьянство, доведенное до нищеты, требовало проведения обещанных реформ. В отдельных районах разгорелась гражданская война. Подняли голову феодалы-сепаратисты национальных окраин, угрожая политическим расчленением страны и образованием «самостоятельных» карликовых государств. Усилилась подрывная деятельность засевших в глухих районах Бирмы гоминьдановских наемников и других организаций, субсидируемых извне. Обострилась фракционная борьба в правящем лагере. Назревал глубокий социально-политический кризис. Этим стремился воспользоваться международный империализм, резко усиливший свое вмешательство в экономику и политику страны. Над Бирмой нависла реальная угроза потери независимости.

В этой обстановке прогрессивные силы бирманской армии, воспитанные в лучших традициях национально-освободительной борьбы бирманского народа, решили выступить, чтобы спасти страну от грозящей катастрофы и повести ее по новому пути. Взяв на себя всю полноту ответственности за судьбу страны, бирманская армия 2 марта 1962 года совершила государственный переворот. Власть перешла в руки Революционного совета, в состав которого вошли революционные демократы во главе с генералом Не Винном⁵.

² Аун Сан. Бирма бросает вызов, Статьи и речи, М., 1965, стр. 262—268.

³ Они пали от рук наемных убийц, расстрелявших их в упор из автоматов 19 июля 1947 г.

⁴ На 1-й сессии парламента независимой Бирмы они включили это положение в свою программу. Однако в конце 50-х годов правые националисты сбросили с себя маску «ревнителей» социализма, показав свое подлинное лицо правобуржуазных националистов.

⁵ Is Trust Vindicated? A Chronical of the Various Accomplishments of the Government Headed by General Ne Win During the Period of Tuner from November 1958 to February 1960, Rangoon, 1960, p. 535—541.

Революционный совет приостановил действие конституции, распустил парламент, репрессировал наиболее опасные элементы из блока феодально-буржуазной коалиции, строго ограничил деятельность правых и других партий, решительно пресек действия феодалов-сепаратистов. Революционный совет прервал капиталистическое развитие, отверг систему эксплуатации человека человеком как пагубную и неприемлемую для Бирмы, провозгласил программу «бирманского пути к социализму» и объявил о создании Партии бирманской социалистической программы⁶. Одновременно революционное правительство отдало распоряжение о запрещении деятельности на территории Бирмы всех западных частных агентств⁷, выдворило из страны филантропические организации, такие, как Фонд Форда, Фонд Азии, Фонд Рокфеллера, главной задачей которых является борьба против социальных революций, приостановило работу западных культурных центров, библиотек и других учреждений Информационного агентства США (ЮСИА), Британского совета, западногерманского Института Гёте, занимавшихся проимпериалистической пропагандой, отказалось от услуг американского «корпуса мира», прекратило действие «просветительной» программы правительства США. Страну покинули многочисленные представители частных иностранных фирм и организаций. По выражению западных наблюдателей, Революционный совет решил «подальше держаться» от стран «свободного мира»⁸.

Прогрессивный курс Революционного совета на осуществление глубоких социально-экономических и политических преобразований и его успешное претворение в жизнь означали вступление Бирмы в полосу перерастания общенациональной революции в социальную.

Теории и практика революционных демократов Бирмы за прошедшие десять лет говорят, что они последовательно придерживались намеченной программы нового пути, который им приходилось прокладывать в исключительно сложной и острой политической обстановке, существовавшей внутри страны, в условиях постоянной международной напряженности, сохранявшейся все эти годы в юго-восточном регионе Азии. Революционным демократам пришлось решать вопрос «кто кого» в борьбе с отстраненными от власти буржуазно-феодальными классами и пробравшимися в их ряды противниками перестройки национальной экономики путем перевода ее с частнокапиталистической основы на рельсы новой экономической системы, опирающейся на общегосударственную и кооперативную собственность. Важным рубежом в этой борьбе была победа, одержанная в 1963 году над буржуазными националистами Аун Джи и другими, примкнувшими к революционным демократам с надеждой ограничить их действия рамками реформ, рассчитанных лишь на некоторое обновление и улучшение капитализма в Бирме.

Устранив буржуазных националистов из Революционного совета, правительства и армии, революционные демократы решительно приступили к ликвидации иностранной собственности, выкорчевыванию корней колониализма, национализации крупных и средних предприятий, принадлежащих местной буржуазии. Было принято решение, запрещающее создание новых частных предприятий⁹. Революционный совет национализировал все 22 иностранных и 9 национальных частных банков, 46 крупных

⁶ См.: Не В и н. Бирма на новом пути, М., 1965.

⁷ "Current History", Philadelphia, June 1962, p. 373.

⁸ D. E. Kennedy, The Security of Southeast Asia, Studies in International Security, New York — Washington, 1965, p. 97.

⁹ The Burma Socialist Programme Party, Central Organising Committee, Party Seminar, 1965, Rangoon, 1966, p. 66.

компаний и предприятий, обслуживавших армию, а также входивших в национальную корпорацию экономического развития. В руки государства перешла вся внешняя и оптовая внутренняя торговля. Государство установило контроль над предприятиями, которые не были национализированы, но имели важное народнохозяйственное значение¹⁰.

Были приняты решительные меры по ликвидации иностранного сектора в экономике страны, ликвидации позиций империализма, и прежде всего английского, на долю которого приходилась основная часть иностранного капитала. Вытеснение английских монополий началось в горнодобывающей, перерабатывающей и других отраслях промышленности. Правительство национализировало принадлежавшие им компании и рудники, такие, как «Мочи майнз», «Бирма ойл компани», «Англо-Бирма тин компани», «Тенассерим майнинг компани» и др. Англия, которая до второй мировой войны вложила в бирманскую экономику около 50 млн. ф. ст., сохранила к середине 60-х годов лишь 8 млн. ф. ст. Этот капитал приходился в основном на три крупнейшие в Бирме монополии — «Бирма корпорейши 1951», «Бирма юнилевер Лтд» и «Бирма оксиджен», где им принадлежало соответственно 75, 50 и 100% акций¹¹. В последующие годы все эти три компании полностью перешли в руки государства. Бирма вышла из стерлинговой зоны и таким образом окончательно освободилась от финансовой и экономической зависимости английского капитала.

Революционный совет принял оградительные меры от проникновения американского капитала в Бирму, размеры которого в форме экономической помощи, займов, кредитов и субсидий, частных инвестиций (около 7 млн. долл.) достигли в 1962 году суммы 236 млн. долл. Революционный совет прекратил действие программы помощи в рамках закона ПЛ-480, отказался от американского содействия в строительстве шоссейной дороги Рангун — Мандалай, национализировал частные инвестиции, которые были вложены в английскую компанию «Мочи майнз» и некоторые смешанные бирманские предприятия со стороны американских фирм «Интекс» и «Зингер». Революционный совет прервал деятельность «Дженерал эксплорейшн компани» по разведке и добыче нефти, решительно отказался от создания в Бирме какой бы то ни было миссии американской помощи. Экономическое сотрудничество с США было строго ограничено рамками межправительственных отношений.

В ходе осуществления радикальных мер по ликвидации иностранной собственности Революционный совет пересмотрел политику внешнеэкономических связей Бирмы с Западом, отверг ранее существовавшие принципы свободного предпринимательства и широкого привлечения частного иностранного капитала. Отныне в основу внешнеэкономической политики было положено два определяющих принципа: иностранная помощь, в которой Бирма по-прежнему остро нуждалась, осуществлялась на основе межправительственных соглашений и предназначалась исключительно на первоочередные нужды экономического строительства.

В настоящее время в многоукладной экономике Бирмы полностью ликвидирован иностранный сектор. Это знаменательный успех революционных демократов, бирманского народа в целом, важный шаг в сторону достижения экономической самостоятельности. Другим важным итогом преобразований в области экономики явилось то, что за минувшие десять лет значительно вырос и окреп государственный сектор, контролирующий ныне 80% добывающей промышленности и 60% обрабатывающей. Прон-

¹⁰ Ibid., p. 68—70.

¹¹ "Far Eastern Economic Review", November 11, 1964, p. 485.

зошло резкое сужение позиций местной буржуазии, ее влияния как в области политической, так теперь и в области экономической.

Крупные социальные перемены произошли и в бирманской деревне. Революционный совет отменил арендную плату крестьян помещикам за землю, запретил сгон крестьян с земли за долги помещикам или ростовщикам, передал треть обрабатываемых земель безземельным и малоземельным крестьянам, списал задолженность крестьян государству за займы и налоги. Государство через свои сельхозбанки организовало в деревне густую сеть кредитных учреждений, что позволило крестьянам вырваться из финансовой кабалы помещиков и ростовщиков, бравших с них грабительские проценты в размере 40—60, а иногда и по более высокой ставке. Бирманское правительство за последние шесть лет предоставило крестьянам по линии государственного кредита свыше 1 млрд. джа на посевные и уборочные работы. В помощь деревне создана также сеть машинопрокатных станций, где сосредоточено около 5 тыс. тракторов и другая сельскохозяйственная техника, которой крестьяне пользуются на выгодных для них условиях. Государством в широких масштабах ведется ирригационное строительство, орошение засушливых земель. За последние годы в стране введено около 30 крупных объектов, сооружается одна из крупнейших в Юго-Восточной Азии ирригационных систем в долине р. Му с многоцелевым названием¹². Начата электрификация бирманской деревни с целью улучшения быта крестьян и облегчения их труда. Внедряются новые агротехнические методы, широко ведется селекция семян, увеличиваются поставки селу минеральных удобрений. Все эти меры основательно подорвали позиции феодально-помещичьих сил и ростовщиков в этой ведущей отрасли национальной экономики, существенно изменили социальную структуру бирманской деревни в пользу трудовых слоев мелких и средних производителей.

Другой важной стороной социальных перемен в бирманской деревне явился быстрый рост кооперативного движения. Государство планировало (май 1970 г.) создать 10 тыс. потребительских кооперативов, 1 тыс. промышленных кооперативов, свыше 300 кредитно-сберегательных обществ и 13 тыс. сельскохозяйственных производственных кооперативов¹³. Ныне на селе действует около 13 тыс. кооперативов, которые в основном являются снабженческо-сбытовыми.

Глубокие перемены в хозяйственной структуре, в экономическом базисе Бирмы осуществлялись в сочетании с изменениями социально-политической структуры бирманского общества, его надстроечных учреждений и организаций. Революционный совет разработал и осуществил целый ряд мер по вопросам трудового законодательства и социального обеспечения в интересах трудового народа, по защите духовных ценностей от разлагающего влияния Запада, его идеологической экспансии, по увеличению ассигнований на цели здравоохранения и образования. Государство открыло новые институты, увеличило число школ всех ступеней, создало сеть вечерних школ рабочей молодежи, развернуло широкую кампанию по ликвидации неграмотности, сделало упор в учебных программах на изучение естественнотехнических и социально-экономических дисциплин. Изменился социальный состав учащейся молодежи за счет выходцев из среды рабочих и крестьян, средних промежуточных слоев города и деревни¹⁴.

¹² "Forward", Rangoon, March 1, 1971, p. 17.

¹³ "The Working People's Daily", Rangoon, 23.VIII.1971.

¹⁴ До последних лет число неграмотных в стране составляло 36% взрослого населения. В 1971 г. за парты село свыше 4 млн. учащихся и 50 тыс. студентов или в 3 раза больше, чем в 1962 г.

Заметные качественные сдвиги произошли за минувшее десятилетие и в общественно-политической жизни страны. Важные перемены в социально-классовой структуре Бирмы вызвали небывалую политическую активность народных масс. Для лучшего использования творческой энергии трудящихся были созданы народные советы — массовые организации рабочих и крестьян, насчитывающие ныне в своих рядах сотни тысяч человек. Народные рабочие и крестьянские советы стали опорой Революционного совета в осуществлении прогрессивных мероприятий.

За истекший период значительно выросла и окрепла Партия бирманской социалистической программы (ПБСП). Возросла ее роль как политического организатора бирманского народа, повысился ее авторитет в борьбе за претворение в жизнь программы революционно-демократических преобразований. Руководство партии проделало большую работу по превращению ПБСП из узкокадровой партии в массовую политическую организацию. Все это обеспечило ей широкую поддержку народных масс и создало необходимые условия для созыва ее I съезда.

I съезд Партии бирманской социалистической программы проходил в Рангуне с 28 июня по 12 июля 1971 года. В его работе участвовали 1127 делегатов, в том числе 825 — с правом решающего голоса и 302 — с правом совещательного голоса, которые представляли 73 640 членов и 334 226 кандидатов в члены ПБСП, а также около 1,5 млн. сочувствующих. Съезд открылся вступительной речью председателя ПБСП генерала Не Вина, который призвал к укреплению единства партийных рядов, национальной солидарности всех народов Бирманского Союза и созданию новой конституции.

Съезд заслушал и обсудил Политический доклад Центрального организационного комитета ПБСП, доклад об основных принципах планирования и осуществления государственного плана экономического развития Бирмы, проект устава партии и др. Делегаты съезда единодушно утвердили все представленные на их рассмотрение резолюции и документы, приняли новый устав ПБСП, закрепивший переход партии от узкокадровой и строго централизованной организации к массовой политической партии, строящейся на принципах демократического централизма. С заключительной речью выступил Не Вин, который указал, что наряду с дальнейшим углублением социально-экономических преобразований партия намеревается в ближайшее время развернуть аналогичные преобразования и на идеологическом фронте¹⁵.

В адрес съезда поступили многочисленные приветствия от трудящихся Бирмы. На съезде были зачитаны приветственные послания от ЦК КПСС и других партий. «Советские коммунисты, как и весь советский народ, — говорилось в послании ЦК КПСС, — с большой симпатией относятся к борьбе дружественного бирманского народа за полную ликвидацию наследия колониального прошлого, дальнейшее укрепление политической независимости и экономической самостоятельности своей родины, избравшей путь социалистической ориентации в перестройке общества»¹⁶. Послание было выслушано делегатами съезда с большим воодушевлением и опубликовано в бирманской центральной печати.

Съезд определил курс партии в области внутренней и внешней политики, поставил конкретные задачи в деле создания экономических и социальных основ, необходимых для построения в Бирме в перспективе социалистического общества. Съезд наметил программу, призванную из-

¹⁵ Данные о I съезде ПБСП приводятся по материалам, опубликованным в периодической печати: «Forward», 15.VII, VIII, 1971; «The Working People's Daily», 28.VI—13.VII, 1971.

¹⁶ «Правда», 28.VI.1971 г.

менить в течение ближайших 20 лет национальную экономику, опирающуюся главным образом на одну-две отрасли промышленности, в сторону расширения ее базы. Он утвердил основные заметки Первого четырехлетнего плана на 1971/72—1974/75 годы, которые предусматривают увеличение валового национального продукта и услуг за этот период на 19%, выпуска сельскохозяйственной продукции — на 16, промышленных товаров — на 20%. Планом также предусматривается повысить доход на душу населения на 8%, а потребление — на 9%¹⁷.

Съезд избрал руководящие органы партии: Центральный комитет в составе 150 членов и 50 кандидатов в члены ЦК ПБСП, а также ревизионную комиссию. На состоявшемся пленуме ЦК ПБСП председателем партии единодушно был избран Не Вин, генеральным секретарем партии — Сан Ю. Избран также Исполком ЦК ПБСП в составе 12 человек. Пленум ЦК ПБСП единодушно утвердил по предложению Исполкома ЦК партии Революционный совет из 15 членов во главе с Не Вином.

Съезд явился крупным событием в общественно-политической жизни Бирмы, важным рубежом на пути ее прогрессивного развития.

Следуя независимому курсу позитивного нейтралитета, который, как отмечалось в решениях I съезда ПБСП, больше всего в данных условиях подходит Бирме, бирманское правительство уделяет много внимания развитию нормальных взаимовыгодных отношений с другими государствами, которые готовы уважать ее независимую политику. С каждым годом растут и крепнут всесторонние дружественные связи между Бирмой и Советским Союзом, расширяются экономические, торговые и культурные отношения. Новым подтверждением дальнейшего развития отношений дружбы и сотрудничества между обеими странами явился визит в Бирму в начале октября 1971 года, советской партийно-правительственной делегации во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным¹⁸. Как отмечалось в бирманской печати, этот визит стал «новой исторической вехой в развитии дружественных отношений между двумя странами»¹⁹.

Однако на пути строительства новой Бирмы встречаются и немалые трудности, всякого рода препятствия, при преодолении которых были допущены и определенные промахи. И хотя все эти осложнения порождаются разными причинами, в их основе, несомненно, лежит непрекращающаяся борьба нового со старым, прогрессивного с реакционным. Эти трудности возникают в связи с нехваткой национальных кадров и опыта в планировании и управлении народным хозяйством, саботажем капиталистических элементов и спекуляциями на «черном рынке», сепаратистскими выступлениями феодально-помещичьих кругов и провокационной деятельностью разношерстной политической эмиграции, окопавшейся за рубежом. Внутривнутриполитическое положение в стране осложняется также тем, что руководство Компартии Бирмы, попав под влияние Пекина, стало на авантюристический путь антиправительственной вооруженной борьбы.

Но не эти трудности и недостатки определяют жизнь сегодняшней Бирмы. Ее современное развитие определяется прогрессивными преобразованиями Революционного совета, которые активно поддерживает трудовой народ страны.

¹⁷ "The Working People's Daily", 30.VI.1971.

¹⁸ См.: «Правда», 4.X.1971 г.

¹⁹ «Чейхмоун», 4.X.1971 г. (на бирм. яз.).

Экономические отношения СССР и Японии

Н. П. Ширяев

начальник Управления торговли со странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока МВТ СССР, кандидат экономических наук.

Советский Союз и Япония — соседи. Их географическая близость, желание многих деловых кругов Японии развивать товарообмен с СССР на взаимовыгодной основе, что, естественно, приветствуется в нашей стране, открывают широкие перспективы для роста и укрепления советско-японских экономических связей. Трезвый, реальный подход к решению экономических проблем между соседними государствами обусловлен, в частности, самим процессом развития экономики как Советского Союза, так и Японии.

Темпы экономического роста Советского Союза, как известно, высоки. В 1970 году национальный доход превысил уровень 1965 года на 41%. Объем промышленного производства за прошлое пятилетие возрос в полтора раза¹. Успешно развивается экономика Сибири и Дальнего Востока. Особенно быстро увеличивается добыча нефти и газа в Западной Сибири. Все это обеспечило ускоренный рост внешнеторгового оборота Советского Союза — с 14,6 млрд. руб. в 1965 году до 22,1 млрд. руб. в 1970 году².

Еще более внушительная программа экономического развития СССР намечена XXIV съездом КПСС на 1971—1975 годы. Производство основных видов сырья и промышленной продукции в 1975 году должно составить: нефти — 480 млн. т, угля — 685 млн. т, стали — 142 млн. т, природного газа — 300 млрд. м³, продукции машиностроения и металлообработки — 148 млрд. руб., приборов, средств автоматизации и запасных частей к ним — 6,1 млрд. руб.³.

В девятой пятилетке Советский Союз будет и дальше расширять экономическое сотрудничество со всеми странами мира, выражающими готовность к развитию отношений на основах равенства и взаимной выгоды.

Япония за послевоенный период вошла в число высокоразвитых индустриальных стран и по размерам валового национального продукта теперь занимает второе место в капиталистическом мире. Среднегодовой темп прироста ее валового национального продукта в 1961—1969 годах был самым высоким среди всех развитых капиталистических стран.

¹ См.: «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 127.

² «Внешняя торговля СССР» за соответствующие годы.

³ См.: «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 127.

На основе роста экономики страны увеличились ее внешнеэкономические связи, и прежде всего внешняя торговля, что видно из данных⁴ в таблице 1.

Таблица 1
(в млн. долл.)

	1965 г.	1966 г.	1968 г.	1970 г.
Оборот	16 621	19 299	25 959	38 236
Экспорт	8 452	9 776	12 972	19 363
Импорт	8 169	9 523	12 987	18 873

Чем выше становится уровень развития экономики Японии, тем больше становится ее зависимость от импорта всех основных видов сырья для промышленного производства. Япония на 100% зависит от ввоза таких товаров, как хлопок, шерсть, бокситы, фосфаты, каучук, никель, платина; нужды Японии удовлетворяются импортом на 98% — по нефти, на 95 — по железной руде, на 55 — по коксующемуся углю, на 72% — по медной руде.

Рост импорта в Японию основных видов сырья осуществляется быстрыми темпами. Об этом говорят следующие цифры⁵:

Таблица 2

	1966 г.	1968 г.	1970 г.
Уголь (коксующийся), млн. т	18,2	30,9	48,8
Нефть, млн. кл	99,4	139,8	197,1
Железная руда, млн. т	46,1	68,2	101,9
Лес, млн. м ³	21,9	33,5	42,4

Основными поставщиками сырья и топлива для Японии являются США, Австралия, Канада, СССР, Иран. Поставки перечисленных товаров по странам распределяются в следующем объеме⁶ (см. табл. 3).

В предстоящее десятилетие ожидается дальнейший рост экономики Японии. Это означает, что по-прежнему в больших размерах будет увеличиваться ее потребность в импортном сырье. Однако «старые» источники не являются неисчерпаемыми. Это понимают и деловые круги Японии. Не случайно поэтому за последние годы усилилось стремление японского капитала проникнуть на рынки Африки, Латинской Америки и Азии. Заключение со странами этих континентов долгосрочных соглашений на импорт железной руды, нефти и других товаров становится обычным явлением во внешнеэкономической жизни Японии.

⁴ "Foreign trade of Japan", 1968, 1970. "East-West Trade", 15.III.71.

⁵ Там же.

⁶ "East-West Trade", 15.III.71. 1970.

Таблица 3

	1966 г.	1968 г.	1970 г.
Уголь (коксуемый), млн. т			
США	7,0	14,2	25,2
Австралия	8,0	11,9	16,5
СССР	1,5	2,7	2,8
Нефть, млн. кл			
Иран	27,6	51,7	85,6
Саудовская Аравия	17,4	26,4	29,0
Кувейт	20,8	19,2	17,1
СССР	4,2	2,8	2,7
Железная руда, млн. т			
Австралия	2,0	13,8	36,6
Индия	10,1	12,7	16,4
СССР	0,3	1,0	1,2
Лес, млн. м³			
США	4,6	9,3	9,5
Филиппины	6,7	7,4	7,5
СССР	3,6	5,8	7,0

Высокий удельный вес США во внешней торговле Японии, большое различие в структуре взаимных поставок товаров, резкие колебания торгового баланса неизбежно увеличивают японо-американские противоречия в их взаимной торговле. Большая зависимость японцев от американского рынка заставляет их идти порой на значительные уступки Вашингтону лишь бы сохранить рынки сбыта в США. Так, Япония была вынуждена уступить в области торговли текстилем, чтобы не подвергнуться риску сокращения квоты других японских товаров, экспортируемых в США. Тем не менее Японии с помощью этой уступки не удалось сохранить взаимопонимания с заокеанским партнером. В частности, сейчас речь идет уже об ограничении со стороны Японии экспорта черных металлов, а в будущем, возможно, и автомобилей.

Эти японо-американские торговые противоречия углубляются еще и тем, что США в условиях долларовой кризиса открыто пытаются переложить на Японию часть своих финансовых трудностей. События, связанные с этим кризисом, говорят о том, что Япония не смогла избежать его последствий, так как слишком велика ее зависимость от заокеанского партнера.

Долларовый кризис и весь ход развития экономических отношений Японии с США показали японским деловым кругам, насколько рискованна слишком большая по своим масштабам их внешнеэкономическая ориентация на одну страну. Отсюда понятно стремление японских торгово-промышленных кругов рассредоточить свою торговлю, найти новых партнеров-поставщиков сырья. Они все больше уделяют внимания развитию экономических связей с Советским Союзом. Подтверждением этому является тот факт, что Япония в 1970 году во внешнеторговом обороте Советского Союза с развитыми капиталистическими странами

заняла первое место, опередив таких традиционных торговых партнеров СССР, как Англия, Финляндия, Франция, Италия и другие страны ⁷.

Если рассматривать японо-советские экономические отношения в историческом аспекте, то следует отметить, что эти отношения являются сравнительно молодыми. Торговля между СССР и Японией была начата в 1925 году, но должного развития в те годы она не получила. Так, максимальный оборот в довоенный период достиг в 1930 году 26 млн. руб., но уже в 1934 году он снизился до 10 млн. руб., а в 1941 году торговля полностью прекратилась ⁸.

Новый этап становления и расширения экономических связей между двумя странами наступил после подписания 19 октября 1956 года Совместной Декларации о нормализации дипломатических отношений и Торгового Договора 6 декабря 1957 года. Стороны решили развивать взаимную торговлю на основе долгосрочных соглашений с твердыми контингентами товаров, предусматриваемыми на каждый год. Эта форма товарооборота между двумя странами полностью себя оправдала, о чем свидетельствуют итоги советско-японской торговли за десятилетний период.

Таблица 4
(в млн. руб.)

	1960 г.	1965 г.	1966 г.	1970 г.
Оборот	124	326	417	653
Экспорт	69	166	215	341
Импорт	55	160	202	312 ⁹

Новое соглашение, подписанное в Токио 22 сентября 1971 года, предусматривает дальнейшее развитие торгового и экономического сотрудничества между СССР и Японией на период 1971—1975 годов. В соответствии с этим соглашением общий объем взаимных поставок товаров за пятилетие составит 4,75 млрд. рублей. К 1975 году товарооборот достигнет одного миллиарда рублей в год ¹⁰.

Советский экспорт в Японию состоит главным образом из сырья и материалов, добываемых и производимых в Сибири и дальневосточных районах СССР. По данным за 1969 год, за счет закупок в Советском Союзе Япония удовлетворяла 17% своих импортных потребностей в лесе, 8% — в коксующемся угле, 15% — в калийных солях, 50% — в никеле, 15% — в чугуне, 12% — в алюминии ¹¹. Наша страна экспортирует также в Японию значительные количества хлопка, нефти, асбеста и других товаров. Известное развитие за последние два-три года получил экспорт машин и оборудования. Если в 1968 году он составил около 2 млн. руб., то в 1970 году — более 3 млн. рублей ¹². Советские внешнеторговые объединения учитывают, что данная сумма крайне мала по сравнению со стоимостью японского импорта этой группы товаров, и поэтому прини-

⁷ «Внешняя торговля СССР» за 1970 год, статистический обзор.

⁸ «Внешняя торговля СССР за 20 лет (1918—1937)»; Статистический справочник, М., 1939, стр. 260—261.

⁹ «Внешняя торговля СССР» за 1960, 1965, 1966 и 1970 гг.

¹⁰ См.: Н. С. Патоличев, О торговом соглашении с Японией, «Новое время», 1971, № 42.

¹¹ «Foreign trade of Japan», 1970.

¹² «Внешняя торговля СССР» за 1968, 1970 гг.

мают со своей стороны различные меры по увеличению продажи японцам советских машин и оборудования.

Советский импорт в 1961—1966 годах был представлен на 50% машинами, оборудованием и судами. В последующие годы, когда из-за высоких цен на суда эта цифра уменьшилась до 40%, импорт их из Японии почти прекратился. В группе машин и оборудования основное место принадлежит оборудованию комплектных предприятий. Советским Союзом в Японии были закуплены заводы с новейшей технологией производства окиси этилена, винилхлорида и поливинилхлорида, цианистого натрия, циануровой кислоты, карбамида, противостарителя резины, компрессоров к домашним холодильникам, аммиака, дивинила из бутана и других товаров.

Значительный удельный вес в советском импорте занимают металлоизделия, исходные материалы для производства химических и синтетических волокон, сырье и полуфабрикаты для текстильной промышленности. Ежегодно советские внешнеторговые организации закупают в Японии готовые трикотажные и швейные изделия, обувь и ряд других товаров широкого потребления, которые пользуются в Советском Союзе устойчивым спросом.

Приведенные фактические данные о советско-японской торговле свидетельствуют о высоких темпах ее развития. Причем одной из главных причин такого развития следует считать взаимовыгодность товарообмена. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что Советский Союз известен на мировых рынках не только как постоянный и крупный покупатель новейших машин и оборудования; СССР в свою очередь экспортирует во многие страны новейшую технику. Это связано с непрерывным и быстрым развитием его экономики, эффективным использованием международного разделения труда и установлением прочных, долговременных экономических связей.

Таким образом, Советский Союз является торговым партнером, у которого имеются реальные и постоянно растущие возможности для расширения почти всех товарных групп экспорта и импорта. В современных условиях такой тип универсального торгового партнера — явление весьма редкое.

В течение предыдущего десятилетия в экономических отношениях СССР с Японией основной формой была торговля. Вместе с тем были предприняты и первые шаги по установлению научно-технического сотрудничества, кредитных отношений, по заключению Генеральных Соглашений и развитию прибрежной торговли, по развитию деловых контактов между правительственными и частными организациями и фирмами и т. п.

Анализ всех слагаемых советско-японской торговли свидетельствует о том, что обе стороны ищут новые пути и формы делового сотрудничества, и прежде всего на долговременной основе.

Председатель Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгин в докладе на третьей сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва «О государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы и государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1972 год» сказал: «С переходом к практике долгосрочных соглашений, обеспечивающих устойчивые заказы для промышленности, в наших отношениях со странами Запада открываются новые возможности. Речь может идти о взаимовыгодном сотрудничестве с иностранными фирмами и банками в разработке ряда крупных экономических вопросов, связанных с использованием природных ресурсов Советского Союза, строительством промышленных предприятий, поисками

новых технических решений. Мы убеждены, что для осуществления такого сотрудничества могут быть найдены разнообразные формы, которые отвечали бы интересам всех его участников»¹³.

Примерами такого сотрудничества между Советским Союзом и Японией можно назвать Генеральное Соглашение в связи со строительством морского порта в бухте Врангеля. В соответствии с соглашением японская сторона предоставила кредит в 80 млн. долл. для закупки строительного и эксплуатационного оборудования и материалов, которые будут использованы при сооружении порта. Это будет самый современный морской порт на Дальнем Востоке для погрузки леса, угля, контейнеров и генеральных грузов. Ввод в эксплуатацию порта позволит почти вдвое увеличить грузооборот дальневосточных морских портов. Кроме того, он позволит начать контейнерные перевозки, в том числе и транзитные, что явится новой и весьма перспективной формой экономического сотрудничества между СССР и Японией.

Другим примером долгосрочных и взаимовыгодных соглашений является Генеральное Соглашение о поставке Японией Советскому Союзу в кредит на сумму 130 млн. долл. машин, оборудования и материалов для увеличения лесозаготовок. Рост же лесозаготовок в свою очередь позволит в течение длительного времени наращивать экспорт лесоматериалов в Японию.

Два названных соглашения успешно выполняются. Несомненно, что эти соглашения и последующие за ними будут в значительной мере способствовать дальнейшему развитию советско-японских экономических отношений.

В декабре 1971 года в Токио было подписано Генеральное Соглашение на поставку из СССР в Японию технологической щепы и балансового долготья лиственных пород. Это соглашение также носит долгосрочный характер и направлено на увеличение экспорта лесоматериалов в Японию. Кроме того, в японской прессе немало внимания уделяется возможности сотрудничества деловых кругов Японии с советскими организациями в разработке в районах Дальнего Востока и Сибири рудных месторождений, нефти, коксующегося угля, природного газа, меди при условии экспорта определенной части добываемого сырья в Японию.

Развиваются и другие формы советско-японских экономических связей. Такие известные торговые фирмы, как «Мицун», «Мицубиси», «Ниссё — Иваи», «Канемацу — Госё», «Итотю» и другие, не только активно участвуют в развитии торговли с Советским Союзом, но уделяют все больше внимания научно-техническому сотрудничеству, заключению долгосрочных соглашений и т. д.

Как Советско-японский, так и Японо-советский комитеты по вопросам экономического сотрудничества играют важную роль в укреплении межгосударственных отношений между Советским Союзом и Японией. На прошедших пяти совместных совещаниях были рассмотрены важные вопросы экономического сотрудничества. Необходимо отметить, что быстрый рост советско-японских экономических связей привел к созданию организаций, которые рассматривают и решают проблемы перспективного развития экономических отношений между двумя государствами на много лет вперед. На этом пути предстоит еще многое преодолеть, найти решение новых проблем, еще не встречавшихся в практике экономических отношений между высокоразвитыми государствами с раз-

¹³ А. Н. Косыгин, Доклад и заключительное слово на 3-й сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва, Изд-во политической литературы, М., 1971, стр. 45.

личным социально-экономическим строем. Однако при наличии доброй воли и трезвом подходе к решению важных проблем на основе взаимной выгоды и взаимопонимания любые трудности могут быть и должны быть преодолены.

Можно со всей определенностью сказать, что для дальнейшего развития торгово-экономических связей между Советским Союзом и Японией имеются все материальные предпосылки. Назрела необходимость перехода советско-японских экономических связей в широкое, многостороннее экономическое сотрудничество. Советскому Союзу это дает возможность ускорить развитие экономики Дальнего Востока и Сибири за счет привлечения японского капитала в форме комплектного оборудования, машин и материалов, а Японии позволит обеспечить ее промышленность необходимым сырьем и крупными заказами.

«Мы видим немалые возможности для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества с Японией», — отметил на XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев¹⁴.

Такое развитие экономических отношений между СССР и Японией будет способствовать укреплению добрососедских отношений между обеими странами и укреплению мира на Дальнем Востоке.

¹⁴ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 27.

ИДЕОЛОГИЯ

Об одном реакционном идейно-политическом анахронизме XX века

В. А. Кривцов

кандидат философских наук

Одна из особенностей мирового революционного процесса в нашу эпоху заключается во все более широком вовлечении в борьбу непролетарских слоев трудящихся, часто зараженных буржуазной идеологией и приносящих в него свои особые интересы и цели. Приходя в революцию, часть из них неизбежно вовлекается в рабочее и коммунистическое движение. Однако отнюдь не все они становятся пролетарскими революционерами, марксистами-ленинцами. Некоторые из них лишь на словах признают марксизм-ленинизм, на деле же продолжают оставаться в плену буржуазной идеологии и социальной психологии, пытаются навязывать коммунистическому движению национализм, левацкое сектантство, правооппортунистическую политику, прикрывая их марксистской фразеологией. В. И. Ленин связывал такого рода явления в конечном счете с неразвитостью экономических отношений. Он писал: «Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные черты нового мирозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного мировоззрения вообще»¹.

Разумеется, коммунистическое движение давало и дает отпор подобным элементам, разоблачая их антимарксистскую сущность. Поэтому они долго не могут открыто выступать против марксизма. Им приходится маскироваться, подкрашивать под марксизм свои теории, которые в действительности ему чужды, софистизировать и фальсифицировать марксизм. В связи с этим их теории, говоря ленинским языком, как бы становятся сами на почву марксизма и «по Марксу» пытаются опровергать приложение к той или иной стране теории Маркса.

Революционное движение в Китае разворачивалось в условиях крайней экономической, социальной и культурной отсталости. Рабочий класс Китая был слаб, а коммунистическая партия далека от него. КПК возникла в 1921 году, а уже в 1928 году ее VI съезд констатировал, что «партия потеряла рабочих как свой базис». Центр ее работы с того времени был перенесен в деревню. Лишь в 1949 году перед партией вновь была выдвинута задача «обязательно опираться на рабочий класс», однако до конца она никогда не была реализована. Усвоение марксизма-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 65.

ленинизма проходило в Китае с большими трудностями, а сила традиций, причем традиций в первую очередь феодальных и лишь во вторую буржуазных, была необыкновенно велика. В Китае не произошло того четкого идейного размежевания между марксистами и буржуазной демократией, которое имело место в России благодаря деятельности Ленина и Плеханова. Все это и привело в конечном счете к тому, что внутри китайского коммунистического движения могло возникнуть и развиться чуждое ему по своей социальной природе и взглядам течение, получившее впоследствии название «маонизм». Под решающим воздействием маонизма в Китае сложилась особая, несовместимая с ленинизмом идейно-политическая платформа по основным вопросам международной жизни и мирового коммунистического движения. Как известно, сторонники маонизма пытаются выдать его не только за вершину марксистско-ленинской мысли в нашу эпоху, но и за идеологию, «обязательную для всего мира». Что же представляет собой маонизм?

Советская наука раскрывает идейно-политическую сущность маонизма, показывает его социальные корни, исторические и идейно-теоретические истоки². К изучению маонизма она подходит конкретно-исторически, анализирует его на различных этапах развития новейшей истории Китая и вскрывает особенности маонизма, свойственные каждому из этапов.

Маонизм с самого своего появления был мелкобуржуазным, националистическим течением. Но на этапе национально-освободительной борьбы китайского народа непролетарская, националистическая основа маонизма не была достаточно четко обнажена, поскольку китайская революция решала в те годы прежде всего проблемы национального освобождения страны. Его идейно-политическая сущность стала более заметно обнажаться на следующем этапе новейшей истории Китая после победы китайского народа, когда началось решение социальных проблем и строительство основ социализма. С наибольшей полнотой непролетарская классовая природа и идейно-политическая сущность маонизма обнаружилась в последнее десятилетие в связи с обострением гегемонистских претензий китайского руководства, его раскольнической деятельностью на международной арене и борьбой за власть в Китае.

В первой половине 60-х годов казалось, что в лице маонизма мы имеем дело с ультрареволюционерами, заболевшими «детской болезнью «левизны» в коммунизме» и увлеченными революционным авантюризмом. Однако «культурная революция» и последующий период показали, что революционаризм маонистов — это скорее поза и маскировка и что сущность современного маонизма не левачество, а правый оппортунизм, толкающий его на сближение с империализмом и предательство интересов национально-освободительного движения. Опыт последних лет приводит нас к заключению, что маонисты проявляют интерес к судьбам революции лишь в том случае, когда она так или иначе «работает» на великоханьский шовинизм. Если же революционный процесс не сулит националистическим интересам маонистов каких-либо выгод или по тем или иным причинам вреден для них, тогда они превращаются во врагов революции и делают все от них зависящее для ее удушения. Наглядный пример этого — отношение маонистов к национально-освободительному движению в Восточном Пакистане.

Важнейшей вехой в становлении маонистской платформы явился IX съезд КПК, в решениях которого современный маонизм наиболее кон-

² Анализ маонизма как идеологического явления дается в работах М. Л. Алтайского, В. Г. Георгиева, В. А. Кривцова, Б. М. Лейбзона, А. М. Румянцева, Н. Г. Сенина, М. И. Сладковского, П. Н. Федосеева и других авторов.

центрированно выразил свои глубинные тенденции и стратегические цели, выпукло обнажив свою антиленинскую сущность и таким образом явно демаскировав себя. Маонисты прекрасно сознают, что прежде всего маскировка под марксизм-ленинизм позволяет им навязывать маонизм китайскому народу и оказывать известное воздействие на отдельные отряды, участвующие в мировом революционном процессе. Поэтому в последнее время они заметно меняют тактику и лозунги, заявляют о своем миролюбии, порицают теорию экспорта революции, демонстративно издают работы классиков марксизма-ленинизма и т. д. Но вся их идеологическая и политическая деятельность по-прежнему определяется решениями IX съезда КПК, и поэтому их тактическое маневрирование никого обмануть не может.

Анализируя особенности маонизма на современном этапе, советские ученые приходят к выводу, что в наши дни маонизм — это китаизированный социал-шовинизм, ядро которого составляет китайский социал-милитаризм. По своим теоретическим установкам и политической практике он в корне противоречит и враждебен марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму, однако пытается утилитарно-вульгаризаторски использовать марксизм-ленинизм и революционное движение для достижения своих стратегических великоханьских целей — превратить Китай в центр мира. По своей сущности маонизм — явление не революционное, а реакционное, и именно поэтому его идеология и политика часто смыкаются с идеологией и политикой империализма и современного антикоммунизма, которые стремятся использовать маонизм в своих интересах против сил мира, демократии и социализма³.

Существует, однако, еще одна характерная черта маонизма, на которую следует обратить особое внимание. Эта черта — его мелкобуржуазный ревизионизм. Действительно, вся «теоретическая» деятельность Мао Цзэ-дуна и его соратников — это сплошная ревизия марксизма-ленинизма то с «левых», то с правых позиций под предлогом учета специфики Китая и других слаборазвитых стран. Не ставя перед собой задачу подробно, исторически проанализировать в этой статье ревизионистскую деятельность маонистов, мы считаем необходимым обратить внимание на то, что она на всех этапах их существования так или иначе касалась самого важного в марксизме-ленинизме — вопроса о руководящей роли рабочего класса и диктатуре пролетариата. Маонизм фактически отрицает необходимость гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и его диктатуры после победы. В этом суть всей ревизионистской деятельности маонистов. «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — подчеркивал В. И. Ленин, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии»⁴.

Для советской науки совершенно очевидно, что отсталость маонизма, с одной стороны, и его живучесть — с другой, неразрывно связаны с общей экономической, социальной и культурной отсталостью Китая, где пролетариат и мелкобуржуазные элементы были настолько переплетены между собой, что эта взаимосвязь не могла не находить своего выражения в политическом курсе и общественных взглядах.

³ П. Н. Федосеев, Об идейно-политической сущности маонизма, «Правда», 5.XII. 1971.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 351.

Маонизм зарождался под сильнейшим воздействием представлений и социальной психологии непролетарских трудящихся масс Китая. По своей природе трудящиеся непролетарские элементы относились в Китае главным образом к мелким производителям — крестьянам, ремесленникам и т. д. Их природа была двойственна, что связано с двойственностью их положения. Мелкий производитель, с одной стороны, — элемент прогрессивный, поскольку он имеет прогрессивные демократические черты, как отмечал В. И. Ленин, а с другой стороны, он элемент реакционный, ибо, будучи мелким хозяином, пытается удержаться, сохранить свое положение, старается задержать экономическое развитие⁵.

Ранний маонизм нес на себе печать этой двойственности, но впоследствии он все более утрачивал прогрессивные демократические черты и все более приобретал черты реакционные.

Отсталость и реакционность маонизма выражаются прежде всего в его понимании окружающей действительности и том методе, с которым он к ней подходит. Советские ученые убедительно показали, что маонизму чуждо материалистическое понимание истории, исходящее из того, что в жизни общества решающая роль принадлежит экономическому развитию, которое порождает в нем политические процессы, приобретающие известную независимость. В своем подходе к действительности маонисты находятся еще на уровне домарксистского периода развития науки, они застряли в XIX веке и, по существу, повторяют прошлое (зачастую бесосновательно) субъективной социологии, столь популярной в конце XIX века у русских революционных демократов, а в начале XX оказавшей сильное воздействие и на китайскую буржуазную демократию. Маонизм лишь на словах опирается на исторический материализм. На деле же он оперирует методом субъективной социологии точно так же, как это делали в России представители либерального народничества. Метод субъективной социологии основан на признании эволюционного развития действительности. Однако его сторонники не видят в этом развитии естественноисторического процесса. Они не связывают социальные явления с материальными общественными отношениями. Главным фактором развития общества субъективные социологи считают общественные идеи, цели и волю человека. Именно в связи с этим методом в России и Китае возникло представление, что историю делают «одинокие борющиеся личности». (Не поэтому ли Мао называет себя одиноким монахом, бредущим с дырявым зонтиком под мышкой?)

Одновременно с распространением субъективной социологии особую популярность приобрел в Китае и социал-дарвинизм, происхождение которого тесно связано с учениями Конта и Спенсера. Рассматривая общество как некий организм, состоящий из клеток-семей, Конт видел в нем явление, находящееся в одном ряду развития с животными организмами. Подобным же образом понимал общество и создатель «органической теории общества» Спенсер, переносивший закономерности, свойственные биологии, на социальную жизнь, в том числе и понятие естественного отбора и межвидовой борьбы.

Популярность в Китае социал-дарвинизма (еще в 1932 году Цзян Вэй-цяо писал, что мысль о том, что в социальной борьбе выживает сильнейший и погибает слабый, «и до сего дня у всех на устах»⁶) объяснялась, в частности, тем, что китайцы в течение тысячелетий уподобляли общественно-исторические процессы явлениям природы. Поэтому учение Дарвина о мире живой природы они тотчас же перенесли на общество.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 298, 419.

⁶ Цзян Вэй-цяо, История китайской философии за 300 лет, Шанхай, 1932, стр. 138.

Поскольку субъективная социология и социал-дарвинизм оказали сильное воздействие на умы китайской интеллигенции в первую четверть XX века, когда формировалось сознание большинства современных китайских руководителей старшего поколения, на истории проникновения в Китай этих идей стоит остановиться подробнее, хотя мы далеки от мысли непосредственно связывать маоизм со взглядами Конта, Спенсера, Гексли и других западных мыслителей.

Распространению субъективной социологии Китай обязан в первую очередь деятельности Янь Фу, Лян Ци-чао, Ван Го-вэя и некоторых других представителей китайской интеллигенции. Приверженец идеи «богатого и сильного» Китая, Янь Фу переводил на китайский язык такие труды западных мыслителей, которые, по его мнению, должны были способствовать превращению Китая в сильную и богатую державу, способную сопротивляться напору «иноземных варваров». Янь Фу познакомил Китай с идеями Спенсера, Гексли, Дарвина, Милля, Адама Смита, Дженикса и Монтескье. Он так излагал основные положения дарвинизма: «...Все живые существа, многообразные и многочисленные, кормятся от благ природы. Вступая между собой в контакт, люди и живые существа начинают борьбу за то, чтобы выжить. Вначале вид борется с видом, стадо со стадом; слабый часто становится жертвой сильного, а неразвитый становится рабом развитого»⁷. «...Так обстоит дело с животными и растениями, так обстоит дело и с человеком»⁸.

Журнал «Минь бао» (№ 2 за 1905 год) так писал о воздействии социал-дарвинистских взглядов Янь Фу на китайский народ: «С того времени, как появились книги Янь Фу и законы борьбы видов и естественного отбора стали управлять сердцами людей, дух китайского народа изменился»...

Особенной популярностью в китайском обществе первой четверти XX века пользовались переводы работ Гексли с их идеями социал-дарвинизма. (На протяжении пятнадцати лет переводы его работ издавались в Китае 20 раз.) Эти переводы «не только усиливали критическое отношение молодежи к существующим и прежним взглядам и институтам, но также внушали убеждение, что, если Китай не сделается сильным государством в смысле богатства и армии, он не подойдет для семьи наций и будет истреблен по естественным законам»⁹.

Сильное влияние на умы китайской революционной молодежи оказал в начале XX века Лян Ци-чао, который также был сторонником и пропагандистом идей субъективной социологии и социал-дарвинизма. Лян Ци-чао считал, что история есть борьба наций и рас за существование в процессе эволюции.

Если Янь Фу и Лян Ци-чао познакомили Китай с идеями субъективной социологии и социал-дарвинизма, то в работах Ван Го-вэя о Шопенгауэре и Ницше был сделан особый упор на субъективистско-волюнтаристском подходе к действительности. Ван Го-вэй подчеркивал, что Шопенгауэр и Ницше считали волю основой человеческой природы. Для восприятия ницшеанства китайская интеллигенция была подготовлена переводами Янь Фу из Спенсера, Гексли и Дарвина. Она была убеждена в том, что не только надо изучать теорию борьбы за существование, чтобы приспособляться к обстановке, но следует с помощью силы

⁷ Янь Фу. Источник силы. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени, М., 1961, стр. 171.

⁸ Там же, стр. 172.

⁹ Tsen Yu-Hao. Modern Chinese Legal and Political Philosophy, Shanghai, 1930, p. 242.

духа преодолевать обстоятельства и создавать их. Во взглядах Ницше китайские интеллигенты встретились с культом «сверхчеловека», прославлением войны, идеями уничтожения слабых и господства сильных, отрицанием морали. Так китайскому обществу была привита мысль о сильной и воинственной ницшеанской личности, якобы могущей усилить волю сокрушать все препятствия.

Благодаря Ван Го-вэю популярность Ницше в Китае впоследствии так возросла, что журнал «Минь до» посвятил ему специальный номер¹⁰, в котором, кроме биографии Ницше, были статьи о его взглядах, в том числе и статья о сверхчеловеке.

Представление о круге идей, способствовавших утверждению в Китае субъективной социологии и социал-дарвинизма, будет неполным, если мы не упомянем здесь переведенную на китайский язык с японского и изданную в 1911 году в Шанхае книгу Кено «Политическая наука». В основе этой книги лежали взгляды на политику европейских и американских мыслителей, в числе которых были Макиавелли, Трейтшке и им подобные. Вслед за этими авторами Кено утверждал в своей книге, что задача военной политики государства состоит в расширении его территории, экономических интересов и культурных мероприятий. Таким образом, знакомство китайцев благодаря трудам Янь Фу, Лян Ци-чао, Ван Го-вэя и других со взглядами Спенсера, Дарвина, Гексли привело к широкому распространению среди китайской интеллигенции эволюционизма, субъективной социологии и социал-дарвинизма, тесно связанных между собой идеей силы, поскольку в теории эволюции Спенсера сила рассматривается как основа основ, а в социал-дарвинизме она главный двигатель общественного развития.

«После того как теория эволюции Гексли, Дарвина и Спенсера, с которыми Янь Фу познакомил Китай, получила распространение,— отмечает Го Шэнь-бо,—возникла идея, что справедливости нет и господствует тот, кто обладает силой»¹¹.

Рассмотрение некоторых сторон истории общественно-политической мысли Китая первой четверти XX века приводит к выводу, что распространение в Китае субъективной социологии, социал-дарвинизма и волюнтаризма в свою очередь создавало условия для широкого хождения там так называемой теории насилия, развитой в европейском социалистическом движении XIX века Евгением Дюрингом. Как известно, эта теория своими корнями уходит в позитивизм Конта и Спенсера, на базе которого и сложился субъективный метод в социологии.

Мы обращаем здесь особенное внимание на эту идеалистически-волюнтаристскую теорию потому, что она составляет одну из основ маонизма, подменяющего материалистическое понимание истории субъективно-социологическим пониманием, в котором власть, сила и насилие, облеченные в военную форму, занимают господствующее положение¹².

Под влиянием субъективной социологии маонизм рассматривает революцию вне связи с экономическими процессами, происходящими в обществе. Для него революция только политическое явление, характеризующееся своей разрушительной стороной и поэтому понимаемое как насилие. «Товарищ Мао Цзэ-дун,—писал журнал «Хунци»,—постоянно учит, что без разрушения нет созидания. Поэтому прежде всего мы должны разрушать. Разрушение и есть революция и есть критика»¹³.

¹⁰ «Минь до», 1920, № 1, кн. 2.

¹¹ Го Шэнь-бо, Цзинь ушунянь чжунго сысян ши, Бэйпин, 1935, стр. 358.

¹² П. Н. Федосеев, Марксизм и волюнтаризм, М., 1968.

¹³ «Хунци», 1966, № 8.

Поскольку революция лишена для маоистов каких-либо закономерностей и представляет собой следствие волевого усилия доведенного до отчаяния народа, они видят возможность ее «организации», «подталкивания», «экспортирования» и т. д.

Однако влияние в Китае субъективной социологии и социал-дарвинизма выразилось не только в распространении волюнтаристических взглядов, и в частности теории насилия. С этим влиянием, очевидно, следует связывать и усиление в Китае чисто утилитаристского, прагматического подхода к политике в первой четверти XX века, подкрепленное заметным воздействием на китайскую интеллигенцию в начале 20-х годов американского прагматизма в связи с лекциями Дьюи и работами Ху Ши. Советский ученый А. Н. Леонтьев вскрыл связь, существующую между социал-дарвинизмом и прагматизмом. Он обратил внимание на то, что если сводить жизнь человека к цели выживания, как это делали позитивистские эволюционисты, начиная со Спенсера, то в качестве высшего основания поведения и познания человека следует признать его полезность. В результате этого успех становится критерием правильности человеческого поведения. Таким образом, механический перенос на уровень человека биологических взаимоотношений (что характерно для социал-дарвинизма) ведет к прагматизму¹⁴.

Констатируя сегодня наличие у маоистов политического прагматизма, мы вправе искать его истоки в субъективистской социологии и социал-дарвинизме. Исследователи маоизма¹⁵ показывают, что подход маоистов к практике и опыту имеет позитивистский характер, то есть может быть сведен в конечном счете к взглядам Конта и Спенсера. Позитивизм ставит практику, опыт на первое место, а мышление и теорию — на второе. Он обращается не к разуму, а к фактам практики, доказывает истинность не через логику, а через факт, перед которым он преклоняется.

Одна из причин теоретической беспомощности, бедности и вульгарности мысли в маоизме как раз и заключается в его пристрастии к эмпиризму. Это пристрастие приводит его, как отмечает Мори Нобусиге, в свою очередь к догматизму, поскольку бедность и неразвитость мысли компенсируются им готовыми формулами.

В этой связи интересно остановиться на отношении маоизма к научной теории вообще и научному мировоззрению в частности, поскольку это отношение во многом определяется, на наш взгляд, позитивистским отношением маоистов к действительности.

Давая определение подлинно научной марксистской теории, В. И. Ленин подчеркивал, что она «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе»¹⁶.

Соединяет ли в себе маоизм научность с революционностью, причем научность «строгую и высшую», а революционность пролетарскую? Конечно, нет. Что касается его «революционности», то о ней достаточно сказано в начале статьи. Маоизм никогда не обладал качествами пролетарской революционности.

¹⁴ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, М., 1961, стр. 341.

¹⁵ Мори Нобусигэ. Критика работ Мао Цзэ-дуна, Токио, 1967.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 341.

Теперь рассмотрим отношение маонизма к научности. Хорошо известно, что маонизм не только не опирается на последнее слово науки, но просто ее третирует. Маонисты абсолютизируют значение практики, в которой, как ни в чем другом, выражается сущность маонизма. Они отождествляют с ней науку и теорию. «Наша революционная практика является наукой, которая называется общественной или политической наукой»¹⁷, — утверждает Мао Цзэ-дун. Отсюда идет чванливо-пренебрежительное отношение маонистов к образованным людям вообще и теоретически подкованным марксистам в частности. Здесь, видимо, следует искать в конечном счете и ответ на вопрос, почему столь упрощается и обедняется вся система просвещения и образования в современном Китае.

Было время, когда маонисты скромно называли себя практиками и не помышляли о лаврах теоретиков. Они даже спрашивали, много ли в Китае есть людей, которые «создали теории, действительно достойные называться теориями, которые можно было бы считать научными, тщательно разработанными теориями, а не грубыми набросками»¹⁸. В начале 40-х годов сами маонисты рассматривали идеи Мао Цзэ-дуна всего-навсего лишь как соединение практики китайской революции с марксизмом-ленинизмом, то есть подчеркивали значимость практической деятельности Мао и совершенно опускали вопрос о теоретической научной ценности маонизма. И это было не случайно, ибо в то время никому и в голову не приходило, даже среди ближайших сторонников Мао Цзэ-дуна, рассматривать его взгляды как научную теорию и тем более как вклад в марксизм-ленинизм.

Правда, в 1940 году Мао Цзэ-дун выступил с работой «О новой демократии», претендовавшей на теоретическое осмысление проблем китайской революции. В ней с буржуазно-националистических позиций ревизовались важнейшие положения марксизма-ленинизма и курса КПК. Мао Цзэ-дун утверждал в этой работе, что диктатура пролетариата как форма политической власти при переходе от капитализма к социализму приемлема лишь для капиталистических стран. В Китае и в других полуколониальных и колониальных странах политическая власть, по мнению Мао, должна быть диктатурой нескольких «антиимпериалистических классов», включая национальную буржуазию. Поясняя свои взгляды на развитие экономических основ строя новой демократии, Мао Цзэ-дун прямо говорил, что задачей этого строя является создание условий «для свободного развития частного капитала». Таким образом, Мао, по существу, перечеркивал известное положение марксизма-ленинизма, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹⁹.

Таков был первый крупный «теоретический вклад» Мао в учение марксизма-ленинизма, названный маонистами «китайзированным марксизмом». Разумеется, что этот «вклад» в теорию марксизма-ленинизма китайские коммунисты принять не могли, и маонистам пришлось навязывать его партии в жестокой борьбе, известной под названием «чжэн фэн» («движение за исправление стиля работы»).

Мы не имеем возможности останавливаться здесь на других основных «теоретических» положениях и установках маонизма, которые также преподносятся маонистами как «вклад» в теорию марксизма-ленинизма,

¹⁷ «Диалектический материализм», Дальний, 1970, стр. 38.

¹⁸ Мао Цзэ-дун, Избр. произв., т. 4, М., 1953, стр. 62.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

таких, как «курс трех красных знамен» (1958 г.), тезис о существовании буржуазии и классовой борьбы при социализме (1962 г.), предложение о «генеральной линии международного коммунистического и рабочего движения» (1963 г.), установка о «борьбе мировой деревни против мирового города» (1965 г.) и т. д. Все эти «теоретические» положения и установки никакого отношения к рабочему классу, его интересам и пролетарской революционности не имеют. Их сущность такая же, как и первой «теоретической» работы Мао Цзэ-дуна, то есть в конечном счете буржуазно-националистическая. Само собой разумеется, что они глубоко враждебны марксизму-ленинизму и никоим образом сопоставимы с ним быть не могут. Разумеется, в сочинениях маоистов можно найти и правильные теоретические положения, но они большей частью представляют собой упрощенный, вульгаризированный пересказ известных марксистских формулировок, а то и просто прямое заимствование из работ советских философов.

Изучение истории маоизма показывает, что его «теоретические» установки и взгляды возникали и возникают главным образом как прикрытие, оправдание или подготовка определенных практических действий, связанных прежде всего с борьбой за влияние и власть в Китае или на международной арене.

Например, маоистские «теоретические» выступления и установки второй половины 50-х и первой половины 60-х годов (работа «О правильном разрешении противоречий внутри народа», положение о существовании буржуазии и классовой борьбы при социализме, тезис о раздвоении единого и т. п.) готовили и обосновывали антисоветский курс на международной арене и «культурную революцию» в Китае.

Никакого отношения к подлинно научной теории они не имели и, по существу, представляли собой наукообразную софистику, в которой немаловажная роль принадлежала «китайзированной диалектике» с ее надуманными и не существующими в жизни противоречиями.

Это приводит нас к заключению, что для маоистов теория не руководство к действию, как для марксистов-ленинцев, а средство для достижения своих целей, не имеющее принципиального значения. А раз так, маоистам любая теория годится, лишь бы она хорошо служила решению стоящих перед ними задач. Поэтому Мао рекомендует «впитывать в себя все то» (из иностранного), «что может нам сегодня пригодиться»²⁰, и марксизм-ленинизм рассматривает в качестве «стрелы», с помощью которой попадают в цель.

Таким образом, научная теория не имеет в маоизме самостоятельного значения, ее роль служебная. В маоизме всегда довлеет политическая цель, а не теория, и именно этой цели служат теоретические положения, установки и указания. Именно отсюда происходит эклектический, лоскутный характер взглядов и доктрин маоистов, их теоретическая всеядность. Именно поэтому маоизм не представляет собой и не может представлять какую-либо самостоятельную и целостную систему взглядов. Будучи порождением политического прагматизма, маоизм так же отличается от научных теорий, как небо — от земли. Совсем не случайно некоторые исследователи склонны видеть в идеях Мао скорее собрание плоских догм, содержание которых, по существу, не имеет значения, так как их наделяют мистическим смыслом, подобно религиозным догматам. В связи с этим он пытается паразитировать на марксизме-ленинизме, ибо, маскируясь под марксизм-ленинизм, он тем самым старается придать себе вид великой научной теории. Именно поэтому

²⁰ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 270.

маонизм также беспринципен. Маоистам ничего не стоит объявить себя, например, как это они сделали в 1955 году, приверженцами принципов мирного сосуществования, предать в 1960 году мирное сосуществование анафеме и причислить его сторонников к ревизионистам, а затем снова в 1970 году как ни в чем не бывало заявить о том, что они придерживаются принципов мирного сосуществования. И именно поэтому, наконец, он пронизан авантюризмом. Ведь его не сдерживают никакие теоретические соображения и тем более принципы. Если война между народами отвечает их великоханьским замыслам, маоисты готовы ее разжечь. Свое стремление к ней они уже теперь «теоретически» обосновывают тем, что без войн якобы невозможен скачок в развитии общества и что подготовка к войне ведется в Китае-де «в интересах освобождения человечества».

Научная теория развивается на основе научного мировоззрения, которое представляет собой целостную, стройную систему взглядов на окружающий человека мир. Научное мировоззрение дает людям правильное, объективное представление о природе, обществе и законах их развития, поскольку является диалектическим и материалистическим мировоззрением.

Имеет ли маонизм характер научного мировоззрения? Исследования советских ученых показывают, что маонизм основан на субъективном идеализме и псевдиалектике, он полностью игнорирует законы общественного развития и поэтому не может рассматриваться как научная система взглядов на мир. Будучи лишен научного мировоззрения, маонизм не имеет и соответствующего ему метода познания и преобразования действительности.

Отсутствие у маонизма научного мировоззрения и метода приводит его к неспособности конкретно-исторически анализировать мировое развитие, характер и перспективы мирового революционного процесса. В результате этого маонизм создает наукообразные, не связанные ни с каким теоретическим основанием концепции, в которых мировое развитие и революционный процесс предстают в искаженном виде. А поскольку эти концепции с их лишенными реального содержания «противоречиями» окружающего нас мира создаются с определенными прагматическими целями, то извращение ими действительности может быть сравнимо лишь с отражением в кривом зеркале.

Таким образом, сам маонизм не теория, а лишь видимость теории, или, точнее, «теоретизирование», как его метко назвал Ж. Э. Видаль. По своей природе он враждебен не только науке, но и мысли вообще (если таковая, разумеется, исходит не от «великого кормчего» или его ближайшего окружения). Именно это дало повод одному западному журналисту утверждать, что к маоистскому Китаю известный афоризм Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую» приложим лишь в форме «Я существую, следовательно, я не мыслю». Эти слова были сказаны еще до «культурной революции». Последняя подтвердила их справедливость. «Культурная революция» началась с погромов интеллигенции и истребления тех, кто сомневался в теоретической ценности маонизма или просто отваживался думать. Занемствуя чужие или создавая свои собственные взгляды, маонизм не может при этом подняться выше своей мелкобуржуазной социальной природы. Таким образом, он обречен постоянно оставаться в плену у прошлого, на теоретическом уровне, характерном для политической теории домарксистских времен. Утопичными и анахроничными поэтому являются представления маоистов о социализме, который они, по существу, отождествляют с военным или казарменным коммунизмом. Коммунистический идеал представляется

маонистам в виде военизированной, основанной на принуждении коммуны с бесплатным уравнильным снабжением ее членов питанием и одеждой, обязательным физическим трудом для всех, организацией общества по армейскому образцу, натуральной экономикой, примитивным бытом, неразвитостью и убожеством потребностей членов коммуны. Этот идеал, по существу, являет собой воскрешение в XX веке крестьянского социализма тайпинов, пытавшихся осуществить в Китае более столет назад свою социальную утопию.

Маонизм фактически не поднялся даже до уровня того эклектического социализма, который господствовал в умах европейских рабочих в середине XIX века и в головах русских социалистов в 70-х годах. Взгляды Мао Цзэ-дуна и научный социализм разделяет целая пропасть, они ориентированы не на будущее и даже не на настоящее китайского общества, а на его прошлое, т. е. тянут общество назад, являются препятствием для его развития и поэтому представляют собой явление крайне реакционное.

Одна из особенностей маонизма состоит в том, что он находится в постоянном противоречии с действительностью. Его субъективно-социологический подход к окружающему не позволяет ему воссоздать правильную картину происходящего. В результате этого он оказывается оторванным от реальности и его теоретические построения лишаются объективного содержания. Маонизм предпринимает практические действия, исходя из искаженного представления об окружающем, и, естественно, терпит поражение за поражением, ибо опровергается жизнью. Именно в этом следует видеть одну из причин постоянного сопротивления маонизму в Китае и превращения сторонников маонизма в его противников.

Не может быть никакого сомнения в том, что утверждение в Китае в результате «культурной революции» маонизма в качестве единственной идеологии китайского народа означает, что китайское общество обречено на топтание на месте и постепенное движение назад, ибо маонизм — это антисоциалистическая, антинародная, реакционная платформа, обрекающая общество на застой и движение вспять.

Те, кто использует на Западе маонизм в антисоциалистических и антисоветских целях, разумеется, понимают, что выдать западному читателю его вульгарные софизмы за истинный марксизм — вещь трудная. Поэтому они обычно придают ему наукообразную форму (Россана Россанда, Блюмер, Дж. Робинсон и др.) и, бесстыдно фальсифицируя факты, преподносят западному обывателю в виде теории, которая «приобретает особую актуальность и станет драгоценным инструментом интерпретации»²¹ (Россана Россанда). Мы очень сомневаемся, что теория маонизма приобретет когда-либо «особую актуальность», но кое-кто уже поспешил ее сделать «драгоценным инструментом интерпретации».

Достаточно было маонистам бросить обвинение странам социализма, что они-де идут по капиталистическому пути, как оно было облечено сторонниками маонизма на Западе в следующую форму: «Если маонизм дал нам ключ к механизму, господствующему в переходном обществе, то только потому, что он видел, что капиталистический способ производства оставался там даже после уничтожения частной собственности на средства производства»²². Эта точка зрения маонизма тут же объявлялась марксистской: «В общем, он видел социалистические европейские обще-

²¹ Rossana Rossanda. Le marxisme de Mao, "Les temps modernes", № 293—294, XII.1970—I.1971, p. 1202—1234.

²² Там же.

ства по-марксистски. И в то же время он полностью понимает ленинское желание ниспровержения»²³. При этом, разумеется, давалось понять, что Ленину далеко до Мао, поскольку-де «Ленин творил в рамках отсталого капитализма», а метод и критика Мао «проявляются в социально передовой формации, в которой, несмотря на трудности историко-политических контекстов, мы находим сплетение производительных сил и механизма производства, сравнимое с тем, которое можно наблюдать в развитых капиталистических обществах и которое ставит похожие проблемы»²⁴. Короче говоря, экономическое и техническое развитие Китая поднимается до уровня современных капиталистических стран, с тем чтобы подвести европейского читателя к мысли, что маоизм якобы превосходит ленинизм и полностью отвечает потребностям классовой борьбы в современных капиталистических странах, т. е. может быть взят там на вооружение современным рабочим движением.

* * *

Как известно, уже Марксу и Энгельсу пришлось непосредственно столкнуться и вести борьбу с людьми, которые, будучи революционерами и называя себя социалистами, представляли по своим взглядам и методу вчерашний день в революции и социализме. Еще более напряженную борьбу пришлось вести с такими людьми Ленину, называвшему их «социалистами домарксистской эпохи».

В наши дни слова Ленина о «социалистах домарксистской эпохи» полностью приложимы к маонстам. Действительно, подобно социалистам домарксистской эпохи — бакунинцам, народникам, анархистам, «левым» коммунистам и другим непролетарским революционерам, — маонсты по своим социальным корням относятся к мелкой буржуазии. Но что особенно делает маонстов «социалистами домарксистской эпохи» — это их метод субъективных социологов, волюнтаризм, приверженность к «теории насилия», авантюристическая тактика. Однако сегодня не вторая половина XIX века и даже не первая половина XX. Это значит, что нынешние «социалисты домарксистской эпохи» особенно анахроничны. Они противостоят уже не только научному социализму в теории, а социализму, который стал реальностью, и это делает их взгляды и деятельность в высшей степени реакционными и абсурдными.

Несоответствие маонизма требованиям современности постоянно вскрывается жизнью. Именно поэтому он так упорно маскируется под марксизм-ленинизм, поспешно меняет установки и лозунги и оказывается вынужденным по иронии судьбы осуществлять на практике в интересах собственного спасения «теорию насилия». Но никакое насилие не в состоянии спасти то, что обречено. Маонизм принадлежит прошлому, которое неизбежно отступает в историю.

²³ Rossana Rossanda. Le marxisme de Mao, "Les Temps modernes", № 293—294, XII.1970 — I.1971, p. 1202—1234.

²⁴ Там же.

Китайская Народная Республика и Организация Объединенных Наций

К. Г. Кирлин

I

25 октября 1971 года Генеральная Ассамблея ООН восстановила законные права Китайской Народной Республики во всемирной международной организации. Этому событию предшествовала длительная и упорная борьба СССР, других социалистических стран, а также многих стран Азии и Африки, направленная на поддержку коренных интересов китайского народа.

Китай являлся одним из основателей и первоначальных членов Организации Объединенных Наций. Образование 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики и осуществление с этой даты Центральным народным правительством эффективной власти над территорией Китая означали в соответствии с международным правом, что именно это правительство, и только оно одно, правомочно представлять страну в международных отношениях (в том числе и в ООН).

В борьбе за отстаивание законных прав Китая в ООН позиция стран социализма была последовательной. Они прежде всего руководствовались принципами пролетарского интернационализма, исходили из норм международного права и необходимости строгого соблюдения Устава ООН.

С первых дней существования КНР делегации СССР, других социалистических стран на Генеральной Ассамблее и в Совете Безопасности ООН обращали внимание на грубую дискриминацию в отношении Китая, призывали к восстановлению его законных прав, выступали против любых неправомерных акций в отношении китайского острова Тайвань.

СССР, Польша, Чехословакия, УССР, БССР и Югославия (другие социалистические страны тогда еще не были членами ООН) энергично поддерживали обращение правительства КНР от 15 ноября 1949 года с требованием о лишении чанкайшистской делегации полномочий в ООН. 10 января 1950 года СССР внес в Совете Безопасности проект резолюции, в котором говорилось, что делегация Советского Союза поддерживает заявление правительства КНР от 8 января того же года о необходимости исключения чанкайшистов из Совета Безопасности и других органов ООН и восстановления в ней прав Китая.

Когда западные державы, и в первую очередь Англия и США, в попытках не допустить возвращения Китаю его законного места в ООН

изобрели пресловутую теорию «двух Китаев», а затем «одного Китая и одного Тайваня», Советский Союз, другие социалистические страны дали отповедь таким «теориям». «В природе не было и нет двух Китаев,— заявила советская делегация на XI сессии Генеральной Ассамблеи ООН 15 ноября 1956 года.— Имеется только один Китай — Китайская Народная Республика».

В ходе всех сессий Генеральной Ассамблеи, где обсуждался вопрос о представительстве Китая в ООН, позиция советской дипломатии, несмотря на известные зигзаги китайского руководства в отношении к ООН и к вопросу восстановления прав КНР в этой Организации, была твердой и последовательной. Каковы бы ни были наши отношения с китайским руководством, которые, как известно, не по вине советской стороны порой приобретали острый характер, Советский Союз, верный интернационалистическим принципам ленинской внешней политики, всегда исходил из того, что нельзя игнорировать китайский народ, что он должен быть представлен в Организации Объединенных Наций.

В 1970 году на XXV юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи Советский Союз и другие социалистические страны, отстаивая коренные интересы китайского народа, как и прежде, выступили за восстановление прав КНР в ООН. Принципиальная позиция социалистических государств по этому вопросу нашла свое отражение в документах состоявшегося в декабре 1970 года Совещания руководителей братских партий и правительств государств — участников Варшавского Договора. В Заявлении Совещания в связи с обострением обстановки в районе Индокитая говорилось, что одним из проявлений нагнетания США напряженности на Дальнем Востоке является то обстоятельство, что США «вновь воспрепятствовали восстановлению законных прав Китайской Народной Республики в ООН».

И на последней, XXVI сессии Генеральной Ассамблеи позиция СССР, социалистических стран оставалась той, которой они следовали все 22 года существования КНР. «Наша страна,— заявил на этой сессии министр иностранных дел СССР А. А. Громыко,— неизменно выступала и выступает против любых неправомерных акций в отношении китайского острова Тайвань, против лишения Китайской Народной Республики ее законных прав в Организации Объединенных Наций, против концепции «двух Китаев» или любых концепций «двойного представительства Китая». Это — наша принципиальная позиция»¹.

II

Мировая реакция во главе с США пыталась после победы китайской народной революции затормозить и сорвать строительство новой жизни в Китае, проводила политику его изоляции на международной арене. Не последнее место в этих попытках занимал вопрос о признании КНР, о восстановлении ее законных прав в Организации Объединенных Наций и в других международных организациях.

Правящие круги США с самого начала заняли в отношении КНР враждебную позицию, применяли политический и экономический бойкот, активно пытались заставить другие капиталистические страны следовать этой позиции, оказывали всестороннюю поддержку чанкайшистскому режиму на острове Тайвань. Правительство США отказалось принять предложение правительства КНР об установлении дипломатических отношений, которое было сделано в письме Чжоу Энь-лая на имя

¹ «Правда», 29.IX.1971.

генерального консула США в Пекине. 12 октября 1949 года государственный секретарь США изложил условия, на которых США могли бы признать Китай: КНР принимает на себя обязательства по всем кабальным договорам, которые США заключили с правительством Чан Кай-ши².

Враждебная китайскому народу политика правительства США нашла свое отражение и в позиции последнего в вопросе о восстановлении прав КНР в ООН. США организовали фронт борьбы против допуска Китая в Организацию, опираясь на своих партнеров по агрессивным военно-политическим блокам в Европе и Азии, а также на латиноамериканские республики и другие государства, особенно тесно связанные с США в экономическом и политическом отношениях. США и эта группа государств прибегли к тактике непризнания КНР и отрицания ее прав в ООН.

Позиция американского правительства была четко сформулирована в выступлении главы делегации США в Совете Безопасности 12 января 1950 года при обсуждении советского проекта резолюции, призывавшего не признавать полномочий чанкайшистского представителя³. Американский делегат заявил тогда: «Правительство США признает в качестве китайского правительства то правительство, которое делегировало г-на Цзяна в Совет Безопасности. Представляемое мною правительство считает поэтому, что полномочия г-на Цзяна сохраняют свою силу, и оно будет голосовать против проекта резолюции Советского Союза»⁴.

В период с VII по XV сессию Генеральной Ассамблеи (1952—1960 гг.) США удавалось добиваться того, что на пленарных заседаниях Ассамблеи принималось американское предложение не рассматривать вопрос о представительстве Китая в ООН в течение каждой текущей сессии и не допускать, чтобы ставилось на голосование предложение о восстановлении законных прав КНР в этой международной организации.

На XVI сессии Генеральной Ассамблеи (1961 г.) США оказались бессильны помешать включению в повестку дня сессии вопроса о представительстве КНР в ООН. Изменив тактику, делегация США при поддержке своих союзников провела резолюцию, по которой решение вопроса об изменении представительства Китая в Организации требует не простого, а «квалифицированного» большинства голосов, то есть не менее двух третей голосов присутствующих и участвующих в голосовании членов Генеральной Ассамблеи.

Подобные резолюции одобрялись до XXV сессии Генеральной Ассамблеи включительно. Но уже на XXV сессии (1970 г.) американский представитель возражал не против допуска КНР в ООН, а против того, что восстановление ее прав должно произойти за счет исключения из Организации чанкайшистов. Такое заявление представителя США было связано как с наметившимся изменением в китайско-американских отношениях (которое шло форсированными темпами с весны 1969 года, то есть с момента провокаций китайских властей на советско-китайской границе), так и с политикой Пекина в целом.

По мере эскалации антисоветизма китайского руководства правящие круги империалистических стран, США далеко не в последнюю очередь, все больше шли на развитие отношений с КНР, стали выступать за «приобщение» Китая к «мировому сообществу», преследуя при

² См.: «Нью-Йорк таймс», 13.X.1949.

³ См.: «Ежегодник ООН», Нью-Йорк, 1950, стр. 421.

⁴ «Международная жизнь», 1956, № 10, стр. 29.

этом, конечно, собственные цели, отнюдь не совпадающие с коренными интересами китайского народа.

И наконец, в 1971 году на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи впервые за 22 года существования КНР США выступили за ее допуск в ООН. Американская делегация внесла на рассмотрение XXVI сессии Генеральной Ассамблеи два проекта резолюции: один — о так называемом «важном вопросе», считающем, что для изгнания чанкайшистского представителя потребуется две трети голосов, и другой — о так называемом «двойном представительстве», в котором подтверждается представительство КНР одновременно с «дальнейшим представительством» режима Чан Кай-ши. Но и эта попытка протащить идею «двойного представительства Китая» провалилась, так как подавляющее большинство членов ООН проголосовало за восстановление законных прав КНР.

III

Позиция правительства КНР — с момента ее образования — по вопросу о членстве Китая в ООН заключалась в том, что основной предпосылкой для восстановления его законных прав в Организации является исключение оттуда чанкайшистов. КНР выступала против любых иных способов решения этого вопроса, в том числе против идей создания «двух Китаев», «одного Китая и одного Тайваня» и т. д.

15 ноября 1949 года министр иностранных дел КНР информировал Генерального секретаря ООН, что Центральное народное правительство в основном освободило страну и завоевало поддержку китайского народа, а реакционное правительство развалилось и потеряло основания де-факто и де-юре представлять Китай. В тот же день китайское правительство сообщило председателю IV сессии Генеральной Ассамблеи, что оно отказывается признать за делегацией клики Чан Кай-ши право представлять китайский народ. 8 января 1950 года в телеграмме Генеральному секретарю ООН, председателю Генеральной Ассамблеи и правительствам стран — членов Совета Безопасности министр иностранных дел КНР настаивал на исключении чанкайшистов из Совета Безопасности и других органов ООН, на восстановлении прав Китая в Организации Объединенных Наций. В речи на Женевском совещании по Индокитаю 22 мая 1954 года Чжоу Энь-лай следующим образом очертил комплекс вопросов, связанных с отношениями между Китаем и ООН: «...вопрос заключается не в том, что КНР требует вступления в ООН, а в том, что КНР лишена законного права на участие в ООН. В связи с этим законное место КНР в ООН должно быть восстановлено»⁵.

В первое десятилетие существования КНР ее принципиальная позиция по вопросу о восстановлении законных прав Китая в ООН в целом не менялась, хотя к концу этого периода правительство страны стало проявлять меньше интереса к данной проблеме.

В середине же 60-х годов китайские официальные представители, критикуя деятельность ООН, стали делать упор на том, что КНР не вступит в нее, даже если допуск ее в эту организацию будет одобрен⁶. В связи с выходом Индонезии из ООН (после приема в ООН Малайзии) Пекин выступил с призывом к реорганизации последней. Чжоу Энь-лай заявил в январе 1965 года: «...контролируемая американским империализмом ООН не является чем-то священным и неприкосновенным. Можно

⁵ «Новое время», 1954, № 22, приложение, стр. 4.

⁶ Заявление Чжоу Энь-лая представителю индонезийского агентства АНТА-РА («Нью-Йорк таймс», 1.II.1965).

выступать против ООН, можно выходить из ООН и можно не вступать в ООН»⁷. Несколько позже Чжоу Энь-лай объявил о том, что «КНР больше не будет настаивать на приеме в ООН. Китай изучает вопрос о создании новой международной организации, прогрессивной и революционной по своему характеру»⁸.

Причина такого резкого поворота лежала в самой сути внешнеполитической стратегии маоистов, проявившейся особенно откровенно в канун и во время «культурной революции», а именно в утверждении политической гегемонии Китая в мире. Пекин хотел бы изменить сложившуюся систему международных отношений, захватить позиции для расширения своего влияния на мировой арене, повернуть развитие событий в благоприятном для себя направлении. Все, что не укладывалось в рамки пекинских представлений о том, каким должен быть мир, отбрасывалось или подвергалось нападкам.

Идею создания «новой, революционной ООН» Пекин активно пропагандировал в 1966—1967 годах. Обращаясь к представителям афро-азиатских стран в Пекине, Чжоу Энь-лай в июне 1967 года выдвинул новый тезис о том, что «ООН должна отказаться от своей политики с позиции силы и установить равноправие всех стран, больших и малых. ...Если эта цель не будет достигнута, то с каждым днем будет возрастать возможность создания новой революционной ООН»⁹. Китайское руководство ставило перед ООН одно требование за другим: «ООН должна исправить все свои ошибки, должна быть до конца реорганизована и преобразована». «Если ООН не будет реорганизована,— заявил министр иностранных дел КНР,— то появится необходимость создать новую ООН»¹⁰. В тот же период пекинские лидеры сформулировали новый, антисоветский по своему существу тезис, который стал одним из главных в китайской пропаганде по вопросу об ООН. Впервые его высказал министр иностранных дел КНР, который, выступая 29 сентября 1965 г. на пресс-конференции в Пекине, говорил: «ООН находится под контролем США и СССР. ООН превратилась в биржу, где США и СССР занимаются политическими сделками»¹¹.

Открыто враждебная позиция китайского правительства по отношению к деятельности ООН, экстремистский курс внешней политики КНР в период так называемой «культурной революции», демонстративно отрицательное отношение к предложениям, направленным на смягчение международной напряженности и одобренным подавляющим большинством государств — членом ООН, усилили международную изоляцию Китая и способствовали изменению позиции отдельных правительств по вопросу о восстановлении его прав в Организации. Это привело к ухудшению результатов голосования на XXI (1966 г.), XXII (1967 г.) и XXIII (1968 г.) сессиях ООН по вопросу о восстановлении в ней законных прав Китая, что видно из приводимой ниже таблицы (см. табл. на стр. 121).

Поставив после IX съезда КПК (апрель 1969 г.) цель — вывести из международной изоляции КНР, в которой она оказалась в результате «культурной революции», китайское руководство изменило свое отношение к вопросу восстановления ее прав в ООН.

После XXIII сессии Генеральной Ассамблеи (1968 г.) китайское правительство не стало делать упор на заведомо невыполнимые предварительные условия допуска их страны в ООН, которые усиливали пози-

⁷ «Жэньминь жибао», 24.I.1965 г.

⁸ Цит. по: «Нью-Йорк таймс», 25.IV. 1965 г.

⁹ «Жэньминь жибао», 26.VI.1967 г.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 5.X.1965 г.

¹¹ Там же.

Т а б л и ц а

Год	Сессия	За	Против	Воздерж.	Отсутств.
1965	XX	47	47	20	1
1966	XXI	46	57	17	1
1967	XXII	45	58	17	2
1968	XXIII	44	58	23	1

ции противников восстановления законных прав Китая в этой Организации (создать «новую, революционную ООН», требование о том, что ООН должна «исправить все свои ошибки» и подвергнуться «радикальной реорганизации»). Решения сессий ООН не подвергались, как это было ранее, резким нападкам в китайской прессе. Пекинское руководство, обеспокоенное падением престижа страны на международной арене, стремилось не допустить дальнейшего сокращения числа государств, выступающих за восстановление прав КНР в ООН или занимающих по этому вопросу выжидательную позицию. Однако в китайской пропаганде ООН по-прежнему расценивалась как «политическая биржа», на которой американский империализм и «советский ревизионизм» ведут игру в политику диктата и занимаются продажей интересов малых стран.

В 1970 году тон заявлений китайских официальных представителей в отношении ООН заметно изменился. Пекин впервые за последние годы стал выражать явное желание восстановить права КНР в ООН, хотя прямо об этом и не заявлял. В выступлениях на приемах в честь различных иностранных делегаций, в совместных коммюнике и беседах с иностранными представителями и корреспондентами китайские руководители выражали представителям других стран благодарность за оказанное содействие в восстановлении прав Китая в ООН. Китайское руководство, по существу, сняло три из четырех выдвигавшихся ранее предварительных условий членства КНР в ООН (пересмотреть Устав ООН в целях выдворения «империалистических марионеток»; отменить резолюцию 1950 г. об объявлении КНР агрессором; принять новую резолюцию, которая клеймила бы США как агрессора в Корее). Осталось только одно требование — изгнать из ООН и всех ее органов представителей режима Чан Кай-ши. Вместе с тем китайская сторона стала развивать и широко пропагандировать тезис о «двух сверхдержавках», которые «используют ООН для агрессии, вмешательства и контроля над другими народами».

IV

Впервые проект резолюции о восстановлении законных прав КНР в ООН собрал простое большинство на XXV, юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи в 1970 году (51 голос — «за», «против» — 49 при 25 воздержавшихся). Однако результаты этого голосования были объявлены недействительными, так как накануне был принят американский проект процедурной резолюции, требующий для положительного решения вопроса «квалифицированного» большинства.

Положение кардинально изменилось на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. На пленарном заседании 25 октября 1971 г. проект резолюции, предложенный США и другими 19 странами, о том, что вопрос об исключении представителей режима Чан Кай-ши является «важным» и что для принятия по нему требуется большинство в две трети голосов, при голосовании не прошел. После этого глава делегации США выступил

с требованием, чтобы из проекта резолюции 23 социалистических и афро-азиатских стран о восстановлении прав КНР в ООН была изъята часть, предусматривающая изгнание из Организации представителей режима Чан Кай-ши. Но и это предложение было отклонено. Права КНР в ООН были восстановлены.

Разными были мотивы и причины голосования государств, поддержавших на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи резолюции о восстановлении прав Китая в ООН. Одни государства голосовали «за», ибо это была их последовательная позиция по защите законных интересов китайского народа; другие — предполагая, что участие в организации вовлечет КНР в систему международных обязательств и тем самым заставит Пекин осуществлять политику в соответствии с общепринятыми международными нормами; третьи — вынужденные в конце концов считаться с реальным 22-летним фактом существования КНР и с приходом ее в ООН — хотели бы использовать антисоветскую раскольническую политику пекинского руководства для ослабления антиимпериалистических, антивоенных сил в этой Организации.

Прогрессивная демократическая общественность различных стран выражала надежду, что приход КНР в ООН будет способствовать консолидации антиимпериалистических и антивоенных сил. Газета французских коммунистов «Юманите», приветствуя решение о восстановлении прав Китая, выразила пожелание, чтобы его деятельность в Организации отвечала стремлению народов земного шара к миру, независимости и разоружению. «Если это пожелание будет услышано в Пекине, — писала «Юманите», — сокрушительное поражение, нанесенное США, было бы продолжено во всех боях, ведущихся народами против агрессии за социализм»¹². «Вступление КНР в ООН, — отмечала ливийская газета «Ар-Ранд», — означает рост надежды на победу голосов мира и свободы над голосами войны и разрушения»¹³.

Одновременно раздавались голоса представителей различных политических кругов, которые, учитывая внешнюю политику Пекина в целом, не могли скрыть озабоченности тем, что деятельность китайской делегации в ООН может привести немало трудностей и осложнений. При этом указывалось на вероятность появления дополнительных барьеров на пути разоружения, решения ближневосточной и индокитайской проблем. «Можно опасаться, — говорилось в «Пари-жур», — что непримиримость Мао сделает еще более трудным урегулирование таких конфликтов, как во Вьетнаме и на Среднем Востоке»¹⁴. «Что в данном случае нас заботит, — писала ливийская «Аль-Хуррия», — так это влияние данного события (восстановления прав Китая в ООН. — К. К.) на арабский мир и возможные перспективы в отношении наших основополагающих проблем будущего арабо-израильского конфликта, а отсюда — и мира на Ближнем Востоке»¹⁵.

В комментариях и откликах иностранной печати по поводу восстановления прав Китая в ООН выражалось также беспокойство тем, что китайское руководство может дать повод для использования его позиций в ООН империалистическими кругами в целях, чуждых интересам мира, национальной независимости, социализму. «Основной целью американской политики сближения с КНР, — отмечала каирская газета «Аль-Ахбар», — является углубление или по крайней мере сохранение

¹² «Юманите», 27.X.1971 г.

¹³ «Ар-Ранд», 27.X.1971 г.

¹⁴ «Пари-жур», 27.X.1971 г.

¹⁵ «Аль-Хуррия», 27.X.1971 г.

раскола среди социалистических стран, который США используют в своей подрывной деятельности, направленной против национально-освободительных движений. Египетский народ внимательно следит за международной политикой Китая»¹⁶.

Как показали события последнего времени, империалисты считают для себя выгодным приход Китая в ООН. Расчет строится на использовании раскольнической, великодержавной политики Пекина, дающей империалистическим кругам широкий простор для разного рода дипломатических маневров в ущерб силам мира и социализма. В США хотя и раздавались в первое время недовольные голоса в связи с приходом «красного Китая», однако усиление антисоветизма в деятельности Пекина укрепило у американской реакции уверенность в возможности использовать китайских представителей в Организации против СССР. Известная своей постоянной враждебностью в отношении Советского Союза нью-йоркская газета «Дейли ньюс» 11 ноября 1971 года, в день прибытия в Организацию Объединенных Наций делегации КНР, писала: «Американская делегация должна натравливать красный Китай и Советскую Россию в Организации Объединенных Наций друг на друга при всякой возможности».

V

Китайское руководство с нескрываемым удовлетворением восприняло результаты голосования на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи по вопросу восстановления прав Китая в ООН. В своей пропаганде пекинские лидеры расценили это событие как «победу пролетарской революционной линии председателя Мао Цзэ-дуна». Однако в то же время, зная, что в мире еще не забыли недавнего зигзага правительства КНР в отношении к этой Организации, в Пекине пытались фарисейски утверждать, что пекинские лидеры сами-де не очень-то стремились к участию КНР в ООН, но раз народы мира так решили, то «мы не можем действовать наперекор желаниям народов всего мира...». «Раз большинство стран и народов мира приветствуют нас, с нашей стороны было бы не очень удобно ответить отказом»¹⁷.

Ссылаясь на то, что Китай «не очень хорошо» осведомлен об ООН и недостаточно хорошо знаком с ситуацией в ней, китайское руководство заявило, что в деятельности китайской делегации в ООН и в отношении КНР к самой Организации «нужна осторожность», «нельзя поступать необдуманно и поспешно». Такую позицию можно было бы приветствовать. Но уже первые официальные документы правительства КНР в связи с восстановлением прав Китая и выступления китайского представителя на Генеральной Ассамблее говорят, что пекинское руководство разговорами об «осторожности» в своей деятельности в Организации стремилось, по-видимому, обеспечить максимальный политический эффект от первого программного выступления в ООН. Речь представителя КНР с трибуны XXVI сессии Генеральной Ассамблеи с предельной ясностью раскрыла истинные замыслы Пекина в отношении ООН: постараться перечеркнуть всю прошлую деятельность Организации; показать, что лишь с приходом КНР начинается ее история; подчинить деятельность ООН своей великодержавной внеклассовой концепции «борьбы против монополии двух сверхдержав»; стать в ООН своего рода лидером молодых независимых стран Азии и Африки.

¹⁶ «Аль-Ахбар», 5.XI.1971 г.

¹⁷ «Асахи», 8.XI.1971 г.

В беседе с Эдгаром Сноу в декабре 1970 года Чжоу Энь-лай сделал многозначительное замечание о будущем ООН в связи с возможным положительным решением вопроса о восстановлении в ней прав Китая. «Было бы слишком рискованно предвидеть будущее Организации Объединенных Наций. В этом плане существует две возможности: первая, что произойдет изменение, и вторая, что ООН постигнет та же судьба, какая постигла Лигу Наций»¹⁸. В первом выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 15 ноября 1971 года глава делегации КНР Цяо Гуань-хуа заявил, что до прихода КНР в ООН «одна-две сверхдержавы, используя ООН, натворили множество дел, идущих вразрез с Уставом ООН и чаяниями народов различных стран. Такое положение не должно продолжаться в дальнейшем». «Пришло время изменить эту бесславную ситуацию, — утверждал Цяо Гуань-хуа 24 ноября. — Мы должны попытаться начать заново» (подчеркнуто автором)¹⁹. Претензии далеко идущие!

Пекин не скрывает своих замыслов использовать ООН для проведения линии, в основе которой лежит пресловутая концепция «борьбы против монополии двух сверхдержав», для утверждения Китая в качестве «третьей силы», противостоящей «двум сверхдержавам» с упором на противоборство с Советским Союзом, с другими социалистическими странами. Восстановление прав КНР в ООН китайское руководство представило в заявлении правительства КНР от 29 октября 1971 года как результат того, что «применяемая одной-двумя сверхдержавами беспардонная практика навязывания своей воли другим странам и осуществления своего контроля над ООН и международными делами все более теряет почву».

Китайских лидеров несколько не смущает, что одна из этих «сверхдержав» 22 года делала все, чтобы не допустить КНР в ООН, а другая в это же время твердо и последовательно отстаивала законные интересы китайского народа. 2 ноября 1971 года в комментарии, посвященном решению Генеральной Ассамблеи восстановить права КНР в ООН, «Жэньминь жибао» проводила мысль, будто приход КНР в Организацию «положит конец монополии двух сверхдержав». Подобные идеи проходили красной нитью через выступления китайских представителей на последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Как уже говорилось ранее, китайское руководство устами своего представителя в ООН сделало недвусмысленную заявку на роль лидеров «третьего мира». Пекин открыто отмежевывался от социалистического лагеря. «Китай, — заявил Цяо Гуань-хуа, — все еще является экономически отсталой страной и в то же время развивающейся страной. Китай, так же как и подавляющее большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки, относится к «третьему миру» (подчеркнуто автором)²⁰.

В кругах ООН это выступление представителя КНР называли «предвыборной речью на пост президента неприсоединившихся стран». «Правительство Пекина, — писала 17 ноября 1971 года итальянская «Коррьере делла сера», — хотело сразу же достигнуть цели, которую оно считает очень важной: выступить в роли защитника малых стран против господства «сверхдержав», стать выразителем мнений «третьего мира»...» «Китай, — отмечала 17 ноября 1971 года английская «Гардиан», — считает себя сейчас создателем и лидером «третьего мира» в борьбе против «гегемонии сверхдержав».

¹⁸ «Эпока», 13.XII.1970 г.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 15.XI.1971 г.

²⁰ Там же.

Китайские лидеры закрывают глаза на то, что молодые независимые страны являются весьма разнородными в социально-политическом отношении и что многие государства этой группы относятся к антинародным, контрреволюционным режимам. «Некласовый подход к современному миру, главной характерной чертой которого является борьба социализма и капитализма,— подчеркивала «Руде право» 18 ноября 1971 года,— был типичен для всей «премьеры» китайской делегации в ООН».

В первой же речи на Генеральной Ассамблее глава китайской делегации обещал развивающимся странам, силам национального освобождения широкую поддержку, «главным образом поддержку политическую и моральную»²¹. Но подобные заверения не были подкреплены практическими шагами китайской делегации в ООН. Весьма симптоматично, что представители КНР сочли возможным не участвовать в голосовании по вопросам претворения в жизнь Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Это было расценено в кругах ООН как проявление явной незаинтересованности лидеров Китая в скором решении данной проблемы.

Пренебрежение к пуждам национально-освободительной борьбы, а точнее говоря, ее предательство, фактическое совпадение позиций Пекина и американского империализма, ведущего борьбу против освободительных движений в Азии и Африке, особенно наглядно проявились в поведении китайской делегации при обсуждении в ООН вопроса об индо-пакистанском конфликте. Вместо того чтобы присоединиться к усилиям, направленным на урегулирование конфликта, на основе признания политических прав населения Бангладеш, маоцзедуновские представители использовали трибуну ООН для клеветы на СССР и Индию. Вместе с США они требовали лишь прекращения огня, отвергая все меры, которые вели бы к устранению причин конфликта, к политическому решению возникших на Индостане проблем.

Рассмотрение в ООН проблем, связанных с индо-пакистанским конфликтом, еще раз разоблечило лицемерие китайских лидеров, несостоятельность их позиций, основанных на конъюнктурных расчетах. Маонисты вкупе с США не смогли помочь военной верхушке Пакистана подавить освободительное движение Бангладеш, подорвать позиции Индии. Соотношение сил на международной арене оказалось в пользу справедливого урегулирования мира на Индостанском субконтиненте.

Претензии пекинского руководства на превращение Китая в лидера «третьего мира» неизбежно разоблачат его политическую линию, направленную на использование неприсоединившихся стран для осуществления своих великодержавных устремлений, в том числе и путем «смягчения» разногласий с США в ущерб интересам афро-азиатских народов.

Уже первое выступление китайского представителя на Генеральной Ассамблее 15 ноября 1971 года показало, что деятельность китайской делегации в ООН вряд ли будет носить конструктивный характер. Это подтверждается, в частности, позицией делегации КНР по вопросу о разоружении, и прежде всего по проблеме Всемирной конференции по разоружению, с инициативой созыва которой выступил СССР. Советская инициатива получила широкое одобрение уже в ходе общеполитической дискуссии в начале XXVI сессии Генеральной Ассамблеи. Абсолютное большинство выступавших в дискуссии по этому вопросу охарактеризовало советское предложение как чрезвычайно своевременное в связи с тревожным положением в мире, вызванным продолжением гонки вооружений.

²¹ «Жэньминь жибао», 16.XI.1971 г.

Выступление же китайских представителей прозвучало резким диссонансом. Вместо делового обсуждения сложных проблем разоружения делегация КНР продемонстрировала готовность сорвать решение этих проблем. Китайский представитель, так же как и делегация США, предложил не ставить на голосование на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН советский проект резолюции о созыве Всемирной конференции по разоружению. И это не случайно. Пекинское руководство, рассматривающее более чем семисотмиллионное население страны как главный фактор своей политики, главную силу превращения Китая в мирового гегемона, не хотело бы связывать себя обязательствами по ограничению производства даже обычного оружия. Заявления же о том, что Китай выступает за всеобщее запрещение и полный отказ от ядерного оружия, не подкрепляются конкретными делами, носят пропагандистский характер и не могут рассеять опасения в отношении возможных последствий ядерного соревнования, которое, по сути дела, рассматривается Пекином как само собой разумеющееся.

Позиция, с которой выступил Китай на последней сессии Генеральной Ассамблеи по вопросу о разоружении, явилась еще одним подтверждением того, что пекинское руководство выступает за «расползание» ядерного оружия. В опубликованном 4 октября 1971 года интервью премьера Госсовета КНР Чжоу Энь-лая корреспонденту тегеранской газеты «Этталаат» была высказана та точка зрения, что, чем больше будет «других атомных государств», тем лучше, тем, мол, быстрее можно... достичь соглашения о ядерном разоружении. Эту же точку зрения развивал, прикрывая ее демагогическими рассуждениями о «самозащите», и Цяо Гуань-хуа в своей речи на Генеральной Ассамблее 24 ноября 1971 года: «В отсутствие полного запрещения и полного уничтожения ядерного оружия нет возможности ожидать от других стран, которые подвергаются угрозам двух ядерных держав, не развивать ядерное оружие в целях самозащиты»²².

Действия китайских представителей в Организации в связи с обсуждением вопроса о созыве Всемирной конференции по разоружению еще раз показали, что китайские лидеры руководствуются лишь собственными великодержавными интересами и не намерены считаться с мнением государств — членов ООН. Выступив с заявлениями, что договоры о частичном запрещении ядерных испытаний и о нераспространении ядерного оружия «состряпаны двумя ядерными державами» и «представляют собой нечто целиком навязанное другим», делегаты КНР повели себя как менторы, поставив под сомнение способность государств, подписавших договоры, самостоятельно принимать решения по важнейшим вопросам международной политики. И свидетельством полного пренебрежения к решениям ООН, к воле большинства членов Организации прозвучало заявление Цяо Гуань-хуа о том, что «Китай не будет принимать участия в голосовании (по советскому проекту резолюции. — К. К.) и не примет на себя никакого обязательства в связи с результатом голосования»²³.

В итоге КНР оказалась, по существу, в безусловном меньшинстве. Китай и Албания были единственными государствами, проголосовавшими против резолюции Саудовской Аравии о прекращении всех ядерных испытаний, проекта резолюции Мексики об осуждении ядерных испытаний и прекращении их к определенному сроку, проекта резолюции Канады об ограничении подземных испытаний. Китайской делегации не уда-

²² «Жэньминь жибао», 27.XI.1971 г.

²³ Там же.

лось сорвать голосование по вопросу о Всемирной конференции по разоружению, и, чтобы не оказаться в полной изоляции, она была вынуждена, хотя и с оговорками, голосовать за проект резолюции о разворачивании подготовки к созыву такой конференции.

Как видно из комментариев иностранных обозревателей, китайские выступления по проблеме разоружения встречены с удовлетворением теми кругами в США, Англии, которые на протяжении 26 лет существования ООН противодействуют запрещению применения ядерного оружия, выступают против всеобщего и полного разоружения.

Большинство делегаций неприсоединившихся стран испытало чувство разочарования выступлением китайской делегации против проведения Всемирной конференции по разоружению, идея которой была ими поддержана. Китайское руководство показало, что оно игнорирует мнение малых и средних стран. Неудовлетворенность в странах «третьего мира» вызывается и тем, что китайская позиция не содержит ничего конструктивного, позитивного, что Китай вместе с США, Англией и Японией ведет линию на то, чтобы не допустить принятия Генеральной Ассамблеей определенного решения о созыве конференции, помешать достижению практических результатов в области разоружения, на что надеются как развивающиеся страны, так и некоторые страны Запада, заинтересованные в прекращении гонки вооружений.

Негативное отношение Пекина к вопросам разоружения привело к тому, что китайское руководство, постоянно подчеркивающее особую общность Китая и развивающихся стран, столкнулось в ООН с позициями этих стран, порой прямо противоположных пекинским. «По ряду основных мировых проблем,— писала, например, прогрессивная непальская газета «Самикша»,— таких, как распространение ядерного оружия, всеобщее и полное разоружение, неизбежность войны и мирное сосуществование, экспорт революции, точки зрения Непала и Китая являются прямо противоположными. При обсуждении и голосовании по этим вопросам Непал и Китай будут, безусловно, находиться в оппозиции друг к другу... Помимо этого, Непал не разделяет мнения Китая о том, что СССР и США относятся к одной и той же категории»²⁴.

Несомненно, что если Пекин будет придерживаться в ООН своих печально известных взглядов и по другим вопросам, то это приведет его к столкновению с позициями самых различных стран. Так, заявление Цяо Гуань-хуа по ближневосточной проблеме вызвало недовольство арабских стран, стоящих за политическое урегулирование на Ближнем Востоке. Отказ представителя КНР принять французское предложение об участии во встречах «четырёх держав» по вопросу о Ближнем Востоке был расценен французской прессой как начало новой фазы в международных отношениях, отмеченной не самыми надеждами, связанными с вступлением Китая в ООН, а вызывающей беспокойство программой, изложенной главой китайской делегации на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. «Орор» писала по этому поводу: «Китай представляется сегодня партией войны»²⁵.

При обсуждении ближневосточной проблемы делегация КНР вновь оказалась в одном стане с закоренелыми врагами национально-освободительного движения и свободы народов. КНР и США воздержались при голосовании проекта резолюции афро-азиатских стран, в которой подтверждалась недопустимость захвата территорий силой и подчеркива-

²⁴ «Самикша», 25.XI.1971 г.

²⁵ «Орор», 24.XI.1971 г.

лось, что установление мира на Ближнем Востоке немыслимо без полного вывода израильских войск с оккупированных территорий.

Деятельность китайской делегации в ООН еще раз наглядно продемонстрировала антисоветскую направленность политики Пекина. Усилия представителей КНР с первых же дней их появления в ООН были сосредоточены не на разоблачении агрессивной политики империалистических сил, а на раздувании антисоветизма. Антисоветизм пекинских представителей в сочетании с их противодействием конструктивным предложениям социалистических стран, других прогрессивных государств является практически попыткой вернуться к временам холодной войны, что на руку лишь силам империализма и колониализма.

Однако и нынешняя обстановка в ООН, и сам ход мирового развития со всей убедительностью свидетельствуют, что не обструкционистская позиция, а деловое сотрудничество, искренние усилия всех государств — членов ООН в интересах осуществления целей Устава ООН могут привести к повышению эффективности Организации и будут содействовать укреплению всеобщего мира, безопасности, решению проблем всеобщего и полного разоружения и ядерного разоружения, развитию дружбы и сотрудничества между народами. Рано или поздно китайским лидерам придется считаться с этим.

Из истории борьбы двух линий в литературе и искусстве КНР («Десять тезисов 1961 года»)

В. Ф. Волжанин

Изучение истории формирования и борьбы двух линий в развитии литературы и искусства КНР — маоистской, с одной стороны, и противостоящей ей, ориентирующейся на марксистскую эстетику, с другой — дает возможность проникнуть в суть явлений современной идеологической жизни Китая, уяснить как замыслы маоистов, так и причины, до сих пор препятствующие полному осуществлению этих замыслов.

Исследование этой проблемы уже начато. В книге М. И. Надеева «Культурная революция» и судьба китайской литературы» и в ряде других работ сделаны некоторые выводы и обобщения, в основном и сейчас представляющиеся справедливыми. Однако работа эта нелегкая и кропотливая. Ее затрудняет, с одной стороны, обилие (разумеется, относящихся к периоду до начала «культурной революции») открытых публикаций, не столько проясняющих, сколько затемняющих истинную картину борьбы двух линий в литературе и искусстве Китая, а с другой — отсутствие многих материалов «внутреннего пользования» (решений директивных органов, вы-

ступлений ответственных лиц и т. д.), в которых точки зрения высказывались более откровенно. В хунвэйбинских публикациях приводилось немало цитат из внутренних материалов, ценность которых для исследователя снижается тем, что они подобраны, как правило, крайне одной стороне и выхвачены из контекста.

Исключение представляет опубликованный в свое время газеткой «Хунвэйбин бао» и перепечатанный гонконгским журналом «Цзуго» (№ 67, октябрь 1969 г.) документ, озаглавленный «Мнение по вопросам работы в области литературы и искусства (исправленный проект)» и сокращенно именовавшийся «Десять тезисов по литературе и искусству». Имеются все основания не сомневаться в достоверности этого документа. Известно, что он был подготовлен летом 1961 года под руководством Чжоу Яна, Линь Мо-хана и других работников отдела пропаганды ЦК КПК (разогнанного и подвергнутого жесточайшей критике в ходе «культурной революции»). 1 августа 1961 года этот документ был разослан литературно-художественным организациям с пометкой «исправленный проект». В апреле 1962 года проект был официально утвержден партийно-государственным руководством. Фактически в течение года с лишним, до X пленума ЦК КПК, он оказывал влияние на литературно-художественную политику в стране.

Документ появился в момент, когда Китай испытывал серьезные экономические и политические трудности, связанные с провалом маоистской авантюры «большого скачка» и «народных коммун». Мао Цзэ-дун

был вынужден поступиться частью своей реальной власти. Вышедшие на авансцену деятельности — Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин и другие, начали, опираясь на партийный и государственный аппарат, осуществлять внутри страны более реалистическую политику «урегулирования». Отражением этого курса в области литературы и искусства и являются собираемые «Десять тезисов».

За год до разработки тезисов прошел долго откладывавшийся 3-й съезд работников литературы и искусства. Документы съезда, и в частности установочный доклад Чжоу Яна, в основном отражали маонистскую линию, утвердившуюся в ходе «борьбы с правыми» и особенно в период «большого скачка». В них восхвалялся «скачок», уже явно провалившийся, и «народные коммуны», уже дискредитированные¹. Много внимания было уделено выдвинутому от имени Мао Цзэ-дуна «методу сочетания революционного романтизма и революционного реализма», реалистическая и антисоветская направленность которого становилась все более очевидной. Много говорили о борьбе против ревизионизма в литературе и искусстве, фактически имея в виду прежде всего литературу и искусство Советского Союза. Явной печатью нигилизма был отмечен подход к проблеме классического наследия. Главной задачей работников литературы и искусства было признано не творчество, а так называемая «критика — преобразование».

Решения съезда формально оставались руководящим документом для выработки конкретной политики в области литературы и искусства на последующий период, несмотря

на изменение обстановки в стране. Это обстоятельство нашло отражение в «Десяти тезисах». В преамбуле к ним говорится, что «3-й Всекитайский съезд работников литературы и искусства, основываясь на обобщении десятилетнего опыта работы... четко определил дальнейший путь развития социалистической литературы и искусства». Но в чем состоит это «четкое определение», из документа не ясно. Говорится лишь об осуществлении курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ, отталкиваясь от старого, создавать новое», при этом подчеркивается, что он является «самым правильным, самым широким и творчески наиболее плодотворным путем развития социалистической литературы и искусства» в КНР. Но общеизвестно, что названный курс неоднократно претерпевал существенные метаморфозы, толкование его было весьма различным, так что ссылка на него без конкретной характеристики ничего не объясняет. Кроме того, встает вопрос: если съезд «четко определил» путь развития, зачем всего через год те же самые лица, что направляли работу съезда, сочли необходимым разработать новый документ о путях и методах развития китайской литературы и искусства?

Несомненно, что в изменившейся после вынужденного отступления маонистов политической атмосфере 1961 года руководители литературно-художественного фронта — по своей ли инициативе или по указанию сверху — решили предпринять фактическую ревизию многих установок съезда. Ревизия была прикрыта формальной ссылкой на съезд, что позволило, в частности, тем же руководителям «спасти лицо» и не прибегать к самокритике.

У нас нет возможности проникнуть в субъективные намерения Чжоу Яна и его окружения и определить, в каком случае они были более искренни. Сейчас маонисты утверждают, что все их «правильные» с маонистской точки зрения слова бы-

¹ Как утверждает хунвэйбинновская печать, Чжоу Ян и его окружение еще в конце 1959 г. собирались выступить против «левой» т. е. маонистской линии в литературе и искусстве. Однако, напуганные расправой над Пэн Дэ-хуаем и его сторонниками, они отложили свои контрреволюционные замыслы («Вэньсюэ чжэньбао», 1967, № 17—18, цит. по: «Цзугу», № 68, стр. 38).

ли лицемерием и обманом. Возможно, положение было сложнее.

До какого-то времени руководители литературно-художественного фронта могли следовать установкам Мао Цзэ-дуна в том виде, как они их понимали. Постепенно, по мере выявления подлинной сути этих установок, особенно в ходе «скачка», отношение к ним со стороны Чжоу Яна и других могло меняться. Они могли увидеть в широко пропагандирувавшемся тезисе о превосходстве непрофессионалов над профессионалами угрозу собственным позициям, а в судьбе так называемых «правых» — предвестие собственной судьбы.

В 1960 году на съезде они еще выступали по основным вопросам с промаонистских позиций. Через год после начала осуществления курса на «урегулирование» они сочли возможным по существу пересмотреть только что принятые решения, в определенной мере отступив от маонистской доктрины. Таково одно из допустимых объяснений линии поведения Чжоу Яна и его окружения. Другое, более простое, но и более поверхностное, состоит в том, что эти деятели вообще не имели своей точки зрения, а лишь усердно выполняли указания высших инстанций. В любом случае несомненным является то, что на их позицию оказывали влияние настроения широких кругов работников литературы и искусства, в большинстве своем хранивших верность принципам социалистической культуры.

Появлению «Десяти тезисов по литературе и искусству» предшествовала довольно длительная подготовка². В январе 1961 года Линь Мо-хань, второй работник отдела пропаганды ЦК КПК, провел от имени отдела шесть «обследовательских совещаний» работников кино, традиционного театра, драмтеатра, музыки, изобразительного искусства и литературно-художественных ре-

дакторов. Он призывал участников совещаний «отбросить колебания», говорить смело и откровенно и обещал от имени отдела ЦК, что высказывания участников совещаний не будут впоследствии использованы против них (как это было сделано в период «борьбы с правыми»). Видимо, эти призывы и обещания возымели действие. Один режиссер (газета не называет имени) высказал «крамольную» мысль о том, что неудача постановки того или иного спектакля не обязательно связана с мировоззрением постановщика. А некоторые музыканты пошли еще дальше и стали «пропагандировать советский опыт руководства искусством через общественные организации».

В феврале Чжоу Ян дал указание ответственным сотрудникам организаций, ведающих литературой и искусством, поехать на места, познакомиться с обстановкой, узнать настроения творческих работников. Сам он поехал в Шанхай, где за неполных десять дней провел более двадцати совещаний с местными деятелями.

В марте главный редактор «Вэнь бао» Чжан Гуан-нянь по поручению и под непосредственным руководством Чжоу Яна и Линь Мо-ханя написал статью «Проблемы тематики». Статья эта появилась в апрельском номере журнала и была позднее квалифицирована маонистами как «первая ядовитая стрела за период трехлетних стихийных бедствий» (т. е. катастрофических последствий «скачка»). Главным в статье был призыв к многообразию сюжетов и тем, к привлечению в литературу талантливых людей. Призыв этот воспринимался как несогласие с официальной политикой ограничения круга тем «жизнью рабочих, крестьян и солдат» (в маонистской интерпретации этого тезиса), как признание того, что нажим и гонения на интеллигенцию в период «борьбы с правыми и «скачка» отпугнули от творческой работы многих способных людей.

² О ней рассказано в указанной статье газеты «Вэньсюэ чжапбао».

В мае видные работники литературно-художественных организаций Юань Шуй-по, Цай Жо-хун и И Бин подготовили первоначальный проект «Десяти тезисов». Он был обсужден на состоявшемся в конце июня — начале июля Всекитайском рабочем совещании по литературе и искусству. На этом совещании Чжоу Ян сделал два доклада, направленных против левацкого уклона. Он убеждал собравшихся «высвободить мысль, не бояться обвинений в правом уклоне», утверждал, что в Китае ревизионизм не является главной опасностью.

После совещания проект подвергся исправлению — насколько можно понять, в сторону смягчения фактической антимаоистской направленности некоторых формулировок. Так, если в первом варианте говорилось о «сектантстве» в руководстве литературой и искусством (т. е. о том, что маоистская фракция подавляет всех несогласных), то в исправленном тексте речь идет только о «бюрократизме». Как уже говорилось, 1 августа исправленный вариант был разослан соответствующим пропагандистским и творческим организациям. О его последующей участи будет рассказано в заключительной части статьи. Сейчас же обратимся к самому документу.

Он начинается, как и любая китайская публикация того времени, с констатации достижений. «Успехи, достигнутые литературой и искусством, исключительно велики, их воздействие огромно». «Появилось много замечательных произведений, получили дальнейшее развитие традиции национального наследия, быстро растут молодые силы, укрепилось руководящее положение партии в сфере литературы и искусства».

Затем следует перечисление недостатков и нерешенных проблем. «Идейный и художественный уровень литературно-художественного творчества еще не отвечает чаяниям народа. Не создана обстановка свободного творческого соревнования и свободного обсуждения во-

просов». «Имеют место произвольное администрирование, упрощенчество и грубое оханвание. Если эти недостатки не будут устранены, они могут помешать здоровому развитию социалистической литературы и искусства, привести к обеднению творчества и снижению качества произведений». Здесь же в общей форме намечен путь избавления от этих недостатков: последовательное осуществление «курса в области литературы и искусства, разработанного ЦК партии и Мао Цзэ-дуном», укрепление связей с массами, усиление сплочения между партийными и беспартийными художниками, приведение в действие всех активных факторов.

Общие положения, содержащиеся в преамбуле, вряд ли могли привлечь к себе особое внимание. Хотя вопрос о недостатках в руководстве творческой деятельностью здесь поставлен более остро, чем на 3-м съезде работников литературы и искусства, острота эта смягчилась ссылкой на «некоторых товарищей» и «отдельные явления». Значительно больший интерес представляет основная часть документа — сами «Десять тезисов», которые будут разобраны нами в той же последовательности, в какой они изложены в оригинале.

1. О правильном понимании взаимосвязи между политикой и искусством. Авторы тезисов отмечают: «Революционные литература и искусство должны служить революционной политике. Литература и искусство, подчиняясь политике, в свою очередь оказывают огромное воздействие на политику. Мы всегда вели борьбу против тенденций, связанных с пренебрежением к политике, с отрывом от политики». Однако основное внимание здесь сосредоточивается не на этих давно выясненных в марксистской эстетике положениях, а на критике «ограниченного, одностороннего, неправильного подхода к вопросу о том, как литература и искусство должны служить политике». Такой подход, с точки зрения авто-

ров тезисов, препятствует повышению идейно-художественного уровня произведений, отрывает искусство от масс и в конечном счете мешает ему действительно служить политике.

Истоки узкого, упрощенного понимания вопроса о служении литературы и искусства политике в КНР заложены еще в яньаньских выступлениях Мао Цзэ-дуна (1942 г.). Выступая на I-м Всекитайском съезде работников литературы и искусства в 1949 году, Чжоу Ян говорил, что задачей литературы и искусства является отображение и пропаганда политических установок данного момента и что художник должен окунаться в жизнь, «чтобы лично вникать в осуществление этих установок», а не ради изучения самой действительности с ее проблемами и противоречиями. В середине 50-х годов наблюдался более широкий подход к этому вопросу. Казалось, не вызывало сомнений, что произведение искусства, если оно верно отображает тенденции общественного развития, служит интересам политики и в том случае, когда оно непосредственно не связано с текущими мероприятиями и установками. Однако в период «скачка» маоистское толкование роли искусства в общественной жизни вновь стало господствующим. Против него и направлены рассуждения авторов «Десяти тезисов».

Служение литературы и искусства политике они определяют как «служение коренным интересам пролетариата и трудового народа, делу социализма и коммунизма». Литература и искусство должны прежде всего содействовать воспитанию «высококультурного и высокосознательного строителя социализма», утверждению «духа патриотизма и интернационализма», а также «искоренению старых идей и старых представлений, оставшихся в наследство от прежнего общества». Следовательно, созидательные задачи в этом документе ставились на первый план, разрушительные — на второй, тогда как, согласно маоистской схе-

ме, нужно «сначала разрушить, а потом уже созидать».

Осуждая недооценку влияния мировоззрения художника на его творчество, «тезисы» объявляют неправильным «сводить все проблемы художественного творчества только к мировоззрению и тем более к политической платформе... недооценивать роль опыта, таланта и мастерства художника».

Таким образом, основное содержание первого пункта — утверждение специфики искусства, служащего политике своими особыми средствами, подчеркивание важности проникновения писателя и художника в действительность, овладения мастерством. Несомненно, этим указывался правильный путь борьбы против доминировавших в предшествовавшие годы вульгаризаторских, утилитарных тенденций, за создание литературы и искусства, достойных народа, строящего новое общество.

2. О многообразии тематики и форм в искусстве. Заявляя, что положение в данной сфере за последние годы изменилось к лучшему, авторы тезисов тем не менее отмечают: «Сталкиваясь с упрощенческими методами руководства и грубыми окриками критики, писатели и художники проявляют нерешительность, сомнения, а порой вовсе не решаются затрагивать те или иные темы, боятся сколько-нибудь серьезных экспериментов в области формы». Проблема многообразия сюжетов, форм, жанров и стилей, справедливо подчеркивают они, есть проблема отражения многогранной жизни народа, удовлетворения его многообразных запросов, выявления творческой индивидуальности художников.

Вслед за упомянутой выше статьей «Проблемы тематики» «тезисы» утверждают, что «успех или неудача художественного произведения, а также степень его воздействия отнюдь не определяются одной лишь темой. Гораздо более важными являются глубина отражения реальной жизни в произведении, глубина со-

державшихся в нем идей, его художественная сила».

Авторы «тезисов» выступают против стандартов, за многообразие творческих индивидуальностей и художественных школ. «Необходимо добиваться того, чтобы писатели и художники в своем творчестве сочетали бы дух революционного реализма с духом революционного романтизма». Здесь единственный раз во всем документе упоминается без какой-либо конкретизации «новаторский» метод, выдвинутый за три года до этого от имени Мао Цзэ-дуна и порядком дискредитировавший себя в период «скачка». Однако в дальнейших рассуждениях упор делается на уважение индивидуальных особенностей писателя или художественного течения, на взаимной терпимости представителей различных художественных школ, на необходимости развития традиционных видов искусства.

Важным в обстановке тех лет является тезис о «необходимости правильно относиться к индивидуальному и коллективному творчеству». Дело в том, что в период «скачка» был поднят большой шум по поводу преимуществ коллективного творчества перед индивидуальным, которое связывалось — порой намеками, порой в открытую — с индивидуализмом и вытекающими из него отрицательными последствиями.

Авторы «тезисов» подчеркивают: «Не следует смешивать индивидуальное творчество с индивидуализмом, со стремлением к личной славе и выгоде. Не следует также противопоставлять индивидуальное творчество коллективному. Писатель должен обладать духом коллективизма, однако было бы неправильно определять, является его мировоззрение индивидуалистическим или коллективистским в зависимости от того, индивидуально или коллективно он работает».

3. О повышении качества произведений и их общедоступности. Как известно, в яньаньских выступлениях Мао было заявлено, что перед

деятелями литературы и искусства освобожденных районов стоят две задачи — повышение уровня своих произведений и обеспечение их общедоступности. При этом было подчеркнуто, что «в настоящее время» (1942 г.) более важным является достижение общедоступности. С тех пор проблема качества и общедоступности неизменно была одним из центральных узлов литературных дебатов. Разумеется, никто не выступал против маоцзэдуновского положения, но время от времени раздавались голоса, вопрошавшие: не наступило ли уже время уделить должное внимание и повышению уровня творчества, заняться качественной стороной произведений? В 1956—1957 годах эта точка зрения если и не стала господствующей, то, во всяком случае, не объявлялась «ересью». Однако с началом «скачка» общедоступность, понимаемая как равенство на вкусы и уровень восприятия самой массовой — что в условиях Китая означает в первую очередь крестьянской — аудитории, вновь была поставлена на первое место.

Документ, при всех его оговорках, выдвигает на первый план повышение качества произведений, мотивируя это тем, что «действительно хороших и волнующих широкие массы читателей и зрителей произведений литературы и искусства у нас создается еще недостаточно».

«Мы выступаем против повышения уровня литературы и искусства с буржуазных позиций и в соответствии с буржуазными критериями, — говорится далее. — Но необходимо выступать и против такой ошибочной тенденции, которая характеризуется боязнью использовать и воспринимать культурное наследство... неверием в наличие у рабочего класса способности преобразовывать старую культуру. Этой тенденции присуща боязнь повышения уровня, превратное представление о стремлении к повышению уровня литературы и искусства как о проявлении буржуазной идеологии». Для

правильной оценки этого положения достаточно напомнить, что всего через пять лет одним из главных лозунгов «культурной революции» стало «уничтожение старой культуры» и что ярлык «буржуазных» был наклеен даже на произведения революционных писателей 30-х годов.

Основой повышения уровня творчества авторы документа считают знание писателями и художниками жизни, заботу об их идейном и художественном росте, напряженный творческий труд. Призывая усилить внимание к организации творческого процесса, авторы тезисов осуждают такие получившие широкое распространение методы, как назначение в приказном порядке авторов, определение им тем и сроков и поручения «ударных заданий». В противоположность установкам периода «скачка» они заявляют: «Конечно, неплохо, когда процесс творчества происходит быстро, но также допустимо, что автор в течение длительного времени совершенствует свое произведение. В том, что является созданием человеческого духа, определяющий фактор есть качество. В погоне за количеством и темпами нельзя допускать снижения качества художественного творчества».

Лишь после всех этих тезисов авторы коротко говорят о «дальнейшем обеспечении общедоступности литературы и искусства». При этом они избегают категорических формулировок, наставляя только на необходимости «постоянно учитывать запросы рабоче-крестьянских масс, считаться с тем, что вызывает у них интерес и любовь».

Далее речь идет о весьма важном в условиях Китая вопросе — о самодеятельном творчестве масс и его взаимоотношениях с профессиональным искусством.

Маоистское руководство дважды в широких масштабах навязывало свою линию в этом вопросе — в период «скачка» и накануне «культурной революции». Суть этой линии состоит в противопоставлении само-

деятельного творчества профессиональному, в провозглашении примата первого над вторым. При этом маоисты прикрывались красиво звучащими фразами о неисчерпаемых творческих силах народа, но на самом деле исходили из своего постоянного недоверия к интеллигенции и из надежды использовать самодеятельность масс в своих политических целях.

«Тезисы» исходят из необходимости «слить воедино оба потока — профессиональное и самодеятельное искусство, — с тем чтобы они составляли один могучий лагерь социалистического искусства». При этом подчеркивается, что «профессиональные работники литературы и искусства, а также литературно-художественные организации должны активно руководить самодеятельным творчеством масс».

4. Отношение к художественному наследию и зарубежной культуре. Нет нужды говорить об особой важности этого вопроса в условиях Китая с его богатейшим и сложным по своему составу художественным наследием, а также длительной, продолжавшейся до конца XIX века изоляцией от других центров мировой культуры. Проблема эта дискутировалась с самого начала «литературной революции» (1919 г.), причем нередко высказывались ошибочные крайние точки зрения. Не могли внести ясности в нее и яньаньские выступления Мао Цзэ-дуна. Его рассуждения о необходимости заимствовать рациональное зерно и отбрасывать «шелуху» носили настолько общий характер, что на практике допускали самое различное толкование. В 1958—1960 годах весьма широкое распространение получала недооценка классического наследия и мировой прогрессивной культуры — тенденция, нашедшая свое законченное выражение в ходе «культурной революции».

В анализируемом документе говорится: «Мы выступаем против огульного осуждения произведений, составляющих классическое наследие».

и... против консерватизма в этом вопросе». То же относится и к зарубежной литературе и искусству: «Мы выступаем против огульного отрицания и против безоговорочного принятия иностранной культуры в целом». Однако здесь же подчеркивается: «В настоящее время основной ошибочной тенденцией все еще остается упрощенчество и отсутствие гибкости в подходе к национальному и зарубежному наследию».

Исходя из этой правильной, хотя и робко сформулированной, предпосылки, авторы тезисов выдвигают в качестве важной задачи социалистического культурного строительства широкую и серьезную работу по освоению литературно-художественного наследия и его популяризации.

Отметив, что «лучшие произведения литературы и искусства из нашего национального наследия продолжают оказывать положительное воспитательное воздействие на народные массы», авторы намечают широкую программу собирания и изучения классического наследия и фольклора.

Это свидетельствует о серьезном отношении авторов к проблеме овладения классическим наследием и его популяризации. Однако почти ничего из намеченного практически осуществить не удалось. «Культурная революция» объявила «вне закона» все классическое и традиционное искусство.

Об отношении к зарубежной культуре в документе говорится более коротко и в общих выражениях. Указывается на «необходимость продолжать работу по критическому восприятию зарубежной культуры, планомерно осуществлять перевод на китайский язык лучших зарубежных классических и современных произведений», изучать также и реакционные направления в литературе и искусстве. «Необходимо со всей серьезностью относиться к изучению художественного опыта Советского Союза и других братских со-

циалистических стран». Формулировка весьма сдержанная, но это и не удивительно, поскольку раскольнический, антисоветский курс пекинского руководства ярко проявился уже в 1960 году.

Далее в разделе говорится об усилении изучения культуры народов Азии, Африки и Латинской Америки, о планомерных постановках пьес иностранных авторов, об изучении всех зарубежных реалистических форм литературы и искусства. Цель всей этой работы — помочь народу глубже понять жизнь и борьбу в других странах и воспитывать его в духе интернационализма.

5. Об организации творческого процесса. Речь в этом разделе идет главным образом о рациональном планировании бюджета времени творческих работников. Важность постановки этого вопроса мотивируется тем, что писатели и художники перегружены общественной и иной работой, не связанной непосредственно с творчеством. Отдельно говорится об участии творческих работников в физическом труде, которое является, согласно маоистской доктрине, необходимым условием «идеологического перевоспитания» интеллигенции. В документе говорится, что «работники литературы и искусства должны принимать соответствующее участие в физическом труде и низовой работе», но обосновывается это не задачами «перевоспитания», а возможностью «более глубоко разобратся в мыслях и чувствах рабоче-крестьянских масс». Подчеркивается при этом, что вопрос о формах и сроках участия в физическом труде должен решаться конкретно для каждого творческого работника.

Предлагаемые авторами «тезисов» меры могли бы содействовать повышению творческой отдачи писателей и художников, их профессиональному росту. Нельзя не заметить, однако, что нечто подобное предлагалось и даже декларировалось в КНР и раньше, но очередная кампания или поворот в культурной по-

литике неизменно мешали осуществлению этих благих намерений. Так произошло и на сей раз.

6. О литературно-художественной критике. Положение дел на критическом фронте авторы документа представляют (и весьма справедливо) в довольно мрачных тонах. «У нас все еще имеется немало беспредметных, примитивных критических работ начетнического характера... Имеет место наклеивание порочащих ярлыков одним работникам литературы и искусства и безудержное, безосновательное захваливание других, что наносит серьезный ущерб развитию литературного и художественного творчества. Поэтому задачей является борьба за придание нашей критике подлинно научного, боевого, марксистско-ленинского характера».

Авторы выступают против широко распространенной тенденции сосредоточивать все внимание на оценке идейно-политической направленности произведения в ущерб анализу его художественной формы и используемых в нем выразительных средств. Они указывают на необходимость проводить четкое различие между враждебной тенденцией и невольными ошибками автора.

Развивая эти положения, авторы отмечают, что, хотя выработка правильного мировоззрения имеет «решающее значение для литературно-художественного творчества, последовательное и окончательное утверждение пролетарского мировоззрения требует длительных и настойчивых усилий». Ратуя за решение спорных вопросов путем свободной дискуссии, за предоставление людям возможности оставаться при своем мнении, авторы «тезисов» выступают против произвольного наклеивания таких ярлыков, как «ревизионистский», «антинародный» и т. п. Ясно, что все эти заявления были направлены на то, чтобы «успокоить» литераторов и художников, напуганных многочисленными и часто необоснованными политическими обвинениями, которые имели место

в период «борьбы с правыми» и так называемыми «ревизионистами».

7. О воспитании и подготовке новых творческих кадров. Главное в этом пункте — проблема «красных специалистов», возникшая в период «скачка». Как известно, тогда был выдвинут лозунг о том, что интеллигенты должны быть «и красными, и специалистами». При этом акцент делался на необходимости быть «красным», то есть верным последователем идей Мао и активным исполнителем его установок. Недостаток рвения или увлеченность своей профессиональной деятельностью вели к тому, что на людей навешивали ярлык «белого специалиста» и лишали политического доверия.

Авторы тезиса заявляют: «Мы должны добиваться, чтобы они (новые творческие кадры. — В. В.) были «и красными, и специалистами». Однако понятие «красный» они трактуют достаточно широко: «активная поддержка социализма, поддержка коммунистической партии, а также энергичная и самоотверженная борьба за дело социализма». Об идеях Мао не говорится ничего. Подчеркивая органическую связь между понятиями «красный» и «специалист», авторы далее пишут: «Мы должны решительно выступать против такой ошибочной тенденции, как отрыв от политики и невмешательство в политику. Однако не следует смешивать изучение и овладение профессиональными знаниями с невмешательством в политику, с аполитичностью и тем более не следует порицать тех людей, которые направляют свои усилия на углубленное изучение профессиональных знаний и утверждать при этом, что они идут по пути «белых специалистов». Нашему народу не нужны ни пустоголовые политики, ни пустоголовые литераторы, ни пустоголовые деятели искусства».

Трудно избавиться от мысли, что последняя фраза, выпадающая из спокойного и делового в целом тона документа, навеяна свежими вос-

поминаниями о безответственных начинаниях и беспочвенных прожектах некоторых «политиков», бездумных восхвалениях, которыми их осыпали иные литераторы и художники. Надо полагать, что и адресаты поняли «намек» и сделали соответствующие выводы в отношении авторов тезисов.

8. Моральное и материальное стимулирование творчества. Этот пункт является опять-таки реакцией на распространившееся в период «скачка» пренебрежительное отношение к принципу материальной заинтересованности, объявленному «буржуазным», и на увлечение коллективными формами творчества, часто приводившими к обезличке. Авторы подчеркивают, что необходимо уважать труд писателей и художников, поощрять их успехи, обязательно указывать имена конкретных авторов каждого произведения. Документ предлагает практиковать регулярное присуждение премий за лучшие работы, улучшать материальное и бытовое положение творческих работников.

9. О сплочении творческой интеллигенции. Авторы документа выдвигают задачу: теснее сплотить под руководством партии всех работников литературы и искусства Китая, стремящихся идти по социалистическому пути, привести в действие все активные факторы на благо социалистического строительства. Одновременно говорится о необходимости «создать самый широкий единый фронт с работниками литературы и искусства всех стран мира под знаменем борьбы против империализма, колониализма, под знаменем борьбы за мир во всем мире, за завоевание на свою сторону всего прогрессивного человечества». В этих целях предлагается усилить работу по культурному обмену с зарубежными странами и планомерно готовить соответствующие творческие кадры.

Нет нужды пояснять, в каком противоречии находились изложенные тезисы с несомненно уже вынашивавшимся курсом маоистов на «раз-

двоение единого» во внутреннем и международном планах, то есть на разжигание — под видом «классовой борьбы» — кампании преследования всех подозреваемых в инакомыслии, а также на раскольническую деятельность за пределами страны. Прошло совсем немного времени, и со страниц китайских изданий исчезли такие выражения, как «дружба между народами», «мир во всем мире», «курс на широкое сплочение». Их сменили призывы к «беспошадной борьбе» против мировой прогрессивной культуры, прежде всего против социалистической культуры страны Советов.

10. Об улучшении методов и стиля руководства. Важность этого вопроса в китайских условиях определяется уже тем, что он возникал во время всех идеологических кампаний 50-х годов, затрагивавших писателей (борьба против группы Ху Фэна, против правых и др.). Каждый раз «оппозиционеры» обвиняли руководство в сектантском подходе, администрировании, упрощенчестве и т. п., а официальное руководство отвечало обвинениями во фракционности, буржуазном индивидуализме, отказе от партийного руководства. На этот раз само руководство, оставшееся примерно в том же составе, что и в 50-е годы, сочло необходимым, по существу, согласиться с предъявлявшимися к нему претензиями.

«В последнее время в руководстве литературно-художественной работой стали усиливаться тенденции субъективизма, голого администрирования и сектантства; в работе руководящего персонала имеют место упрощенчество и отсутствие гибкости. Методы руководства стали недостаточно демократическими».

Пути устранения этих недостатков авторы видят прежде всего в более четком определении задач и функций партийного руководства. Основные задачи партийного руководства состоят, по их мнению, в осуществлении линии партии, в оказании необходимой идеологической помощи работникам литературы и искусства, в

содействии развертыванию их творческой активности.

Наконец, в документе говорится о необходимости строгого соблюдения принципов демократического централизма, о необходимости «вести борьбу против произвольного администрирования со стороны отдельных руководителей, против волюнтаристских решений. Это в особенности относится к вопросам литературно-художественного характера, решения по которым следует принимать путем свободного обсуждения и взаимных консультаций, а не приказным методом или путем подчинения меньшинства большинству». «Тезисы» заканчиваются призывом к работникам литературы и искусства «полностью отдать себя славному делу социалистической литературы и искусства, самоотверженно бороться за завершение строительства социализма и осуществление коммунистических идеалов».

* * *

Таково содержание «Десяти тезисов по литературе и искусству». Совершенно ясно, что основные положения этого документа противостоят или, во всяком случае, резко расходятся с маоистскими установками, столь наглядно проявившимися в 1958—1959 годах. Конечно, как уже говорилось, авторам документа можно предъявить немало обоснованных претензий. Так, например, они полностью обходят вопрос о методе социалистического реализма и очень мало говорят о его коренном требовании правдивого отображения действительности в ее революционном развитии. Слишком бегло и общо говорится о необходимости использовать достижения культуры Советского Союза и других социалистических стран. Есть в документе и другие слабости. Думается, что реальные условия 1961 года не позволяли высказаться более откровенно, даже если авторы и хотели этого. Несомненно, однако, что даже в таком виде «тезисы» вызвали раз-

дражение у правоверных маоистов. Несомненно также и то, что лишь политические и экономические трудности в стране, вызванные разрушительными последствиями «большого скачка» и других авантур, не позволяли им немедленно развернуть борьбу против «ереси» или хотя бы воспрепятствовать ее распространению.

Начиная с августа 1961 года, после того как исправленный вариант «тезисов» был разослан по соответствующим партийным комитетам, он был подвергнут широкому обсуждению в литературно-художественных организациях и культурных ведомствах. На основании «тезисов» были разработаны такие документы, как «32 пункта о работе в кино», «Положение о работе драматических театров», «Указания относительно традиционного театрального репертуара», «Доклад о содействии творческой работе писателей».

Как позднее писали хунвэйбинские газеты, во время обсуждения «тезисов» некоторые руководители Союза писателей делали «непродуктивные» заявления. Из этих газет мы узнаем, что Чжан Гуан-нянь выступал против кампаний по критике, в ходе которых в период «скачка» безвинно пострадало немало людей. Лю Бай-юй ратовал за уважительное отношение к крупнейшим писателям и художникам старшего поколения, много сделавшим для китайской культуры. При этом он назвал Мао Дуя, Ся Яня и Лао Шэ «живыми классиками», «национальным достоянием», а о знаменитом актере пекинской музыкальной драмы Ма Лян-ляне сказал, что его «неким заменить»³. Нелишне напомнить, что все эти деятели, как и сам Лю Бай-юй, в начале «культурной революции» подверглись гонениям и репрессиям.

В конце 1961 года, после подведения итогов обсуждения, «тезисы» были возвращены в отдел пропаганды ЦК, где по указаниям и при личном

³ «Цзыго», № 68, стр. 40.

участии Лу Дин-и были еще раз отредактированы. При этом «десять тезисов» были сведены к восьми. Этот окончательный текст, насколько мы знаем, открыто не публиковался. Известно лишь — опять-таки из хунвэйбинской прессы, — что некоторые формулировки были в нем смягчены по сравнению с изложенным выше вариантом. В апреле 1962 года этот текст был роздан делегатам Собрания народных председателей — деятелям от литературно-художественных кругов. Вслед за этим — точная дата не указывается — «тезисы» получили официальное одобрение ЦК КПК (по хунвэйбинской терминологии — «проштампованы черным штабом»).

Принятие «тезисов» в качестве программы дальнейшего развития литературы и искусства КНР совпало со временем значительного, хотя и не всегда отражавшегося в открытых публикациях, оживления в литературно-художественных кругах. На многочисленных совещаниях и конференциях, состоявшихся весной и летом 1962 года в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Даляне и других городах, немалое число видных писателей, артистов, художников и работников идеологического фронта выступали с весьма резкой критикой отдельных аспектов политики «трех знамен», требовали от литературы и искусства правдивого отображения реальных нужд и чаяний народа, протестовали против чрезмерных ограничений.

Размах и острота недовольства творческой интеллигенции не на шутку встревожили маоистское руководство, которое начало готовить отпор, приурочив его к намеченному на сентябрь 1962 года X пленуму ЦК КПК восьмого созыва. Этому объективно благоприятствовали определенные успехи в «урегулировании» последствий «большого скачка». Выступая на пленуме, Мао Цзэ-дун, прикрываясь «теорией» о продолжении ожесточенной классово-вой борьбы вплоть до построения коммунистического общества, при-

звал своих приверженцев к развертыванию наступления против «ревизионистов». Он недвусмысленно указал, что имеет в виду не в последнюю очередь и литературно-художественные круги, которые-де занимаются «контрреволюционной деятельностью при помощи романов». Еще более резкие нападки на творческую интеллигенцию содержались в нескольких его записках от 1963—1964 годов.

В обстановке все более усиливавшегося нажима на интеллигенцию после X пленума и развернувшейся с конца 1963 года волны борьбы против «ревизионизма» не могло быть и речи об осуществлении изложенных в этом документе принципов. Если в апреле 1963 года Чжоу Ян еще одобительно отзывался о «восьми тезисах», то в следующем году — после новых, еще более резких замечаний Мао по адресу художественной интеллигенции — ему и Линь Мо-ханю пришлось занять оборонительную позицию и говорить, что хотя в «тезисах» действительно была «ошибочная сторона», но она уже «исправлена» в практической работе.

Однако подобные признания уже запоздали. Группа Мао явно поставила крест на тех, кто до недавнего времени считался ее верными оруженосцами. И хотя Лу Дин-и, Чжоу Ян и их окружение формально оставались во главе ведомства культуры до 1966 года, фактически все более решающий вес приобретала группа Цзян Цин. «Культурная революция» поставила точку в этом вопросе.

С самого ее начала и по сей день «Десять (восемь) тезисов» неизменно фигурируют в маоистской печати как одно из ярчайших проявлений так называемой «контрреволюционной ревизионистской черной линии в литературе и искусстве», как одно из тяжелейших обвинений против Чжоу Яна и его помощников. Видное место занимают «тезисы» в установочной статье Яо Вэнь-юаня «О контрреволюционном двурушнике Чжоу Яне» (1967 г.). В чем толь-

ко не обвиняет он авторов «тезисов»: тут и проповедь «буржуазной либерализации», и «усердное описание прогнившей жизни буржуазии», и «теория классового примирения», и приукрашивание «отвратительной сущности разложившихся интеллигентов». Общий вывод Яо Вэнь-юаня таков: «Их («тезисов») суть состояла в том, чтобы отвергнуть линию Мао Цзэ-дуна в области литературы и искусства».

Еще более подробной и, если это возможно, более ожесточенной критике подвергнуты «тезисы» в статье, опубликованной «Гуанмин жибао» 19 октября 1970 г. за подписью «группы Гуанси-Чжуанского автономного района по большой критике в литературе и искусстве». Статья озаглавлена «Окончательно разгромим общую программу контрреволюционной черной линии в литературе и искусстве. Критика «Десяти тезисов» по литературе и искусству, сфабрикованных Чжоу Яном и компанией».

По утверждению авторов статьи, в «тезисах» подытожен «весь опыт контрреволюционной деятельности в области литературы и искусства, накопленный контрреволюционной группировкой Чжоу Яна с 30-х по 60-е годы. Это всестороннее контрнаступление на «выступления (Мао Цзэ-дуна) в Яньани... острейшим своим направленное против пролетарской революционной линии председателя Мао в литературе и искусстве». В изображении группы по «большой критике» авторы «тезисов» призывали служить не рабочим, крестьянам и солдатам, а «буржуазии и пяти плохим элементам»⁴; призыв «не ограничивать тематику»

⁴ Имеются в виду помещики, кулаки, контрреволюционеры, уголовники и «правые буржуазные элементы».

объявлен пропагандой «антипартийной и антисоциалистической тематики»; тезис о «взаимном уважении» они истолковывают как проповедь классового сотрудничества; призыв к сплочению — как сколачивание контрреволюционных банд; воспитание талантливой молодежи, по их мнению, означает подготовку «особых отрядов по реставрации капитализма», а разговор о необходимости повышения мастерства квалифицируется как атака против пролетарской политики⁵.

Насколько «справедливы» эти обвинения, можно судить по изложению «тезисов», приведенному выше. Несомненно, однако, что с маонистской линией в том виде, как она выявилась в ходе «большого скачка», не говоря уже о «культурной революции», намеченная в «тезисах» линия действительно несовместима.

Как мы видели, бесперспективность маонистской линии, ее враждебность подлинным интересам китайского народа и принципам развития социалистической культуры на определенном этапе вынуждены были признать те деятели, которые в течение долгого времени выступали в качестве глашатаев этой линии.

Сейчас эти люди и их единомышленники репрессированы, задавлены, обречены на молчание. Но уже тот факт, что и сегодня, почти через пять лет после начала кампании против группы Чжоу Яна, все еще приходится метать против нее громы и молнии и запугивать «горстку» несогласных, доказывает, насколько глубоко в китайской интеллигенции недовольство осуществляемой ныне антимарксистской, грубо утилитарной, обскурантистской линией в литературе и искусстве.

⁵ См.: «Гуанмин жибао», 19.X.1970 г.

О некоторых тенденциях в развитии современной японской прозы

В. В. Логунова

кандидат филологических наук

60-е годы явились новым этапом в послевоенной истории Японии. На смену разрухе, бедствиям и потрясениям, вызванным войной и национальной катастрофой, к которой привели японский народ правящие круги страны, приходил период бурного экономического подъема. Япония быстро обрела черты, присущие высокоразвитым империалистическим странам.

Однако японская литература во многом еще жила конфликтами и противоречиями, вызванными войной и ее последствиями, привычно ориентируясь на формы общественных отношений, характерные для Японии предвоенного времени.

Между тем в окружающей действительности произошли большие перемены. Вместе с развитием научно-технической революции менялись условия существования людей. Многие трансформировались и в общественных отношениях. Аграрная реформа способствовала освобождению японской деревни от деспотии помещика, с арены политической жизни сошла старая японская военщина, прежде пользовавшаяся относительной самостоятельностью и

большим влиянием. Японская буржуазия впервые в истории становилась полновластным хозяином положения.

Перед литературой в Японии возник целый комплекс новых и сложных проблем, обусловленных самой природой развитого буржуазного общества, где, как верно отмечал югославский писатель Радован Зогович, «социальный антагонизм все больше выражается в своей внутренней, сущностной, а не внешней форме, к которой искусство уже привыкло... не столько во внешних контрастах повседневной экономической жизни, сколько в глубинной дезорганизации и слабости социально-экономической системы в целом»¹. Стало сложнее овладевать современным конфликтом, проникать в его суть. Прежнее видение мира уже не оправдывало себя, наступал период неизбежной смены традиционных образов, выработки новых изобразительных средств и приемов.

Японская литература сталкивалась при этом с дополнительными трудностями. Послевоенные преобразования сопровождались ломкой привычного уклада жизни, условий труда, устоявшихся форм социальной психологии, что порождало противоречивую картину жизни, причудливое переплетение старого и нового, средневекового и современного, традиционно восточного и сугубо западного.

Следует учитывать также огромное идеологическое воздействие на

¹ Радован Зогович, Литература в отношении к человеку и к себе самой. «Иностранная литература», 1971, № 3, стр. 203.

писателей средств «массовой информации». Так называемое «японское чудо» в полной мере использовалось в интересах монополий, для пропаганды силы и незыблемости буржуазного миропорядка, в связи с чем и в Японии получили широкое хождение западные мифы о «народном капитализме», «обществе равных возможностей», теория конвергенции и т. д., призванные завуалировать и исказить суть общественных отношений, господствующих в капиталистическом обществе.

Нельзя не учитывать также влияние событий в Китае, весьма осложнивших деятельность прогрессивных сил в Японии. Пресловутая «культурная революция» была использована правящими кругами для дискредитации самой идеи социализма. Одновременно усилились спекуляции в связи с критикой культа личности И. В. Сталина в СССР, предпринятые с единственной целью посеять недоверие к Советскому Союзу, раздуть настроения антисоветизма и антикоммунизма.

Распространение идей маонизма в левых кругах, особенно в период 1964—1965 годов, в немалой степени способствовало ослаблению единства в рядах демократических писателей Японии, усилил идейный разброд и размежевание в их среде.

В литературе укрепляются позиции авангардизма, сосредоточившего свое внимание на проблемах отчуждения личности. Этот вопрос не случайно обрел такую остроту в Японии 60-х годов, где развивался, как и на Западе, тот же процесс превращения людей в массу наемных работников, подчиненных воле и интересам монополий, в «безликих муравьев», в «экономических животных, отданных на потребу производства...»².

Исследуя болезненные явления в мышлении и психологии своих героев, порожденные последствиями отчуждения, обезличенности, нивелировки, измеления человеческих

характеров, авангардизм объективно отражал кризис буржуазных отношений, антигуманизм господствующей системы, низводящей человека до уровня «безликого муравья».

Однако, трактуя проблему отчуждения, авангардисты исходили из заведомо ложного взгляда на современное общество, игнорируя его классовый характер; оно представляло в их творчестве как некое «массовое общество», якобы состоящее из независимых друг от друга индивидуумов, пребывающих в атмосфере «всеобщей стагнации».

В сфере эстетической авангардизм обнаружил большую зависимость от внешних влияний, ориентируясь на художественные концепции таких западных писателей, как Сартр, Камю, Кафка. Одиночество, заброшенность, полный разрыв связей с обществом превратились в исходные условия всей эстетической системы авангардизма, что отразилось и на концепции человеческой личности, которая предстала в двух своих ипостасях: либо человек-жертва, либо бунтарь-индивидуалист, олицетворяющий грубую силу и ответственный только перед самим собой.

Поэтому, например, писатель Кэндзабуро Оэ не смог справиться с острой социальной темой в романе «Семнадцатилетний» (1961 г.), написанном по горячим следам гибели лидера японской Социалистической партии Асанума от руки подростка-террориста. Попытка истолковать действия героя в плане «свободного выбора» и «свободной воли» невольно привела его к возвеличению образа молодого фашиста, хотя объективно автор ставил перед собой цель разоблачения идеологии правых сил.

Уподобление человеческого бытия стихии сыпучих песков в романе Кобо Абэ «Женщина в песках» (1963 г.) приводит к утверждению мысли об относительности всех идей и представлений о современной жизни, а следовательно, к отрицанию социально-исторического, классового

² «Бунгэй сюндзю», 1971, № 3, стр. 134.

подхода к ее явлениям, и не случайно карта в руках героя, на которой были обозначены границы между друзьями и противниками, оказалась залитой чернилами. Вместе с тем образ песков обретает такой всеобъемлющий смысл в романе, что за ним теряются очертания реального мира, а это чревато опасностью «денационализации» искусства, и не случайно американский исследователь Моррис отмечает, что в романах Абэ «Женщина в песках», «Чужое лицо», «Сожженная карта» «почти не чувствуется ничего японского», что «японские традиции в них представлены крайне слабо»³.

Несомненно, следует учитывать критическую настроенность представителей авангардизма, верно оценивать то, что идет в их творчестве от жизни, но нельзя не видеть, что сам метод познания и отображения действительности мешает им выйти к реальности мира и современных конфликтов. Не потому ли, обращаясь к публицистическим жанрам и освобождаясь от постулатов экзистенциалистской эстетики, эти писатели оказываются куда ближе к жизни, свидетельство чему хотя бы «Записки о Хиросиме» (1964 г.), «Записки об Окинаве» (1966 г.) того же Кэндзабуро Оэ.

Альтернативой авангардизма явился традиционализм, связанный с общим оживлением реакционной идеологии в Японии 60-х годов. В который раз марксизм объявлялся доктриной, якобы искусственно привнесенной в Японию и совершенно неприменимой к структуре современного общества. Такая идея, например, проводилась в книге литературоведа Такэо Окуно «Возможна ли литература?» (1964 г.). Свободу слова вновь получают деятели культуры и науки, в прошлом скомпрометировавшие себя сотрудничеством с милитаризмом и фашизмом, среди них писатель Фуасо Хаяси, призывающий к реабилитации идеологии

милитаризма и объявляющий минувшую войну агрессивной лишь по форме.

В литературе эта линия была представлена в первую очередь писателем Юкио Мисима, год назад совершившим сенсационное самоубийство. Дух национализма был всегда присущ этому писателю, он проявлялся в его аристократическом взгляде на массы, в отрицании классовой борьбы. Разлад с действительностью по самым коренным проблемам исторического бытия народа сказался роковым образом на творчестве Мисима, талант которого метался между мистикой, эротикой, с одной стороны, банальностью и заурядностью — с другой. Его повесть «Шум прибоя» (1956 г.), обращенная к жизни рыбаков с маленького, затерянного в море японского острова, смело могла бы превратиться в произведение большого искусства в духе итальянского неореализма. Но этого не получилось. Главный герой повести — молодой, красивый рыбак — изображается человеком просто глупым от природы, зато он трудолюбив, честен, почтителен к старшим. Этих добродетелей оказалось вполне достаточно, чтобы быть счастливым. Немного покуражившись, местный богач отдает предпочтение бедняку и выдает за него замуж свою дочь. Таков тривиальный финал этой повести.

В обстановке 50-х годов писатель не осмеливался прямо высказывать свои взгляды. Роман «Красивая звезда» (1962 г.) был тем произведением, в котором пусть пока еще в иносказательной форме, прибегая к языку изощренного гротеска и фантазмагорических образов, Мисима уже сводил свои счеты с демократической Японией, сжигая ее в пламени атомного взрыва.

Идеология японского национализма нашла свое отражение в его трактате «О защите искусства» (1968 г.). Содержащаяся в нем критика современного общества не лишена рационального зерна. Писателю неавыгодно обывательская пошлость «об-

³ Комментарии и впечатления. Японская литература в системе мировой литературы, 1970, № 5, стр. 22 (на япон. яз.).

щества потребления», отсутствие идеалов, растущее разъединение людей. Он говорит о вырождении искусства, которое, потеряв образ цельного человека и имея дело лишь с его «осколком», обретает чисто развлекательные функции, внушая мысль о полном бессилии человека перед жизнью.

Вопрос, однако, заключался в том, как вернуть искусству красоту, гармонию, цельность. Ответ Мисима отнюдь не оригинален. Перед нами типичный пример критики капитализма «справа», отрицание общественного прогресса, презрение к демократическому движению масс, идеализация древности, призыв повернуть историю вспять, к «благословенным» временам абсолютистской монархии.

Японская культура в его понимании предстает как явление исключительное, к которому неприменимы общие закономерности; ее материнским лоном якобы всегда служила придворно-аристократическая среда во главе с императором, ее движение происходит в границах раз и навсегда выработанных эстетических принципов и канонов, ее миссия — выражать специфически японскую духовную субстанцию, присущую от века и до века японской нации.

Бредовую идею развития искусства на путях возрождения культа императора Мисима, как известно, пытался осуществить практически, обращаясь с призывом к войскам самообороны совершить государственный переворот в стране.

Характерна эволюция писателя Синтаро Исихара, который успел за эти годы превратиться из бунтаря-индивидуалиста, каким он выступал в романе «Солнечный сезон» (1956 г.), в депутата парламента от правящей либерально-демократической партии, стоящего на консервативных позициях.

Как представитель элиты, Исихара обнаруживает определенную общность взглядов с Юкио Мисима, его воодушевляют образы главарей фа-

шистского путча 1936 года, ему импонируют идеи возрождения культа смертников-камикадзе. Однако Исихара представляет интересы современных монополий и ратует за укрепление буржуазного миропорядка, делая ставку не столько на столичную молодежь, которая, по его мнению, слишком развращена, сколько на молодежь провинциальную, и, между прочим, на вышколенных, фанатически преданных своей организации молодых функционеров из религиозной организации «Сока-гаккай».

В романе «Вызов» (1960 г.) Синтаро Исихара уже предпринимал попытку искать выход из отчуждения на путях романтизации монополистического бизнеса. Закупка иранской нефти представала как акт бескорыстной помощи со стороны Японии слабой, разоряемой иностранными хищниками стране. Воодушевленный «гуманистической» идеей, герой романа, служащий одной из компаний, самоотверженно отдавался практической деятельности и в конце концов погибал во имя «дела». Роман не имел успеха, положительный герой явно обретал гротескные черты, но, по словам автора, он не собирался отказываться от попыток возродить в литературе дух возвышенного и героического.

Как свидетельствует пьеса Исихара «Записки Нобунага» (1971 г.), героическое в его понимании сводится к утверждению образа сверхчеловека, к оправданию любых злодеяний и массовых убийств, совершаемых по праву сильного. Такими чертами наделяется в пьесе образ исторического деятеля и полководца XVI века Ода Нобунага.

Японская критика справедливо расценила произведение Исихара как вызов демократии и гуманизму, задавая законный вопрос: «Если это не идеология фашизма, то что же?»⁴

⁴ «Минсю бунгаку», 1971, № 5, стр. 138.

За последние годы в Японии заметно возросло влияние религиозной литературы, издаваемой религиозными сектами, и в первую очередь такой организацией, как «Сока-гаккай» («Школа ценностей»), объединяющей несколько миллионов людей.

Уход в религию — свидетельство кризисного состояния общества, он является реакцией на обезличенность, отчуждение, попрание всех нравственных ценностей, столь характерных для нынешней капиталистической Японии. Умело приспособиваясь к запросам и настроениям современного японца, «Сока-гаккай» преследует чисто политические цели, внушая верующим мысль, что только с помощью буддизма секты Нитирэн (XIII в.) возможно изменить японское общество и, более того, выступить спасителями всего рода человеческого.

Эта мысль отчетливо звучит в многотомной эпопее «Человеческая революция» (своего рода «Житие святых» XX в.), принадлежащей перу главы «Сока-гаккай» Дайсаку Икэда. Его популярность среди определенных читательских кругов в немалой степени объясняется тем, что он не чуждается беллетристики, используя, в частности, приемы китийской литературы с ее конкретностью, занимательностью, проповедью нравственных начал.

За последнее время обнаружилась еще одна тенденция, непосредственно затрагивающая проблему отношений между Востоком и Западом. Она представлена в работах Ясухира Такэути, в частности в его статье «Об истоках современного романа. Образ и структура романа азиатского типа» (1970 г.).

Основная идея ее сводится к тому, чтобы представить Восток как особую духовную общность, опирающуюся на специфическую структуру мышления и психологии. Поэтому задача литературы — отражать то вечное и неизменное, что живет в подсознании всех народов Востока и не подвержено влияниям времени и истории.

Автор настроен резко отрицательно к классическому наследию Запада XIX века, заявляя, что под его влиянием японская литература якобы отклонилась от своего истинного предназначения как литература восточная. Из всех западных писателей исключение делается только для Кафки, метод которого предлагается перенести на почву восточных литератур. Что касается образной системы, то речь идет о распространении в творчестве Кафки образов-гибридов, параллели которым автор находит в буддизме, в частности в лице японской богини Бато-Каннон, изображаемой с лошадиной головой на человеческом теле.

Даже из приведенных выше примеров явствует, насколько сложна и противоречива картина развития современной японской литературы, где космополитизм соседствует с национализмом, каноны классицизма — с эстетикой экзистенциализма, богословие — с безнравственностью, где одни писатели жертвуют национальной самобытностью, подражая Западу, другие, наоборот, требуют полной изоляции от него.

* * *

Подлинное обновление искусства, как известно, зависит от глубины познания жизни, от проникновения в суть происходящих в ней социальных процессов и больших перемен во всех сферах общественного бытия. Сила реализма и заключается в том, что он идет навстречу современности, не абстрагируясь от конкретно-исторических условий, а исследуя и изучая их. Не будучи скованным предвзятыми схемами, реализм осуществляет всесторонний социальный поиск, доискиваясь до первопричин, обусловивших специфические черты человеческих характеров, мыслей, чувств, поступков и поведения людей.

Развитие реализма в литературе Японии 60-х годов имело свои особенности. Они сказались, в частности, в широком распространении очерковой литературы, представленной многообразными жанрами: это

репортажи с мест, актуальной темой которых становится проблема хищнического отношения капитализма к природе, загрязнение и отравление окружающей атмосферы; многочисленные путевые заметки и дневники, знакомящие читателя с жизнью страны и мира; это короткие рассказы людей о себе и о времени, волнующие человеческие документы, которые можно встретить в таких сборниках, как «Я и война» (1964 г.), «Женщины Окинавы» (1964 г.) и ряде других.

К документальной форме обращается прославленный мастер детектива, писатель, представляющий прогрессивную линию в т. н. «массовой литературе», Сэйтё Мацумото, создавший на протяжении 60-х годов политические романы «Глубоководное течение» и «Черное евангелие», очерки «О современной бюрократии», «В недрах истории эры Сёва»⁵. В этих произведениях социальные вопросы превалируют над художественными; как пишет сам автор, его интересуют не столько человеческие образы и типы, сколько сама «структура», т. е. структура современного общества, сфера высшей государственной власти, механизм ее деятельности. Писатель смело и последовательно разоблачает мифы, созданные вокруг «общества благоденствия», ставя читателя перед реальностью опасных планов японо-американских реакционных кругов. Если говорить о чисто литературной стороне дела, то пусть пока еще вчерне, на сыром материале, но в произведениях Мацумото уже вырисовываются контуры политического романа нового типа, очень сложной композиции и большой пространственной протяженности.

Документальная точность, публицистика проникают в художественную ткань романа Томодзи Абэ «Белый обелиск» (1965 г.), в котором нашли отражение «специфические

черты общественной атмосферы Японии 60-х годов с ее внешней обыденностью, скрывающей от глаз глубокие противоречия и острые конфликты. Нетрудно заметить, что нечто подобное стремился воссоздать и автор «Женщины в песках», обратившись к образу сыпучих песков. Принципиальная разница, однако, в том, что за покровом обыденности Томодзи Абэ обнаруживает реальный, исполненный драматизма процесс размежевания среди интеллигенции, трудные судьбы людей, сохраняющих способность смотреть в глаза исторической правде. Подлинным открытием является образ Кёскэ Тории, бывшего военного преступника, сменившего самурайские доспехи на костюм делового джентльмена и выжидающего своего часа, чтобы обнажить скрытый на груди стальной клинок.

Документальный характер носит повесть Хёсо Касавабара «Возвращение на родину Доскэ Токуяма» (1968), и не случайно автор порой сбивается на хроникальное жизнеописание. Но и здесь перед нами большое художественное открытие, а именно образ старого генерала, когда-то героя русско-японской войны, кавалера высших орденов воинской славы, баловня судьбы, ныне прозябающего в бедности, одиночестве и безвестности. Здесь угадываются судьбы определенной части военного сословия Японии, для которого не прошли даром трагические уроки истории. Поэтому такую значительность приобретают горькие раздумья старого генерала, мучительные воспоминания о напрасно пролитой солдатской крови и беспощадное осуждение своего жизненного пути.

На документальной основе построен роман Тацудзо Иенкава «Истерзанный пейзаж» (1964 г.), представляющий весьма удачную попытку воссоздать образ представителя современных монополий, своего рода японского Каупервуда второй половины XX века. В центре произведения — морально-нравственные проб-

⁵ По японскому летоисчислению эра Сёва начинается с 1926 г.

лемы, раскрываемые писателем на материале частной жизни героя и позволяющие обнаружить, насколько мельче, примитивнее магнат Кацухиро по сравнению со своим американским собратом, но и насколько опаснее становятся люди этого рода, мнящие себя «отцами нации». Им уже мало богатства, а нужна власть над людьми, над обществом.

«Истерзанный пейзаж», безусловное, хорошее начало, но японской литературе еще предстоит воссоздать почти не исследованную искусством историю японских монополий — дзайбацу, прошедших путь от средневековых ростовщиков до королей современного бизнеса, крепко держащих страну в своих руках.

Другой особенностью реализма 60-х годов следует считать появление ряда произведений автобиографического и мемуарного характера. Традиции лирической прозы богато представлены в японской литературе «повестью о себе». Однако сейчас имеет место нечто другое. В «повести о себе» личность противопоставляла себя обстоятельствам, среда представляла как серый, безликий, неподвижный мир, поэтическое было принадлежностью только внутренней духовной жизни героя. Сейчас наоборот. Если автор находит нужным обнажить себя перед читателем, то лишь с единственной целью — сделать его свидетелем и соучастником какого-то события, встречи с интересным человеком, вступить с ним в доверительную беседу о современной жизни и человеческих судьбах, и это доказывает, как остро стоит перед литературой проблема личности и общества.

Таков роман Тацудзо Исикава «Взаимообусловленный мир» (1967 г.), в котором писатель, обращаясь к фактам собственной биографии, раскрывает драматизм человеческих судеб, проистекающих из хаоса общественных отношений, когда, с одной стороны, растет отчуждение, разъединение и обособление людей друг от друга, с другой — усиливается взаимосвязь и взаимоза-

висимость между ними, обусловленные законами развития материальной жизни общества, самой системой разделения труда в условиях научно-технической революции.

Автобиографический характер носит и повесть Ясуси Иноуэ «Бабочки» (1968 г.), в которой также заметны приметы времени. В ней впечатляюще зарисованы быт и нравы японской деревни начала века, самобытны образы людей, среди которых проходит детство писателя. Правда, деревня несколько идеализирована и противопоставляется городу, но, видимо, город в понимании автора воплощает в себе черты современной цивилизации с ее цинизмом, культом вещей и всеобщей разъединенностью; как таковой, он противопоставляется миру естественного человека, опоэтизированному миру детства.

К примечательным явлениям литературы 60-х годов следует отнести мемуары «Печальная жизнь моей матери» (1967 г.) писателя Ёритика Арима, выходца из придворной аристократии.

Жизнь высших кругов японского общества довольно скупо отражена в литературе, тем большего внимания заслуживает этот человеческий документ, в котором автор на примере собственной семьи показывает, как под ударами истории рушатся «дворянские гнезда» — бастионы старой Японии, как жестоко расплачиваются люди за предрассудки своей среды. На скамье для военных преступников оказывается отец, в прошлом последователь Толстого, искренне мечтавший о лучшей доле для своего народа; отвергнута мужем и детьми мать — так бесконечно далека эта женщина от всего, что составляет мир простых человеческих интересов. И здесь судьей времени выступает авторская личность. В то время как одни писатели, цепляясь за старое, пытаются возродить то, что отвергнуто самой историей, этот представитель одного из самых древних и знатных родов Японии благословляет судьбу за то, что она научила

его зарабатывать кусок хлеба собственными руками, сделав его независимым от ненавистной среды привилегированных...

Сила реализма в том, что ему оказались доступны диалектика исторического процесса, глубокие перемены в жизни нации, вызванные научно-технической революцией, которая несет с собой не только отчуждение, но и освобождение людей от уз личной зависимости, разрушая остатки восточной неподвижности, зиждившейся на сохранении феодальных пережитков в общественных отношениях.

Пришли в движение крестьянская масса и многочисленные средние слои, волею истории вовлеченные в водоворот современной жизни, вынужденные действовать в изменившихся обстоятельствах, раскрывая особенности своих характеров, психологии, мышления. Перед литературой раскрылась возможность по-новому взглянуть на прошлое, увидеть в нем истоки тех больших сдвигов, которые происходят в самосознании японского народа.

Возвращаясь к действительности первых послевоенных месяцев, писательница Суэ Сумиэ в рассказе «Ветер с севера» (1967 г.) создает необычный для японской литературы образ крестьянской женщины-солдатки, вынужденной заменить кормильца, взять на себя непосильное бремя забот и труда. В этом источник ее самостоятельности и появления новых черт в характере рядовой крестьянки, начинающей осмысливать свое положение в обществе, освобождающейся от слепой веры и вековой покорности. Исторический опыт и становление личности — такова тема этого рассказа, в котором с глубокой психологической достоверностью раскрывается внутренний мир героини Минэ и ее мужа-солдата, возвращающегося из советского плена, людей, воплощающих в себе многие типические черты крестьян современной Японии.

Колоритен герой повести Савако Ариэси «Дважды рожденный»

(1969 г.), владелец собственного магазина, в прошлом подмастерье, потом солдат. Перед нами типичный образ «маленького человека», столь распространенный в мировой литературе, с той лишь разницей, что он вырос в косной, замкнутой атмосфере средних слоев Японии, во многом сохранивших устои средневекового цеха, и это, естественно, оставило свой след на его психологии. Трагикомический пафос произведения органически связан с особенностями восприятия героя, с необычностью параллелей и ассоциаций, к которым он прибегает, с наивно-простоудшной манерой, в которую он облачает рассказ о своей жизни, полной жестоких и трагических испытаний.

В то же время мы убеждаемся, как далеко непрост этот «маленький человек», как внутренне возмущал этот «маленький человек» в результате исторического опыта, пережитого японским народом.

В другом произведении писательницы Савако Ариэси, «Море ропшет» (1968 г.), многое напоминает повесть Юкио Мисима «Шум прибоя». И здесь перед нами маленький остров, отделенный от шумной столицы коварным и капризным морем, и здесь царит дух общности, артельности, естественный для немногочисленного населения, насчитывающего всего двести человек. Однако какая разница в самом подходе к жизненным явлениям! Живо, с юмором описывает автор, как меняется быт жителей «медвежьего уголка», которые, приобщаясь через телевидение и радио к городской жизни, стремятся перенять столичные нравы и обычаи. Чего стоит один современный язык, нередко представляющий невероятную смесь японского с английским; недаром старая Ооён, родоначальница этой большой семьи, способна запомнить лишь первоначальные слоги новых слов.

Мастерски даны в романе многочисленные жанровые сцены, и среди них возвращение на остров после долгой разлуки правнучки Ооён, парикмахерши из Токно, появление ко-

торой на палубе судна вызывает немое изумление окружающих, столь похожа она в своем наряде и в блестящих лакированных сапожках на супругу наследного принца, часто появляющуюся на экранах телевизора.

Однако автор счастливо избегает опасности свести свое повествование к противопоставлению города деревне, ставшему уже трафаретным в наши дни. Тема произведения куда более серьезная. Весть о том, что власти хотят отдать остров под полигон американских войск, нарушает мирную жизнь населения. Борьба за родную землю становится проверкой человеческих характеров, в ходе ее проявляются мужество и самоотверженность одних, эгоизм и холодный расчет других. Именно теперь окраина по-настоящему соединяется с жизнью страны, а быть может, целого мира.

Особенно интересен в романе образ старой Ооён. Порой она трогательно смешна в своей новой роли, необычно звучат в ее устах политические термины — «ремилитаризация», «договор безопасности», «мирная конституция», — которые она поначалу воспринимает как слова иностранцы. В ней еще жива вера в императора, который все поймет и рассудит, памятуя, какую ценную породу деревьев доставлял их остров на столичные торжества. Но ведь речь идет о земле ее предков, где прошла вся ее жизнь, поэтому, узнав о позиции коммунистов, она безоговорочно принимает их сторону. Цепкий крестьянский ум соединяет в единую цепь войну во Вьетнаме, о которой она и не подозревала до последнего времени, с будущим полигоном на их острове.

Перед нами предстает национальный характер, воплощающий в себе лучшие черты японского трудового народа. За образом Ооён возникает образ самой Японии, где всколыхнулись, пришли в движение глубинные слои народных масс, обогащая литературу неповторимым своеобразием человеческих характеров, под-

линно национальных и в то же время обнаруживающих черты сходства с определенными героями мировой литературы, и прежде всего советской. Поэтому при чтении романа невольно возникают ассоциации с «Поднятой целиной» Шолохова, а порой и с рассказами Шукшина о сибирской деревне.

В повести Ким Даль Су «Вада Дзюрото» (1964 г.) писатель словно бы приглашает нас познакомиться с его героем и поразмыслить, а что же представляет собой на самом деле этот чудак.

Действительно, в лице Вада перед нами, кажется, воскрешает образ бродячего самурая-ронина, пришедшего из средневековья в наш XX век, принеся с собой свои идеи и представления о справедливости, доблести и человеческом предназначении. Он искренне расположен к коммунистам, полагая, что именно они должны заниматься бесплатным обслуживанием населения, взяв на себя самые грязные виды работ, дабы таким образом завоевать доверие народа. И какой стоицизм проявляет этот человек, изо дня в день бесплатно ремонтирующий дорогу в надежде, что люди заметят его бескорыстный труд и выберут его в депутаты и вот тогда он докажет на собственном примере, что значит быть истинным слугой народа. Когда вопреки, казалось бы, всякой логике Вада добивается своей цели, автор уже готов принять его за самого настоящего ловкача и карьериста, однако на другой день после избрания он вновь застаёт депутата за ремонтом все той же дороги, рядом со стареньким велосипедом, на котором развеивается флажок со словами: «Вада Дзюрото — слуга народа».

Реализм в литературе 60-х годов японской литературы заметно укрепил свои позиции в исторической теме, которая приобретает весьма актуальное значение ныне, особенно в связи с празднованием столетнего юбилея революции Мэйдзи (1968 г.), явно обострилась борьба вокруг последних прошлого и наблюдаются

настойчивые попытки исказить его в духе, угодном японским монополиям, замалчивая роль народных масс, игнорируя материалистическую мысль и демократические, гуманистические традиции японской национальной культуры.

Прогрессивный лагерь дает свою интерпретацию столетней истории страны, развенчивая мифы об исключительности пути развития Японии, якобы не знавшей классовой розни, острых классовых противоречий.

Видимо, не случайно писатели проявляют интерес к периоду демократического движения «За народные права», развернувшегося после революции Мэйдзи, к поре надежд и идеалов, за которые мужественно сражались лучшие представители нации. Переключаясь с событиями того периода, наблюдается в романе Ёсиэ Хотта «Суд»⁶, из этой эпохи почерпнут писателем Тацукити Нисию материал в романе «Люди востока» (1967 г.).

Пожалуй, впервые в японской литературе предпринимается попытка воссоздать славную и героическую родословную рабочего класса Японии. Речь идет о романе Тосико Мацуда «Рассказы О-Рин» (1967 г.), обращенном к началу века. Раскрывая полузабытые страницы истории, страницы безмерных страданий и ужасающего бесправия простого люда, писательница позволяет с новой силой ощутить, как мучительно трудны были первые шаги освободительного движения, какое мужество проявляли борцы, осмелившиеся бросить вызов своим угнетателям. Богатый бытовыми зарисовками, оригинальный по языку, передающему особенности простонародной речи, роман свидетельствует об успешном развитии традиций пролетарской литературы Японии, о возросшем мастерстве писателей в сфере психологического анализа, что особенно

чувствуется при подаче образа главной героини, вдовы шахтера, О-Рин.

Обращает на себя внимание четырехтомная эпопея Суэ Сумиэ «Река без моста». Со времени выхода в свет романа «Нарушенный завет» (1906 г.) писателя Симадзакэ Тосона, первым поднявшего голос в защиту касты неприкасаемых, в японской литературе не было произведения, в котором с таким проникновением, размахом и художественным мастерством изображалась бы жизнь самой униженной и угнетенной части японского населения. Будучи сама выходцем из среды неприкасаемых, писательница буквально выстрадала эту тему, с детских лет наблюдая судьбы людей из «особых поселений».

Новаторство Суэ Сумиэ в том, что ей удается преодолеть инерцию традиций. Не будет преувеличением сказать, что в романе утверждаются толстовские принципы воспроизведения жизни в том смысле, что конфликт расширяется до границ противопоставления крестьянина эксплуататорскому обществу в целом; исходным в оценке событий становится плебейская точка зрения, выступающая во всей своей первоизданной непосредственности⁷. Отсюда такая живость в изображении человеческих характеров, в первую очередь образа бабушки Нун с ее стихийным бунтарством. Нун, даже не подозревающей, сколь крамольна ее мысль соревноваться в долголети с самим императором Мэйдзи.

И здесь перед нами предстает славная и величественная родословная японских трудящихся. Не зря Нун приходится внучатой племянницей крестьянину, казненному за участие в крестьянском бунте. Оттуда, от времен средневековья, тянется история поколения, которое в лице внуков Нун становится свидетелем

⁶ Ё. Хотта, «Суд». Перевод с японского З. Рахима, М., 1969.

⁷ К сожалению, именно эти новаторские черты романа не сумел передать режиссер фильма «Река без моста», интерпретировавший материал произведения в духе трафаретных сюжетных схем.

Октябрьской революции, приобщаясь к великим завоеваниям революционной мысли XX века.

* * *

Представленный в статье материал, естественно, не исчерпывает сложности развития современной японской литературы, предстающей перед нами в ее кричащих противоречиях и контрастах. Требуется особого рассмотрения недавно законченный писателем Хироси Нома роман «Круг молодежи», явившийся плодом почти двадцатилетней работы автора. Создаются интересные произведения на тему японской семьи, переживающей ныне тяжелый кризис. Этой теме посвящен интересный роман «Звук гор» (1959 г.) лауреа-

та Нобелевской премии Ясунари Кавабата, она находит отражение в ряде произведений известного писателя Сюсаку Эndo. Особого внимания требует проблема традиций; так, например, есть основания говорить о возрождении сказовой литературы, тесно связанной с комическим жанром ракуго, и, возможно, речь идет о появлении новых форм городского фольклора.

Мы ставили перед собой более скромную задачу — охарактеризовать хотя бы некоторые тенденции в развитии современной японской литературы, которые свидетельствуют о том, что, несмотря на ожесточенную борьбу и столкновения различных идейных концепций, реализм значительно укрепил свои позиции.

Лингвистические проблемы в китайском обществе

М. В. Софронов

доктор филологических наук

Китайский язык — основное средство общения китайского народа. Он возник и развивался вместе с китайским обществом, тесно связан со всеми сторонами его жизни. Исследование функций китайского языка в китайском обществе включает в себя описание лингвистической ситуации в Китае как объективного социального фактора, возникшего в связи с территориальным распределением китайского населения на Дальнем Востоке.

Поливное земледелие — основная отрасль хозяйства традиционного Китая на протяжении многих веков — ставило распределение китайского населения на территории страны в определенную зависимость от физико-географических и климатических условий. В районах, наиболее удобных для ведения сельскохозяйственного производства, плотность населения всегда достигала значительных величин и сокращалась там, где условия были менее благоприятны. Поэтому в настоящее время около 500 млн. человек — три четверти населения страны — сконцентрировано в четы-

рех районах: Центральной равнине, среднем и нижнем течении Янцзы, Красном бассейне Сычуани, Южном Китае¹. Эти четыре района разделены значительными естественными преградами, затрудняющими сообщение между ними. Недостаточное развитие транспортных связей между этими районами сдерживало процесс территориальной интеграции Китая, являясь также одной из причин малой мобильности населения. Недостаточная мобильность привела к образованию замкнутых территориальных групп, слабо связанных между собой.

Географическая, экономическая, демографическая раздробленность Китая явилась важным фактором формирования лингвистической ситуации и продолжает оказывать на нее влияние в настоящее время. Сформировавшийся в этих условиях китайский язык оказался разделенным на значительное число диалектов, весьма существенно различающихся между собой.

Многочисленные и далеко отстоящие друг от друга диалекты характеризуют лингвистическую ситуацию в Китае на протяжении всей его истории. На севере, где формировался китайский народ и вместе с ним создавался китайский язык, преобладали процессы диалектного и языкового смешения. Они объясняются большей мобильностью населения в этой части страны. Диалектные различия на севере, которые были значительными в эпоху Чжоу, в дальнейшем постепенно

¹ K. Buchanan, *The Transformation of the Chinese Earth*, London, 1970, p. 28.

ослабевали. В настоящее время существует несколько значительно различающихся между собой групп северных диалектов, однако эти диалекты имеют ряд общих черт, благодаря чему взаимопонимание между их представителями возможно.

В периоды политического объединения страны столица находилась на севере. В разное время политическими центрами Китая были попеременно Лоян, Сиань, Кайфэн, а с XIV века — Пекин. Язык столицы, пользующийся более высоким престижем по сравнению с языком других центров страны, становился нормой, на которую ориентировались северные диалекты. До XIV века нормой для северных диалектов был язык столиц, расположенных на Центральной равнине, — Лояна и Кайфэна, а после XIV века — язык Пекина. Языковая норма северного Китая была основана на диалекте столицы и получила название *гуаньхуа* — язык чиновников. Этот язык в большей или меньшей степени был понятен на всем севере.

К югу от Янцзы, на территории, присоединенной после начала новой эры, оседало китайское население, движущееся с севера. Наиболее значительные миграционные потоки наблюдались в IV—VI и XII—XIII веках. В этот период сформировались южные диалекты, сохранившие многие утраченные в настоящее время черты языка Центральной равнины и содержащие значительные субстратные элементы, унаследованные от некитайских народов, населявших эти земли. На политически более спокойных и географически более расчлененных землях юга смешение китайских диалектов было затруднено, поэтому здесь преобладали процессы дифференциации. В результате этих процессов на юге сложилось несколько крупных диалектов, не обнаруживающих тенденции к слиянию. На востоке этой части Китая сложилась группа диалектов *у*, на юго-востоке — две группы диалектов *минь*: северная и южная, на

юге — группа диалектов *юэ*, в центре — группа диалектов *сян*. Между группами *у* и *сян* вклинивается группа диалектов *гань*. Китайцы этнической группы Хакка, живущие по всему югу Китая, говорят на своих диалектах, которые ближе всего стоят к диалектам группы *гань*². Перечисленные диалекты значительно отличаются от северных по произношению, лексике и грамматике, поэтому северный *гуаньхуа* здесь непонятен, число знающих его очень невелико. На конференции по нормализации современного китайского языка в 1955 году представитель радио Вэньчжоу сообщил, что в городе не выше пяти процентов населения понимают пекинский диалект³. Единственной провинцией Южного Китая, где *гуаньхуа* понятен, является Юньнань: здесь китайское население в основном составляют выходцы из провинции Сычуань, входящей в область распространения северных диалектов.

Лингвистическая ситуация, сложившаяся на юге Китая, не способствовала возникновению общей для всех южных диалектов языковой нормы. Аналогично тому, как на севере страны *гуаньхуа* складывался на основе политического престижа столицы, на юге стали складываться несколько региональных языковых норм, основанных на престиже

² Группы диалектов именуются либо по названиям древних царств, находившихся на территории распространения современного диалекта (группа диалектов *у* — по названию царства У, находившегося на территории современных провинций Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой; группа диалектов *юэ* — по названию царства Юэ, находившегося на территории современных провинций Гуандун и Гуанси), либо по названиям рек, протекающих в районах распространения современных диалектов (группа диалектов *минь* — по названию реки Миньцзян в провинции Фуцзянь, группа диалектов *сян* — по названию реки Сянцзян в провинции Хунань, группа диалектов *гань* — по названию реки Ганьцзян в провинции Цзянси).

³ Сокращенный протокол научной конференции по проблемам нормализации современного китайского языка, «Чжунго Юйвэнь», 1955, № 41, стр. 38 (на кит. яз.).

крупных торговых и промышленных центров.

Языковой нормой для большей части провинции Гуандун, китайского населения провинции Гуанси, городов Гонконга, Коулун, Макао является диалект Гуанчжоу⁴.

Языковой нормой для южной части провинции Фуцзянь, восточной части провинции Гуандун, китайского населения Хайнаня, китайского населения Тайваня (до 1949 г.), китайских эмигрантов в странах южных морей и в Юго-Восточной Азии является диалект Амоя⁵.

Языковая норма провинции Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, объединенных общим названием Цзяннань, на протяжении истории Китая несколько раз менялась, подобно тому как это происходило на севере. Исторически наиболее крупными экономическими и политическими центрами этой области были Ханчжоу и Сучжоу. С 1127 по 1276 год Ханчжоу был столицей южной династии Сун, однако в дальнейшем политическим и культурным центром этого района стал Сучжоу. С конца прошлого века на роль политического, экономического и культурного центра восточного Китая стал выдвигаться Шанхай. Проф. Лю Фу характеризовал язык Шанхая начала XX века как смешение многих диалектов. «Политика и чиновники, — писал он, — говорят на пекинском диалекте или *гуаньхуа*, торговцы — на диалекте Нинбо с элементами пиджин-инглиш, модные женщины — на диалекте Сучжоу, кули — на различных диалектах, распространенных в тех уездах провинции Цзянсу, которые расположены на северном берегу Янцзы»⁶. В результате смешения многих диалектов группы

у сформировался шанхайский диалект, отличающийся более простой системой тонов по сравнению с другими диалектами этой группы.

Таким образом, в лингвистическом отношении Китай по реке Янцзы разделяется на два основных диалектных района. Север представляет собой совокупность нескольких диалектных групп. При всех различиях между ними их представители способны понимать друг друга. Диалектные группы Южного Китая различаются между собой настолько, что взаимопонимание между их представителями невозможно.

Оценка общего количества диалектов находится в прямой зависимости от степени их изученности. В конце прошлого века в китайской литературе различались четыре группы диалектов. С течением времени эта цифра значительно возросла, но и до сих пор точки зрения ученых относительно количества диалектов в Китае расходятся. Так, например, Юань Цзя-хуа различает семь, а С. Е. Яхонтов — десять групп диалектов⁷.

Различия между диалектами распространяются на все уровни их структуры. Различия между диалектами не ограничиваются областью фонетики. Существенны различия также в области лексики и грамматики. Для обозначения даже простейших обиходных предметов в каждом диалекте существуют свои слова⁸. При общем сходстве грамматической структуры диалекты пользуются разными служебными морфемами. Этот комплекс особенностей в произношении, лексике и грамматике создает значительные трудности при общении представителей различных диалектов даже внутри диалектной группы. Представители же

⁴ Юань Цзя-хуа, Очерк о китайских диалектах, Пекин, 1960, стр. 179 (на кит. яз.).

⁵ Хуан Дянь-чэн. Достоинства алфавитного письма на примере алфавитной письменности для южной группы диалектов *минь*, «Чжунго Юйвэнь», 1953, № 13, стр. 16 (на кит. яз.).

⁶ Liu Fu. Etude expérimentale sur les tons du chlois, Paris — Peking, 1925, p. 40.

⁷ Юань Цзя-хуа. Диалекты китайского языка, М., 1965, стр. 10; С. Е. Яхонтов. Классификация диалектов китайского языка, «Исследования по филологии стран Азии и Африки», Л., 1966, стр. 128.

⁸ Ван Ли. Лекции по китайскому языку, Пекин, 1956, стр. 61—66 (на кит. яз.).

разных групп диалектов вовсе не могут понимать друг друга при устном общении. Поэтому различие между китайскими диалектами часто сравнивается с различиями между родственными языками⁹.

К началу нынешнего века система диалектов китайского языка обнаружила явную тенденцию к полицентрическому развитию: в стране, насчитывающей от семи до десяти основных диалектных групп, сформировались четыре языковые нормы. Внешним признаком формирования отдельных языковых норм в Китае можно считать появление художественной литературы на разговорном языке, который не может не ориентироваться на один из диалектов. С XII века в Китае появляется литература на разговорном языке, получившем название *байхуа* — простой язык. Литературный язык *байхуа* был ориентирован в целом на северные диалекты. Отдельные произведения на *байхуа* обнаруживают черты сходства с различными группами этих диалектов. Наиболее значительные из произведений на *байхуа* распространились по всей стране. Поэтому литературная традиция, представленная произведениями на *байхуа*, считается общегосударственной. Региональная литература на диалектах Кантона, Амоя, Сучжоу появилась с XIX века.

Другую существенную часть лингвистической ситуации в Китае составляет иероглифическая письменность и письменный язык.

От алфавитной письменности иероглифическая отличается принципом обозначения: она передает содержание обозначаемых лингвистических единиц, между тем как алфавитная — только их звучание. Это позволяет легко использовать иероглифическую письменность как средство междиалектного или даже межъязыкового письменного обще-

ния. Для понимания смысла текста, написанного иероглифическим письмом, чтения знаков не имели существенного значения: на каждом диалекте читали их по-своему. В более позднее время, когда китайская иероглифическая письменность была заимствована Японией, Кореей, Вьетнамом, знаки получили соответственно японское, корейское, вьетнамское чтение. Таким образом, число возможных чтений иероглифов в принципе ничем не ограничено.

Китайская иероглифическая письменность, изобретенная еще во II тысячелетии до н. э., оказалась эффективным средством смягчения трудностей общения, с которыми очень рано столкнулось китайское общество, говорящее на многих, не всегда понятных диалектах: текст, написанный иероглифическим письмом, легко мог пониматься представителями любого из них.

Описанные выше различия между диалектами китайского языка были не меньшими и в древности, когда делались первые шаги в использовании иероглифической письменности. Прямая запись диалектной речи при составлении письменных сообщений затрудняла понимание их смысла. Широко известным примером трудно понимаемого текста являются «Чуские строфы», написанные на диалекте *чу*. В эпоху Конфуция уже существовало понятие образцового языка. Сам Конфуций считал образцовым язык Шинцина, Шуцзина, Лицзи¹⁰.

В дальнейшем, к VI—VII векам, на основе древнекитайского языка конфуцианских классических книг сформировался так называемый *вэньянь* — язык словесности. *Вэньянь* сохранил древнекитайскую лексику и служебные морфемы, но по

⁹ Yuen Ren Chao. Mandarin Primer, Cambridge, 1948, p. 7; Ло Чан-пэй и Люй Шу-сян, Вопрос о нормах современного китайского языка, «Советское востоковедение», 1956, № 1, стр. 83.

¹⁰ J. Legge, Chinese Classics, v. I Confucian Analects, VII, chap. XVII, p. 200. В отличие от Чжу Си современные интерпретаторы предпочитают следующее толкование: «Язык, который учитель считал правильным. Шинцин, Шуцзин, Лицзи — везде правильный язык».

своей грамматической структуре был ближе к живому языку начала новой эры, чем к древнекитайскому¹¹. С образованием *вэньяня* наддиалектная письменность была дополнена наддиалектным письменным языком. Тем самым в Китае было оформлено обособление средств письменного общения от средств устного общения. Во многих диалектах — прежде всего в южных — иероглифы в письменном тексте имели чтение, которое называлось письменным в отличие от их разговорного произношения.

Иероглифическая письменность и *вэньянь* составляли единое функциональное целое. Но использование иероглифической письменности для записи живого языка наталкивалось на значительные трудности, потому что эта письменность не содержала иероглифов для обозначения служебных и содержала недостаточно иероглифов для обозначения знаменательных морфем разговорного языка. Для восполнения этих недостатков использовались иероглифы, подходящие по чтению, но далеко не всегда подходящие по этимологии. Создавались даже новые иероглифы. К созданию новых, так называемых «диалектных», иероглифов особенно часто прибегала региональная литература. В результате приспособления иероглифической письменности к записи разговорного языка число значений иероглифов увеличивалось: к значениям, которые он имел в *вэньяне*, присоединялись значения, которые он имел в разговорном языке.

Иероглифическая письменность и *вэньянь* обеспечивали лингвистическое единство традиционного общества. Но это единство ограничивалось лишь такими средствами общения, как письменность и письменный язык, но оно вполне удовлетворяло потребности общества. В условиях средневекового Китая общественные функции *вэньяня* совмеща-

ли в себе функции государственного и литературного языка. *Вэньянь* был официальным языком, на котором составлялись государственные, административные, законодательные, юридические акты, велась деловая переписка между государственными учреждениями, а также между ними и частными лицами. *Вэньянь* был языком средневековой китайской прозаической, поэтической, эссеистической литературы и науки. На этом языке написано большое число выдающихся произведений, вошедших в сокровищницу мировой литературы и культуры.

В лингвистической ситуации традиционного Китая, сохранившейся в неприкосновенности до начала XX века, бесписьменным диалектам также отводилась важная общественная роль. Они были средством устного повседневного общения в семье, средством устного общения при совершении административных и судебных актов. Они были языком школы, рынка, театра, уличных рассказчиков.

Отсутствие устного государственного и литературного языка привело к тому, что *вэньянь* стал противопоставляться всему разговорному языку в целом. При этом все диалекты рассматривались как одинаково низшие формы языка. Следствием такого взгляда на диалекты китайского языка было их равноправие¹². Равноправие диалектов, однако, не означало отсутствия самого понятия общественного престижа той или иной формы речи. Диалекты городов пользовались большим престижем по сравнению с диалектами подчиненных им в административном отношении деревень, но крупные диалекты уже не имели никаких преимуществ друг перед другом.

Речь является важной характеристикой личности. По речи окружающие могут судить об общественном статусе личности. Однако для тради-

¹¹ Имеется в виду язык, существовавший в Китае до III в. до н. э.

¹² Yuen Ren Chao, *Mandarin Primer*, Cambridge, 1948, p. 7.

ционного Китая признаком высокого общественного статуса было владение письменностью, а не владение определенным устным языком. Ввиду того что ни один из диалектов не пользовался престижем устного государственного или литературного языка, диалектное произношение указывало лишь на место рождения, но не на общественный статус личности. Все эти обстоятельства способствовали установлению прочной традиции изучения прежде всего письменности, а не устного языка. Интерес к изучению диалектов в тех случаях, когда это не вызывалось практическими потребностями, обычно не возникал.

Независимость письменного языка от живых диалектов привела к тому, что эти две составные части лингвистической ситуации в Китае развивались независимо друг от друга, при этом средства письменного общения выступали в роли интегрирующих, а средства устного общения — в роли дезинтегрирующих факторов.

Описанная выше лингвистическая ситуация представляется довольно типичной для средневековой страны. Но при переходе к новому времени вместе с потребностью модернизации китайского общества потребовалась также модернизация его лингвистической ситуации. Главная цель ее состояла в том, чтобы создать устный государственный язык и сблизить письменный язык с разговорным.

После победы Синьхайской революции создание устного национального языка вошло в ряд практических проблем национального строительства. В 1913 году состоялась всекитайская конференция по фонетическому алфавиту, на которой были подведены итоги начавшейся в конце XIX века работы по созданию китайского алфавита. На конференции возникла оживленная дискуссия по проблемам диалектной основы алфавита между представителями северных и южных провинций. В этой дискуссии с небольшим пре-

имуществом победили северяне: в основу алфавита была положена фонологическая структура северных диалектов¹³. Знаки, служащие для обозначения особых звуков южных диалектов, были выделены в дополнение к алфавиту.

Несмотря на это, проблема выбора диалектной основы для национального языка оказалась весьма нелегкой. На стороне Пекина был престиж политического центра страны, между тем как на стороне Шанхая, Амоя, Кантона — престиж богатых и быстро развивающихся городов. Однако количественный перевес был на стороне северных диалектов, которыми пользовалось около 70% населения страны. В дискуссии о диалектной основе национального языка позиция представителей южных диалектов состояла не в том, чтобы добиться принятия одного из южных диалектов в качестве основы национального языка, а в том, чтобы отстоять право пользоваться своими диалектами.

Не сразу было достигнуто единство взглядов и по поводу того, который из северных диалектов следует считать основой национального языка. Незадолго до Синьхайской революции ученый-филолог и общественный деятель Чжан Бин-линь выступил с предложением положить в основу национального языка не пекинский диалект, который он считал слишком ярко выраженным северным диалектом, а хубэйский. Достоинства хубэйского диалекта он видел в том, что он ближе всех остальных стоит к истокам китайского языка, что его легче усваивать южанам. Этот взгляд на хубэйский диалект Чжан Бин-линь затем подтвердил в своих выступлениях двадцатых годов¹⁴.

¹³ Ли Цзинь-си, Очерки истории движения за национальный язык, т. I, Шанхай, 1936, стр. 58—59 (на кит. яз.).

¹⁴ Сборник трудов Чжан Тай-яня и Тань Сы-туна, Шанхай, 1911, II, стр. 33—36, III, стр. 23; Чжан Тай-янь, Очерк науки о Китае, Шанхай, 1925, Приложение, стр. 11 (на кит. яз.).

Движение «4 мая» 1919 года, явившееся исходным моментом в борьбе китайского народа за новую культуру, ускорило разработку проблем, связанных с созданием национального языка. Пекин стал основным центром, где в этом направлении велась научная и организационная работа. В 1916 году в Пекине было создано Общество изучения проблем национального языка во главе с Цай Юань-пэем. В 1919 году министерство просвещения пекинского правительства организовало Подготовительный комитет единства национального языка. Этот комитет провел большую работу по унификации произношения иероглифов. В декабре 1924 года он постановил, что пекинский диалект будет в дальнейшем рассматриваться как основа произносительной нормы национального языка.

Для создания национального языка, помимо выбора его диалектной основы, нужно было также создать нормативную грамматику и словарь. Решение последних двух задач встретило серьезные трудности. Среди китайских традиционных наук грамматика отсутствовала; лексикография хотя и была, но имела дело со словарями иероглифов, а не слов живого языка. Поэтому возможности для использования наследия традиционной науки при создании национального языка были очень невелики.

Проблему китайского литературного языка практически начали решать писатели, которые после движения «4 мая» стали создавать литературу на разговорном языке, используя достижения многовековой традиции прозы на *байхуа*. На разговорном языке стали создаваться и поэтические произведения.

В 1949 году Центральное народное правительство Китая отменило *вэньянь* как язык официальных документов. Официальное делопроизводство было переведено на разговорный язык. С отменой *вэньянь* традиционная лингвистическая ситу-

ация в Китае претерпела первое существенное изменение.

С 25 по 31 октября в Пекине была проведена научная конференция по проблемам нормализации современного китайского языка. В совместном докладе на конференции проф. Ло Чан-пэй и Люй Шу-сян следующим образом охарактеризовали китайский национальный язык: «В ходе развития китайского языка за последние несколько столетий постепенно сформировался своего рода общенациональный язык, т. е. «общепонятный язык» (*путунхуа*), основой которого являются северные диалекты. За последние несколько десятилетий этот общепонятный язык получил широкое распространение. *Байхуа* — литературный язык, который представляет собой обработанную форму общенационального языка, имеет еще более длительную историю, чем «общепонятный язык»; на нем созданы и продолжают создаваться многие замечательные произведения. Однако, принимая во внимание наши требования к общенациональному языку, мы имеем основания для неудовлетворенности. Эта неудовлетворенность проявляется в двух отношениях: во-первых, общенациональный язык до сих пор не распространен повсеместно, еще очень многие не могут говорить на общепонятном языке, а говорят лишь на диалектах; во-вторых, нормы литературного языка еще не вполне ясны и не вполне точны»¹⁵.

Общенациональным здесь называется язык, на котором говорит не весь народ, а лишь его часть. Этот реально существующий язык пред-

¹⁵ Ло Чан-пэй, Люй Шу-сян, Проблемы нормализации современного китайского языка. Тезисы доклада на научной конференции по проблемам нормализации современного китайского языка, «Чжунго Юйвэнь», 1955, № 42, стр. 3 (на кит. яз.); ср. текст, переданный для перевода на русский язык. Ло Чан-пэй и Люй Шу-сян, Вопрос о нормах современного китайского языка, «Советское востоковедение», 1956, № 1, стр. 78.

полагалось нормализовать, а затем распространить по всей стране. Под нормализацией подразумевался комплекс мероприятий, который включал в себя создание нормативного словаря современного китайского языка, исследования по нормативной грамматике, исследование диалектов, работа над пособиями и методикой преподавания *путунхуа*. Иначе говоря, нормализация рассматривалась как исследование диалектов китайского языка и создание нормативной грамматики и нормативного словаря общенационального языка.

Идея постепенного сокращения функциональной сферы диалектов, высказанная в докладе, получила развитие в передовой статье «Жэньминь жибао». «Прежде всего, — указывала «Жэньминь жибао» на следующий день после открытия конференции, — следует всеми силами пропагандировать важность распространения *путунхуа*. Следует дать людям правильное понятие о зависимости между *путунхуа* и диалектами: *путунхуа* служит всему народу, диалекты — народу одной местности. Распространение *путунхуа* отнюдь не означает искусственного уничтожения диалектов, а имеет в виду лишь постепенное сокращение сферы их применения. Это, несомненно, соответствует объективным закономерностям общественного прогресса. Конечно, диалекты могут в течение сравнительно длительного периода времени сосуществовать с *путунхуа*, однако сфера применения *путунхуа* будет непрерывно расширяться; следует всемерно поощрять использование *путунхуа* в общественных местах, всемерно поощрять использование *путунхуа* в качестве письменного языка; следует исправить узкоместнические взгляды, при которых не признают *путунхуа*, не желают его слушать и даже не позволяют младшим членам семьи говорить на нем; следует исправить такое положение, при котором в печатных изданиях, особенно в литературных произведениях,

чрезмерно используются диалекты»¹⁶.

10 января 1958 года на собрании, созванном Всекитайским комитетом НПКСК, премьер Государственного совета изложил основные положения правительственной политики по отношению к *путунхуа*. Он подтвердил, что цель распространения *путунхуа* — «постепенно унифицировать диалекты 600-миллионного ханьского населения»¹⁷. Для этого предполагались лекции по радио, кинофильмы, обучение языку преподавателей начальных и средних школ. Изучение *путунхуа* в школах было квалифицировано как наиболее эффективное средство его распространения. Так на правительственном уровне было подтверждено, что целью распространения *путунхуа* является унификация диалектов китайского языка и средством этой унификации является активное обучение населения страны общенациональному языку.

После конференции по нормализации современного китайского языка началась деятельная подготовка к общегосударственной кампании по распространению *путунхуа*. 17 ноября 1955 года министерство просвещения издало распоряжение о преподавании *путунхуа* в начальных, средних школах и педагогических училищах. На следующий день было издано указание о постепенном переводе обучения в начальных, средних школах и педагогических училищах на *путунхуа*. 6 февраля 1956 года Госсовет КНР опубликовал указания о распространении *путунхуа*, а 10 февраля был создан центральный рабочий комитет по его распространению.

¹⁶ Не покладая рук работать над продвижением вперед реформы письменности, распространением *путунхуа*, осуществлением нормализации китайского языка. Цит. по переизданию в журнале «Чжунго юй-вэнь», 1955, № 41, стр. 6.

¹⁷ Чжоу Эн-лай. Задачи реформы письменности в настоящее время, «О реформе китайской письменности (сборник материалов)», Издательство литературы на иностранных языках, Пекин, 1958, стр. 12.

В течение 1956 года прошли многочисленные совещания работников культурных учреждений, радиовещания, издательств, посвященные проблемам распространения *путунхуа*. Наибольший вклад в дело распространения *путунхуа* внесло министерство просвещения. На краткосрочных курсах продолжительностью от трех до пяти недель началось обучение *путунхуа* учителей словесности. В мае 1956 года курс словесности в начальных, средних школах и педагогических училищах был разделен на курс китайского языка и курс китайской литературы — тем самым изучение *путунхуа* было введено в учебные планы. К концу 1957 года по всему Китаю было подготовлено 721 тыс. преподавателей.

В 1956—1958 годах в периодической печати Китая много писалось о различных формах нешкольного обучения *путунхуа* — о кружках, семинарах, уроках по радио и т. п. Сообщалось, что за короткий срок было создано и выпущено большое число пособий для изучения *путунхуа*. С 1959 года кампания по распространению *путунхуа* отстывает все далее на задний план общественной жизни страны, уступая место новым политическим кампаниям. Однако распространение *путунхуа* продолжалось в более скромных масштабах и накапливало определенный практический опыт.

В 1965—1966 годах в китайской прессе появляются статьи, содержащие критический анализ начального периода движения за распространение *путунхуа*. В докладе о деятельности Шанхайского городского комитета по распространению *путунхуа*, в частности, говорилось, что в начальный период кампании к учащимся предъявлялись слишком высокие требования, а методы работы «были оторваны от практики». «Поэтому, — подчеркивалось в докладе, — в кампании за распространение *путунхуа* всегда начинали с преподавания алфавита. От масс требовалось, чтобы после овладения ал-

фавитом они пользовались им при изучении стандартного *путунхуа*. Затрачивалось много сил и времени, но алфавит изучить не удавалось; также обстояло дело и с *путунхуа*. В конце концов все стали считать изучение *путунхуа* слишком трудным и не решались даже приступить к нему. Все это наносило ущерб активности масс в изучении *путунхуа*»¹⁸. Более эффективным оказался метод первоначального обучения словам и выражениям на *путунхуа* с последующей тренировкой в разговорной речи и непосредственным изучением пекинского произношения.

Результаты первых десяти лет распространения *путунхуа* следует охарактеризовать как весьма скромные. Конкретным достижением можно считать только введение уроков китайского языка, которые дают каждому ученику больший или меньший объем знаний о *путунхуа*. Остальные мероприятия оказались малоэффективными. Даже после радикальной перестройки методов преподавания *путунхуа* для взрослых достигались только частные результаты, как это было в Шанхае.

После 1959 года в результате экономических трудностей и обострения политической обстановки в стране финансировать кампанию за распространение *путунхуа* на уровне первых лет ее проведения стало невозможным. Внимание руководства поглощали политические проблемы, перед которыми изучение *путунхуа* отходило на задний план. Другая причина спада кампании за распространение *путунхуа* заключалась в объективных социальных и лингвистических трудностях, с которыми столкнулось это движение. Эти трудности показали, что распространение *путунхуа* нельзя расценивать как «самодвижущееся общественное движение». В ходе этой кампании приходилось постоянно преодоле-

¹⁸ «Пусть работа по распространению *путунхуа* еще лучше служит трем великим революционным движениям», «Чжунго юйвэнь», 1966, № 1 (140), стр. 12.

вать инерцию языковых привычек населения, говорящего на диалектах.

Практический опыт кампании за распространение *путунхуа* подтверждает ту истину, что люди не склонны заменять свой родной язык или диалект на другой — пусть даже более совершенный и красивый — без достаточно веских личных причин. В существующей в настоящее время лингвистической ситуации усилия, затраченные на изучение *путунхуа*, практически ничем не компенсируются, потому что устным языком при совершении всех политических, административных, судебных и других общественных актов остаются местные диалекты. На диалектах ведутся основные передачи местного радио, театральные представления и выступления концертных трупп. Даже если удастся выполнить указание министерства просвещения о постепенном переводе обучения в школе и педагогических училищах на *путунхуа*, этот язык сделается лишь языком школы, что само по себе недостаточно для создания ему высокого общественного престижа в районах распространения диалектов. Пропаганда важности и полезности знания *путунхуа*, подкрепленная административными мероприятиями, не привела к ожидаемым результатам: до унификации диалектов так же далеко, как и в начале кампании.

Очевидно, что обязательным условием лингвистической интеграции Китая является его экономическая и территориальная интеграция, которая приведет к повышению мобильности населения. В этих условиях у многих появится личная заинтересованность в знании *путунхуа* и отпадет необходимость в административных мерах. Пока эти условия не выполнены, необходимы гибкие меры, разработанные с учетом реальной лингвистической ситуации.

Отношение государства к проблеме унификации языка основано на концепции: «один народ — один язык». Налицо явная недооценка

сложности лингвистической ситуации в Китае.

«Хотя различие между китайскими диалектами проявляется главным образом в фонетике (в подавляющем большинстве случаев эти закономерности можно найти) и в части повседневной лексики (по сравнению со всем словарным фондом — небольшой), — докладывали проф. Ло Чан-пэй и Люй Шу-сян, — взятые вместе, они способны создать большие или меньшие трудности при первых контактах людей, живущих в разных диалектных районах; по прошествии же некоторого времени взаимного приспособления им всегда удается достигнуть взаимопонимания»¹⁹.

Переход к новым языкам и диалектам хорошо известное явление. Однако оно характеризуется важными неллингвистическими аспектами. Переход на новый язык или диалект является следствием перехода к новой культуре: либо к культуре народа, говорящего на другом языке, либо в связи с распространением городской культуры. Бесспорно, городская культура распространяется в китайской деревне, но это культура не одного города, а нескольких крупных городов, говорящих на различных диалектах. Поэтому первым шагом в распространении *путунхуа* должен сделаться переход на *путунхуа* населения крупных городов, а вторым — его распространение в деревне. Признавая теоретически возможность осуществления этого процесса, следует сказать, что прямая реализация концепции «один народ — один язык» потребует длительного времени.

Приходится преодолевать огромные трудности, и невозможно даже приблизительно предсказать, когда этот процесс будет завершен.

Реальная оценка современной лингвистической ситуации в Китае должна исходить из наличия далеко отстоящих друг от друга диалектов

¹⁹ Ло Чан-пэй, Люй Шу-сян. Цит. соч., стр. 4.

китайского языка, которые — как это было указано выше — занимают очень сильные позиции на местах, и наличия ощутимых полицентрических тенденций развития диалектов. При такой оценке лингвистической ситуации диалекты невозможно рассматривать как нежелательное, но легко преодолимое отклонение от общенационального языка *путунхуа*. Они всегда были и в настоящее время продолжают оставаться основным средством общения десятков миллионов людей на большой территории. Проф. Т. Кураиси в начале 60-х годов обратился к заведующему отделом просвещения города Гуанчжоу с вопросом о количестве людей, владеющих *путунхуа*. В ответ он услышал, что *путунхуа* не входит в первую десятку диалектов, которыми пользуются здесь, а все те, кто приезжает сюда, овладевают местным диалектом²⁰. Это сообщение является одним из свидетельств, что Южный Китай не спешит с переходом на *путунхуа*. Поэтому признание диалектов в качестве полноправных средств общения в своих районах наравне с *путунхуа* полностью соответствовало бы их действительному значению в настоящее время.

Следует помнить, что для осознания необходимости общенационального устного языка в Китае требуется преодоление весьма важного психологического барьера. В Китае средством междиалектного общенационального общения традиционно был не разговорный, а письменный язык. В противопоставлении письменного языка устным диалектам все диалекты были равны между собой. Признание какого-либо диалекта или группы диалектов основой общенационального языка представляет собой весьма важный

и необычный с точки зрения традиции акт возвышения одной формы устной речи над остальными.

В настоящее время информация о реакции южных диалектов на возвышение северных в ранг общегосударственной нормы практически отсутствует, однако сведения, сообщенные проф. Кураиси, позволяют полагать, что, даже если они сейчас согласны с этим, согласие было достигнуто не без колебаний и борьбы. Перспектива постепенного сокращения функциональной сферы диалектов с последующей их унификацией, которая была провозглашена в официальных документах и выступлениях государственных деятелей, настораживала говорящих на диалектах. Эта настороженность не облегчала, а затрудняла выбор позиции по отношению к *путунхуа*.

Несмотря на унификацию в перспективе, диалекты сохраняли все свои традиционные функции в настоящем. На местах это дает им преимущество перед *путунхуа*. В результате соревнование между *путунхуа* и диалектами ведется без правового регулирования отношений между ними. Между тем правовое регулирование и строгое определение функциональных сфер между *путунхуа* и диалектами могло бы в значительной степени способствовать распространению *путунхуа*.

Если бы введение *путунхуа* как общенационального языка сопровождалось четким языковым законодательством, Китаю удалось бы в короткое время создать систему, принятую во многих странах, где языки имеют глубокие диалектные различия. Система, состоящая из общенационального государственного языка и полноправных диалектов на местах с четким законодательным регулированием функциональных сфер между государственным языком и диалектами, была бы в состоянии на демократической основе решить лингвистическую проблему в Китае.

²⁰ Кунио Тоёта, Исследования по языковой политике, Токио, 1968, стр. 283 (на япон. яз.).

КОММЕНТАРИИ И НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Новые веяния на Филиппинах

И. В. Кравцов

Филиппины в течение трех с половиной веков были колонией Испании. В 1898 году буржуазно-демократическая революция покончила с владычеством одряхлевшей испанской метрополии, но филиппинцам не удалось воспользоваться плодами победы, так как на смену старому колонизатору пришел новый — США. 4 июля 1946 года Филиппинам была предоставлена формальная независимость, но влияние США сохраняется по сей день и проявляется весьма весомо.

Расчетливая политика американского империализма велась не в грубых формах старого «классического» колониализма, а выдавалась за «бескорыстную помощь друзей и партнеров». Если испанские колонизаторы мало заботились об экономическом развитии колонии (в силу слабого развития самой метрополии), не сумели создать достаточно прочной опоры своему колониальному режиму, сознательно сдерживали развитие культуры, препятствуя даже изучению испанского языка, то молодому империалистическому хищнику для успешной эксплуа-

тации колонии требовался какой-то минимум ее развития.

Однако американцы развивали лишь те отрасли хозяйства колонии, которые были призваны снабжать сырьем новую метрополию. В сельском хозяйстве — это разведение кокосовой пальмы (сейчас на Филиппины приходится 40% мирового производства кокосовой продукции), выращивание сахарного тростника, табака и некоторых других культур; в промышленности — преимущественно добыча полезных ископаемых: хрома, марганца и т. д.

Филиппины оказались выгодной сферой вложения американских капиталов. Из 1 млрд. долл. иностранных капиталовложений 900 млн. принадлежат Америке. На каждый вложенный доллар американские капиталисты получают до 35% прибыли. США является главным потребителем филиппинских товаров. В 1970 году экспорт Филиппин в США составил 440 млн. долл., а импорт — 315 млн.

Экономическая зависимость от Вашингтона тяжело сказывается на положении трудящихся масс страны. Годовой доход на душу населения составляет около 100 долларов; число безработных достигает полутора миллионов человек, а около 3 млн. заняты неполную рабочую неделю. Семидесятилетнее «сотрудничество и партнерство» Филиппин с самой крупной и развитой державой капиталистического мира пагубно отразилось и на сельском хозяйстве. Урожайность риса, например, в настоящее время составляет всего лишь 13 ц с га, и страна не в состоянии обеспечить себя этой главной продовольственной культурой.

Американцы как в прошлом, так и теперь заинтересованы в сохранении отсталых аграрных отношений на Филиппинах, так как помещичья и плантаторская верхушка, играющая важную роль в жизни страны ($\frac{3}{5}$ пахотных земель находятся в их руках), была и остается верной социальной опорой правительства Вашингтона.

Другой социальной силой, на которую опираются США в их стремлении сохранить экономическую и политическую зависимость Филиппин, является так называемый «сахарный блок», в который входят владельцы крупных сахарных плантаций и сахарозаводчики. Империалисты США идут на прямое «подкармливание» «сахарных баронов». Так, по существующим соглашениям Филиппины беспощинно поставляют сахар на американский рынок, поэтому он является для филиппинских экспортеров наиболее благоприятным источником прибылей. В США отправляется практически вся продукция «сахарного блока». Однако доходы крупных сахарных плантаторов от их торговли с США оборачиваются для Манилы усилением ее экономической зависимости от Вашингтона. Поскольку себестоимость филиппинского сахара высока, любое ограничение (не говоря уже о полной отмене) его квоты на ввоз в США может тотчас лишить страну важнейшего источника валютных поступлений. Таким образом, несколько теряя в таможенных доходах, американские империалисты с лихвой окупают это тем, что получают мощное средство давления на филиппинское правительство.

Одним из примеров этого давления явилось введение свободно колеблющегося курса песо, т. е. фактическая девальвация его, осуществленная по требованию Международного валютного фонда, в котором Вашингтон играет ведущую роль. Это резко ухудшило положение многих филиппинцев, и прежде всего трудящихся. Только за 1970 год цены на товары широкого потребле-

ния возросли в среднем на 15 процентов. В то же время эта мера несколько улучшила положение филиппинских экспортеров, основную массу которых составляет связанная с США часть буржуазно-помещичьей верхушки. Экспортеры стали получать больше песо на каждый заработанный доллар, но если учесть структуру филиппинского экспорта, в котором преобладающее место занимают продукция сельского хозяйства и сырье, то становится очевидным, что установление свободно колеблющегося курса песо способствует сохранению колониального характера экономики страны.

В этом убеждает и грубо попирающая суверенитет Филиппин поправка к их конституции, предоставляющая американским гражданам равные с филиппинцами права в разработке естественных богатств страны и в некоторых других сферах предпринимательства.

Экономическая и политическая зависимость Манилы от Вашингтона усугубляется целой серией американско-филиппинских военных соглашений, важнейшими из которых является пакт о военной помощи и соглашение о базах. В соответствии с ними США имеют право сооружать военные объекты на территории Филиппин. На сегодня американцы имеют в стране две крупные военные базы, которые обслуживают 20 тысяч военнослужащих США. Филиппинская армия практически находится под контролем объединенной группы американских военных советников. Филиппины получают вооружение и боеприпасы только из США.

Все ранее названные стороны филиппино-американских отношений составляют в совокупности то, что принято называть «особыми отношениями» между Филиппинами и США.

Экономическая, политическая и военная зависимость от США наложила определенный отпечаток на внешнюю политику Филиппин с момента провозглашения их незави-

симости. Это сказалось, в частности, на их позиции в отношении корейской войны, военных блоков, созданных в Юго-Восточной Азии, по вопросу об участии в войне во Вьетнаме.

Однако начиная со второй половины 60-х годов во внешней политике Филиппин обозначились некоторые новые моменты. Они явились следствием развития международной обстановки, растущего недовольства филиппинцев зависимостью от США. Рост национального самосознания, все усиливающиеся антиамериканские выступления населения, возрастание роли национальной буржуазии не могли не отразиться на позиции филиппинского правительства. По целому ряду вопросов — таких, как отношение к колониализму, расовой дискриминации, апартеиду, — Филиппины заняли позицию, сходную с позицией неприсоединившихся стран.

Помимо этого, правительство осуществило ряд внешнеполитических акций, направленных на сдерживание испытаний и распространения ядерного оружия. 14 августа 1963 года Филиппины подписали Московский договор о частичном запрещении ядерных испытаний, а 18 июля 1968 года договор о нераспространении ядерного оружия. Представители страны в ООН неоднократно выступали за разоружение. Среди руководящих политических деятелей Филиппин все чаще стали раздаваться голоса о необходимости пересмотра внешней политики страны, о необходимости покончить с односторонней ориентацией на США. Это было уже чем-то новым в «особых отношениях» между Вашингтоном и Манилой. Конкретным проявлением нового веяния послужил отзыв в конце 1969 — начале 1970 года филиппинских подразделений из Южного Вьетнама.

Президент Филиппин Фердинанд Э. Маркос в послании конгрессу «О положении нации» в январе 1971 года и в целом ряде интервью говорил о том, что соглашения с

США «углубленно изучаются с целью пересмотра», что необходимо больше полагаться на себя и избегать чрезмерной зависимости.

Наиболее четко программа пересмотра внешней политики была сформулирована в 1970 году министром иностранных дел Филиппин Карлосом П. Ромуло. Он признал, что филиппинская внешняя политика не учитывала тех изменений, которые произошли внутри страны, в Азии и во всем мире, и что Филиппины «находились в чрезмерной зависимости от США». Признание этого факта, по мнению Ромуло, не должно означать «разрыва традиционных связей» — речь идет лишь о том, чтобы дополнить их связями с другими странами мира, что позволит проводить более гибкую внешнюю политику, соответствующую национальным интересам страны. Министр говорил о необходимости «повернуться лицом к Азии», так как Филиппины следовали курсу американской внешней политики в ущерб установлению и развитию политических, экономических и культурных связей с азиатскими странами «третьего мира». (В декабре 1971 года Ромуло вынужден был заявить: «Сколько бы мы ни отрицали, мы все еще не сбросили облика страны — сателлита, клиента США».) Путь к этому — более активное сотрудничество с азиатскими странами во всемирных и региональных организациях. Министр заявил также, что все труднее становится оправдывать существование американских военных баз на филиппинской территории, сохранение прежних военных соглашений, которые «слишком негибки и не соответствуют изменяющимся обстоятельствам», а потому следует «либо сократить срок действия этих соглашений, либо вообще покончить с ними».

Далее Карлос П. Ромуло поднял вопрос о пересмотре прежнего негативного отношения к проблеме установления контактов с социалистическими странами. Министр подчеркнул, что это необходимо сделать,

«если мы намерены начать действовать с достоинством и хотим проводить свободный и независимый курс дружбы и сотрудничества». В связи с этим одна из важнейших целей филиппинской внешней политики сформулирована министром как «разрушение оград, которые мы позволили воздвигнуть вокруг нас и тем самым позволили урезать нашу свободу до того, что торговый и культурный обмен осуществлялся только с ограниченным числом стран, а наши идеи и наши устремления определялись из одного источника». Чтобы не оставить места сомнениям, Ромуло разъяснил, что он имеет в виду «прямые нарушения филиппинского суверенитета», такие, как поправка к конституции «о равных правах, соглашения о базах и другие».

Однако такие ширококвещательные декларации часто сопровождаются заявлениями прямо противоположного свойства. Так, в марте 1971 года Маркос заявил, что «присутствие США в этом районе мира (в Юго-Восточной Азии.— *И. К.*) жизненно необходимо для обеспечения региональной безопасности». Сам же Ромуло неоднократно призывал к осторожности в решении вопроса об американских военных базах. Таким образом, налицо явная непоследовательность, в чем, несомненно, сказывается зависимость от США, поскольку филиппинские правящие круги не считают возможным твердо и решительно отказаться от следования американскому внешнеполитическому курсу.

Такая непоследовательность объясняется и некоторыми внутренними факторами, действие которых особенно сказывается в вопросе о нормализации отношений между Филиппинами и странами социалистического лагеря. Речь идет о борьбе между компрадорской и национальной буржуазией, последняя из которых испытывает сильную конкуренцию со стороны американского капитала. В связи с этим национальная буржуазия заинтересована в проведении независимой внешней

политики, в прекращении состояния изоляции и в установлении нормальных отношений с социалистическими странами, что укрепит ее позиции. В этом вопросе она находит поддержку общественного мнения страны, которое резко выступает против односторонней ориентации на США, против ненормального положения, при котором Филиппины являются единственным государством в Азии, не имеющим отношений с социалистическими странами. Руководящие деятели Манилы вынуждены учитывать эти настроения. В послании «О положении нации» президент заявил: «В области внешней политики установление торговых и дипломатических отношений с Советским Союзом и странами социалистического лагеря — это только вопрос времени». На выборах 1965 и 1969 годов Маркосу удалось одержать победу только благодаря тому, что он обещал провести внутри страны широкие реформы, занять более независимую позицию по отношению к США и покончить с внешнеполитической изоляцией.

В то же время компрадорская часть буржуазии, позиции которой все еще сильны, выступает за сохранение прежнего курса во внешней политике. В этом вопросе с ней смыкаются маонисты, которые выступают против всяких — даже культурных — контактов Филиппин с социалистическими странами. Их провокационная деятельность отнюдь не способствует укреплению сил, которые на первое место выдвигают борьбу за интересы трудящихся, за правильно понятые национальные интересы. Не брезгуя денежными подачками от правых кругов, они выступают с нападками на КПФ и страны социалистического лагеря. Реакция использует провокации маонистов для оправдания жестоких методов подавления выступлений трудящихся.

Действие всех этих факторов сказалось на промежуточных выборах 8 ноября 1971 года, когда избиралась треть сенаторов (8 из 24), 66 губернаторов всех филиппинских про-

винций и 16 тыс. должностных лиц низших уровней администрации. Правящая партия националистов, к которой принадлежит президент, в качестве основного предвыборного лозунга выдвинула борьбу с коммунизмом внутри страны. Ее кандидаты шли на выборы под лозунгом «Пусть нация будет бдительна», имея в виду пресловутую коммунистическую угрозу. Разумеется, в этих условиях нельзя было ожидать, что администрация президента Маркоса пойдет на установление отношений с социалистическими странами, поскольку ее позиция находилась в резком противоречии с предыдущими заявлениями представителей правительства и свидетельствовала о том, что она не в состоянии противостоять давлению правых сил.

Убедившись в том, что в политике Маркоса наметился крен вправо и его администрация дезориентирует общественное мнение, филиппинский избиратель выразил свое несогласие с подобным курсом. Исход выборов показал, что даже в условиях, осложненных действиями маоистов, лозунг антикоммунизма не пользуется популярностью на Филиппинах. 6 из 8 сенаторских мест получила оппозиционная либеральная партия. Хотя большинство в сенате сохранилось за националистами, а на выборах губернаторов и других должностных лиц Маркосу удалось в основном провести своих кандидатов, внутри страны и за рубежом итоги выборов расцениваются как его поражение. Маркос и сам отчасти признал это, заявив, что выборы продемонстрировали стремление филиппинцев к реформам, и призвал оппозицию к сотрудничеству.

Анализ результатов выборов говорит о том, что в современных условиях ставка на антикоммунизм на Филиппинах не приносит успеха, что, видимо, наступила пора проведения внутри страны определенных реформ, необходимость которых признал сам президент, и что в области внешней политики больше невоз-

можно игнорировать существование почти половины мира.

Это понимают многие политические и государственные деятели Филиппин, в том числе и далекие от левых кругов. Те из них, которые посетили социалистические страны, неизменно высказываются за прекращение внешнеполитической изоляции. Показательно в этом отношении заявление председателя сената Филиппин Х. Пуйата, побывавшего в СССР и других странах социалистического содружества в сентябре—октябре 1971 года: «Международные события развиваются так быстро, что отношения между нашими странами должны непрерывно приводиться в соответствие с этим развитием. По всей вероятности, мы не можем больше и впредь придерживаться политики изоляции, в то время как другие страны свободно обмениваются товарами и идеями».

Президент Маркос является первым президентом, при котором начались контакты между Филиппинами и социалистическими странами. Многие политические, государственные и общественные деятели Филиппин побывали в Советском Союзе и других социалистических странах; в свою очередь делегации этих стран посетили Филиппины. Такие контакты неизменно проходят в теплой, дружественной атмосфере. Не вызывает сомнений, что осуществление независимого внешнеполитического курса предполагает установление отношений с более широким кругом стран, в том числе и социалистических. От отсутствия этих отношений страдают прежде всего Филиппины, поскольку их односторонняя ориентация на США создает серьезные трудности для филиппинской экономики и торговли, наносит большой вред внешней политике.

Эта объективная необходимость перемен во внешнеполитическом курсе страны привела в начале 1972 года к тому, что в «стене отчуждения» Филиппин от социалистических государств появилась брешь — Совет по внешней полити-

ке рекомендовал правительству страны установить отношения с Югославией и Румынией. Президент Маркос 24 января заявил в конгрессе, что это нужно рассматривать как первый шаг. Он выразил надежду, что до окончания срока его пребывания на посту президента в 1973 году между Филиппинами и Советским Союзом будут установлены от-

ношения на твердой основе.

Нормализация отношений Филиппин со странами социалистического содружества, несомненно, будет способствовать оздоровлению обстановки в Юго-Восточной Азии, укреплению международного положения Филиппин, повышению их политического престижа и их роли среди стран «третьего мира».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Маоизм в теоретическом облачении

Н. Г. Сенин,

доктор философских наук

Уже второй век марксизм ведет борьбу с различного рода идейными противниками: прудонистами, лассальянцами, бакунистами, народничеством, бернштейнством, анархизмом, каутскианством, «левым» коммунизмом, троцкизмом. С конца 50-х годов международное коммунистическое движение столкнулось с новым ревизионистским идейно-политическим течением — маоизмом, реакционным, мелкобуржуазным идейно-политическим течением, являющимся разновидностью «левого» ревизионизма.

С появлением в Китае марксизма-ленинизма и быстрым ростом его влияния на массы, часть приверженцев мелкобуржуазного социализма — группа интернационалистов — перешла на сторону научного социализма; однако другая часть — группа националистически настроенных политических деятелей — только прикрылась знаменем научного социализма, а на деле оставалась враждебной ему. К последней группе относятся Мао Цзэ-дун и его сторонники.

Социальную опору маоизма внутри страны составляют главным образом непролетарские, мелкобуржуазные и в значительной степени деклассированные элементы, одураченные националистической пропагандой и социальной демагогией. Претендуя на роль идеологии трудящихся масс, маоизм как в теории, так и на практике противоречит кровным интересам самых широких слоев рабочего класса, трудового крестьянства и всех трудящихся. Как показал опыт революционного движения китайского народа и первых лет строительства социализма, китайское крестьянство в ходе переустройства жизни на социалистических началах способ-

но идти за рабочим классом, а рабочий класс способен возглавить это движение, однако авантюристическая политика маоистов вела и ведет к подрыву единства рабочего класса и крестьянства, создает угрозу потери социалистических завоеваний китайского народа.

Национализм, великодержавный шовинизм, как наиболее характерные черты маоизма, вылились в откровенный и разнузданный антисоветизм, на почве которого маоисты смыкаются с международным антикоммунизмом.

В международной коммунистической прессе опубликовано немало статей с критикой идейно-политической платформы группы Мао Цзэ-дуна с марксистско-ленинских позиций. В нашей стране за последние годы также вышел ряд обстоятельных работ, раскрывающих с различных сторон сущность маоизма. Среди них обращает на себя внимание коллективный труд «Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна»¹. В этом труде содержится критический анализ маоистской философии, маоистской концепции классовой борьбы, «культурной революции»; раскрывается ревизионистская сущность маоистского толкования проблем пролетарской революции, войны и мира, соотношения политики и экономики; показывается противоположность позиций марксизма и маоизма в вопросах государства и пролетарской законности; вскрывается несостоятельность попыток группы Мао Цзэ-дуна под лозунгом пролетарского интернационализма протолкнуть концепцию великоханьского шовинизма и гегемонизма.

Критика «идей» Мао Цзэ-дуна ведется авторами книги по четырем линиям. Первая — выяснение их теоретических и социальных корней. Вторая — сопоставление с принципами марксизма-ленинизма. Третья — выявление их политической направленности. Четвертая — рассмотрение их под углом зрения маоистской практики. Такой подход позволяет увидеть не только антимарксистскую сущность теоретической позиции, но и пагубные последствия всей линии поведения группы Мао Цзэ-дуна, опирающейся на эту теоретическую позицию.

Китайская пропаганда стремится представить «идеи» Мао в качестве цельного ре-

¹ «Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна», под отв. ред. Ф. В. Константинова и М. И. Сладковского, М., 1970, стр. 293.

волюционного учения, в котором будто бы даны ответы на все злободневные вопросы современности. На самом деле взгляды Мао Цзэ-дуня, как это убедительно показано в книге, — конгломерат различных идей: от традиционных китайских учений до анархизма и троцкизма.

В книге вскрывается полная беспочвенность претензий Мао Цзэ-дуня на причастность его «идей» к марксизму. Высказывания Мао Цзэ-дуня насыщены марксистской фразеологией, которая используется для прикрытия явно мелкобуржуазных взглядов. Марксизма Мао Цзэ-дун никогда не понимал и не принимал. Он всегда смотрел на него как на «заморское учение».

Мао Цзэ-дун претендует на то, что он-де развил дальше марксистскую диалектику, в частности учение о диалектическом противоречии. Но что в действительности представляет собой маоистская концепция противоречия? В книге дан конкретный ответ: это всего лишь традиционные китайские представления о противоречивости мира, подновленные примерами из современной жизни и облаченные в марксистскую терминологию.

Мыслители древнего Китая, да и не только Китая, а всего Востока и античной Греции, в наивной форме выражали свои представления о мире, отмечая такие противоположности, как светлое и темное, мужское и женское, холодное и горячее, прямое и кривое, мягкое и твердое, война и мир и т. п. Противоположности, как видим, брались древними мыслителями в статическом состоянии, вне движения. Поэтому и развитие в природе понималось ими как простое сочетание противоположных сторон и перемещение их по отношению друг к другу. Такие представления прошли через всю историю китайской философии, вплоть до начала нашего века. Мао Цзэ-дун не смог, по существу, преодолеть этих представлений.

Вот как он формулирует свое понимание взаимодействия противоположностей: «Без жизни нет смерти; без смерти нет жизни. Без верха нет низа; без низа нет верха. Без беды нет счастья; без счастья нет беды. Без легкого нет трудного; без трудного нет легкого» и т. д. и т. п.²

Развитие понимается Мао Цзэ-дуном как взаимное превращение противоположностей. «Каждая из присущих явлению двух противоречивых сторон, — говорит он, — в определенных условиях превращается в свою противоположность, переходит в то положение, которое занимает противостоящая ей сторона»³.

Мао Цзэ-дун иллюстрирует свои рассуждения следующим примером: «Через революцию пролетариат из подчиненного класса превращается в господствующий, а господствовавшая до этого буржуазия превраща-

ется в подчиненный класс, переходит на положение, которое занимал ее антипод»⁴.

Подобная «диалектика», как правильно отмечают авторы книги, ничего общего с марксизмом не имеет. Это самая настоящая вульгаризация материалистической диалектики, извращение ее сути.

Согласно марксизму-ленинизму, социалистическая революция не сменяет у власти один эксплуататорский класс другим подобно тому, как это происходит при буржуазной революции, не сохраняет классовую противоположность, переставляя лишь местами господствующий и подчиненный классы, как полагает Мао Цзэ-дун, а устраняет классовую эксплуатацию вообще, ликвидирует в корне противоположность классов. Социалистическая революция, отмечал Маркс еще на раннем этапе своей деятельности, ликвидирует не только буржуазию как класс, но и пролетариат как лишенный средств производства класс. «С победой пролетариата, — говорил он, — исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность — частная собственность»⁵.

Этот действительно диалектико-материалистический подход к проблеме классовых изменений в процессе социалистической революции ничего общего не имеет с вульгарно-механистическим подходом Мао Цзэ-дуня.

Мао Цзэ-дун извращает также марксистское учение о типах социальных противоречий. Антагонистические и неантагонистические противоречия он подменяет «противоречиями между нами и нашими врагами» и «противоречиями внутри народа», причем оба типа противоречий Мао Цзэ-дун относит к социалистическому обществу.

Авторы правильно отмечают, что маоистская «диалектика», как в целом и вся его философия, носит утилитарно-прагматический характер и используется для оправдания его политических акций. Если, к примеру, «народ» и «враги» выступают в качестве противоположных сторон противоречия, то по схеме Мао Цзэ-дуня: «без народа нет врагов; без врагов нет народа», «враги» превращаются в постоянных и вечных спутников народа. Аналогично положение в рассуждениях Мао Цзэ-дуня о войне и мире. Если «мир сменяется войной, война — миром», «без мира нет войны, без войны нет мира», то война — вечный спутник развития человечества. Необходимость наличия «врагов» в социалистическом обществе и неизбежность мировой войны, таким образом, постулируются в маоистской философии.

К «философским» взглядам Мао Цзэ-дуня примыкает и его концепция классовой борьбы. Теоретически и практически давно доказано, что классовая борьба — объективный процесс. Она происходит в обществе с антагонистическими классами вплоть до

² Мао Цзэ-дун, Избр. произв., т. 2, стр. 452.

³ Там же, стр. 453.

⁴ Мао Цзэ-дун, Избр. произв., т. 2, стр. 453.

⁵ Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 39.

завоевания пролетариатом политической власти — диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата необходима рабочему классу на переходный период от капиталистического общества к социалистическому обществу, в течение которого ликвидируются классы: эксплуататоров и эксплуатируемых. В период своей диктатуры рабочий класс продолжает классовую борьбу как против оставшихся еще враждебных классов, так и против сил и традиций старого общества, но ведет ее в иных формах и иными средствами, чем раньше. С построением социалистического общества — первой фазы коммунизма — классовая борьба в нем прекращается, уступая место действию других объективных закономерностей.

Мао Цзэ-дун, как показывают авторы рецензируемой книги, извращает марксистско-ленинское учение о классовой борьбе. Он отрицает социализм как первую фазу коммунизма и истолковывает переходный период таким образом, что он включает в себя и социализм. Отсюда делаются попытки распространить одну из главных закономерностей переходного периода — классовую борьбу — на весь период от установления диктатуры пролетариата до полного построения коммунизма. Характерно, что длительность переходного периода Мао Цзэ-дун определяет в двести-триста лет. Весь этот период, с его точки зрения, заполнен «непрерывной революцией», волнообразным и зигзагообразным ходом классовой борьбы.

Расширяя рамки переходного периода вплоть до второй фазы коммунизма, Мао Цзэ-дун отказывается видеть принципиальное различие между закономерностями переходного периода от капитализма к социализму, когда решается вопрос «кто кого», и закономерностями построенного социалистического общества, на базе которого осуществляется постепенный переход ко второй фазе коммунизма. Он стирает грань между антагонистическими и неантагонистическими противоречиями и, по существу, выдвигает единственный метод разрешения социальных противоречий — насилие. Этим и объясняется, что после провала политики «большого скачка» и «народных коммун» маоисты стали делать упор в своей внутренней политике не на развитие производства с целью повышения жизненного уровня населения, а на искусственное разжигание классовой борьбы, на организацию одной за другой массовых кампаний по выявлению и уничтожению «классовых врагов».

Авторы отмечают, что если в последнее десятилетие группа Мао Цзэ-дуна под предлогом классовой борьбы разрушила весь существовавший партийный аппарат, ликвидировала конституционные органы власти, разгромила профсоюзы и все общественные организации, объединявшие трудящихся страны, то действительный классовый праг рабочих — национальная буржуазия оказалась нетронутой. За последние 15 лет в китайской печати не появлялось сообщений о

подрывной деятельности национальной буржуазии, не публиковалось призывов борьбы с ней. Между тем, как свидетельствует иностранная пресса, китайская буржуазия является посредником по поставкам в Китай крупных валютных средств. Не случайно, что китайские власти несколько лет тому назад с распростертыми объятиями встретили возвратившегося из эмиграции в США представителя бюрократической буржуазии, бывшего вице-президента гоминьдановского Китая, махрового реакционера Ли Цзун-жэня, а затем устроили ему пышные похороны.

В книге показывается, что под демагогическим прикрытием «линии масс» маоисты чинят произвол и насилие, нарушают социалистическую демократию и законность. Безудержная апология культа личности, жестокие самосуды и линчевания на площадях и стадионах тех, кто в какой-то мере высказывает свое несогласие с политической линией группы Мао Цзэ-дуна, — все это находит свое теоретическое оправдание в «классовой линии», в лозунгах и призывах «политика прежде всего», «всегда, везде и во всем слушаться председателя Мао Цзэ-дуна, выполнять его указания».

Функцию государства «диктатуры пролетариата» маоисты видят только в карательных мерах. Армия превращена из орудия защиты завоеваний народа от внешних врагов в рычаг «военного контроля» внутри страны, в орган «усмирения» всякого недовольства политикой правящей группы.

Определенное место в книге отведено вопросам внешней политики Китая. Лицемерный характер этой политики заключается в том, что на словах маоисты выдают себя за непримиримых борцов против империализма, а на деле всячески заигрывают с империалистическими державами, совершают с ними различные закулисные сделки.

Начиная с 1960 года китайское руководство стало переориентироваться в своей внешней торговле на капиталистические страны, сокращая до минимума торговые отношения с социалистическими странами. В результате этой политики в 1968—1969 годах доля не социалистических стран во внешней торговле Китая возросла до 75% (из которых 50% товарооборота приходилось на крупные капиталистические страны), в то время как удельный вес социалистических стран снизился до 25% от всего оборота.

Изменение внешнеэкономической ориентации было продиктовано, как отмечают авторы книги, политическими соображениями, связанными с националистическими, гегемонистскими установками китайского руководства, его стремлением играть на противоречиях между капитализмом и социализмом с целью извлечения для себя наибольших выгод.

Пекинские руководители не гнушаются никакими средствами, чтобы дискредитировать Советский Союз, его внутреннюю и внешнюю политику. Они ведут безудержную

антисоветскую пропаганду в Китае и злобно клеветают на Советский Союз в своей внешнеполитической пропаганде. Для маскировки своих целей они ставят Советский Союз в один ряд с душителями национально-освободительного движения — Соединенными Штатами Америки — и призывают к созданию «широкого единого фронта народов» против США и СССР, а на деле — только против СССР.

Что же выдвигается в качестве «теоретической основы» такой внешней политики Пекина? Фактически, кроме фальшивых заявлений о поддержке освободительной борьбы народов, выдвинут только лишенный классового содержания тезис о двух «сверхдержавах» — США и СССР, которые якобы вступили в тайный сговор об установлении господства над миром. Однако если два-три года тому назад еще были заблуждавшиеся люди, которые принимали всерьез заверения пекинских руководителей об их «решительной антиимпериалистической позиции», то в последнее время их число значительно убавилось. «Пингпонговая дипломатия» Пекина с Вашингтоном и откровенная солидарность пекинского делегата в ООН, заменившего чанкайшиста, с позицией американского делегата по всем злободневным вопросам международных отношений изба-

вили многих от иллюзий. Антисоветизм как стержень внешней политики Пекина стал очевиден для всех.

Нужно ли тратить серьезные усилия на разоблачение этой теоретической платформы маоизма, если в основе ее лежат явно антинаучные, вульгарные и схематичные взгляды Мао Цзэ-дуна? — спрашивают авторы книги. И отвечают: нужно и целесообразно, ибо маоисты своей теорией и практикой дискредитируют идеалы социализма и коммунизма. Мелкобуржуазный революционаризм, присущий этим взглядам, оказывает воздействие на мелкобуржуазную среду как в самом Китае, так и за его пределами, особенно в развивающихся странах. Маоизм в своем теоретическом облачении и на практике позволяет антикоммунизму активизировать свою деятельность. Он служит хорошим подспорьем империалистической пропаганде в ее борьбе против социализма, демократии и мира.

В заключение следует отметить, что книга не претендует на обстоятельное решение всех проблем, связанных с маоизмом. Авторы ограничились целью проанализировать с позиций марксизма-ленинизма лишь некоторые стороны «идей Мао Цзэ-дуна». Думается, что этот замысел ими успешно выполнен.

Южная Корея и США¹

В. Б. Воронцов

кандидат исторических наук

Недавно вышедшая из печати книга В. М. Мазурова посвящена анализу важнейших событий во взаимоотношениях между Вашингтоном и Сеулом с 1950 по 1970 год. Актуальность предпринятого исследования не вызывает сомнений. Южная Корея в послевоенные годы стала важнейшим звеном в дальневосточной стратегии США, направляющей свое острие против сил социализма и национально-освободительных движений. США, преследуя интересы глобального противоборства с силами социализма, впервые в послевоенные годы вступили в Корею на путь открытой вооруженной агрессии. Они создали на корейской земле один из важнейших опорных пунктов своей военно-стратегической системы в Азии и превратили Сеул в поставщика солдат для своих агрессивных акций против вьетнамского народа, в инициатора и вдохновителя военно-политических блоков.

Автор вполне правомерно стремится показать взаимоотношения между Вашингтоном и Сеулом на широком фоне борьбы сил социализма и империализма, развития международных отношений на Дальнем Востоке. В центре внимания автора такие проблемы, как интервенция США против корейского народа и ее провал, крушение лисынмановского правления, установление военной диктатуры в Сеуле, создание японо-южнокорейского союза и использование Вашингтоном Южной Кореи в качестве опорного пункта

американской военно-стратегической системы в Азии.

Важное место в монографии отводится рассмотрению американской агрессии в Корее, в основе которой лежали намерения США добиться изоляции КНДР от содружества социалистических стран, ликвидации тех завоеваний народа Корейской Народно-Демократической Республики, которые стали возможны после освобождения Кореи Советской Армией в 1945 году. На богатом фактологическом материале автор книги показывает несостоятельность такого рода расчетов американских стратегов. Агрессоры натолкнулись на решительный отпор корейского народа, на единый фронт солидарности социалистических стран с борьбой корейского народа против американских захватчиков. Американские политики вынуждены были тогда в своей дальневосточной стратегии учитывать такой важный фактор, как сотрудничество советского и китайского народов. Они хорошо понимали, что расширение военных действий на основе плана Макартура, предполагавшего блокаду Китая, бомбардировку территорий севернее реки Ялуцзян, использование войск Чан Кай-ши и другие агрессивные акции, приведет к прямому столкновению с единым фронтом социалистических стран (стр. 42—43). Этот вывод автора, особенно если его рассматривать в свете событий, связанных с агрессией США в Индокитае, имеет особую актуальность, так как опыт корейской войны подтвердил огромное значение принципа интернационализма и солидарности народов социалистических стран в антиимпериалистической борьбе.

Значительное место в монографии автор отводит анализу причин кризиса правящей лисынмановской верхушки в Южной Корее и рассматривает государственный переворот в мае 1961 года и приход к власти Пак Чжон Хи как логическое завершение этого кризиса. В отличие от предыдущих работ, посвященных этим проблемам, в монографии дана развернутая характеристика социального состава участников апрельского восстания в Южной Корее в 1960 году. Предшественники автора в нашей исторической литературе выделяли в апрельском восстании прежде всего роль молодежи и студенчества. В. М. Мазуров идет дальше. Он показывает мелкую городскую буржуазию как активного участника восстания и связывает с этим ограниченность и противоречивость целей антиправительственного движе-

¹ В. М. Мазуров, Южная Корея и США (1950—1970), «Наука», М., 1971.

ния, глашатаи которого предпочитали действовать с позиций реформизма, нежели отстаивать задачи коренного революционного переустройства общества.

Рассматривая причины государственного переворота, автор справедливо обращается к политической платформе Ли Сын Мана. Южнокорейский диктатор не хотел считаться с реальным положением на Корейском полуострове, рассматривал общественный строй КНДР как временное, преходящее явление, исходил из неизбежности военного столкновения между СССР и США и был одержим идеей «похода на север». Эта антинациональная политика, как отмечается в работе, породившая острые экономические проблемы, взрастившая милитаризм и антикоммунистическую истерию, провалилась, обернувшись против ее творца.

Интересными в работе представляются страницы, посвященные становлению режима военной хунты, мероприятиям Вашингтона, направленным на обновление фасада сеульской власти, чтобы придать ей форму гражданского правления.

Автор внимательно подходит к проблеме американско-японского союза, к ее политическому аспекту и показывает место Южной Кореи в общей системе этого союза.

Приводимые в книге конкретные материалы позволяют читателю проследить эволюцию дальневосточной стратегии США, ее направления и цели в северо-западной части Тихого океана. В начале 50-х годов Вашингтон, используя полную зависимость Японии от США, рассматривал своего основного тихоокеанского союзника в качестве тыловой базы для осуществления собственной военно-политической стратегии. Как признают сами американские политики, без Японии США вряд ли могли осуществлять эффективные военные действия на территории Кореи. Сотрудничество правящих кругов США и Японии в период агрессии против корейского народа подготовило почву для окончательного оформления американско-японского союза. 8 сентября 1951 года, т. е. в самый разгар корейской войны, между США и Японией был заключен мирный договор и так называемый «договор безопасности».

В 60-х годах американские политики придают особое значение, как это подчеркивает автор, координации усилий Токио и Сеула в рамках своей дальневосточной военно-политической стратегии. Реализация этих планов зависела от урегулирования взаимоотношений между Японией и Южной Кореей, которые были не столь гладкими после второй мировой войны. В книге Мазурова они подробно разбираются. К центробежным тенденциям, действовавшим в японо-южнокорейских отношениях, автор относит: антияпонские настроения среди корейского населения, дискуссии вокруг проблемы японской собственности в Кореи, проблемы рыболовства и другие вопросы, вызывавшие острые междоусобные споры.

США, опираясь на реакционные круги Токио и Сеула, стремились придать японо-

южнокорейскому сближению четко выраженную антикоммунистическую направленность. Оформление в 1965 году японо-южнокорейского договора повлекло за собой целую серию совместных мероприятий Сеула и Токио по расширению сотрудничества Японии и Южной Кореи в военно-политической и экономической областях.

Проследивая основные события американско-японских отношений, автор подходит вплотную к переговорам Э. Сато и Никсона в ноябре 1969 года. В результате этих переговоров Япония декларировала, в частности, о своем обязательстве по обеспечению «безопасности» Южной Кореи. Сеульские же власти со своей стороны направили в Токио документ «Проблемы безопасности Корейской республики в 70-е годы» с призывом к японскому правительству «усилить систему военного сотрудничества» между Японией и Южной Кореей. Эти и другие факты логически привели автора к выводу о том, что японо-американскому договору было придано широкое агрессивное содержание.

К достоинству работы следует отнести и то, что ей, как, впрочем, и другим книгам В. М. Мазурова, присуща полемичность. Автор, обращаясь к конкретному историческому материалу, изобличает идеологов США и Южной Кореи, пытающихся набросить тогу миролюбия на авантюристическую политику Вашингтона в Азии. Автор, например, до конца разоблачает выдвинутую американской и южнокорейской пропагандой легенду о том, что будто бы сеульские соучастники американской агрессии в Индокитае являются «бескорыстными» борцами «за демократию и свободу».

Читатель познакомится в книге с мемуарным Брауна, посла США в Южной Корее. Согласно этому документу, участие южнокорейских войск в агрессии против вьетнамского народа обуславливается американскими подачками. «Пушечное мясо», подчеркивает автор, Вашингтон оплачивал не только долларами, но и поставками в Сеул современного военного снаряжения. За свое содействие Соединенным Штатам в агрессии во Вьетнаме Сеул с 1966 по 1969 год получил свыше полумиллиарда долларов. Война во Вьетнаме принесла заправкам южнокорейского бизнеса и бюрократической верхушке дополнительные прибыли. Правительство США размещало в Южной Корее военные заказы, производило закупки различных материалов для американской армии. А народ Южной Кореи расплачивался за авантюризм сеульских политиков жизнями своих солдат.

Дипломатическая активность Южной Кореи и роль последней в империалистической дипломатии в Азии не нашла, к сожалению, достойного отражения в книге. Автор, правда, останавливается на активной дипломатической деятельности Сеула в рамках АЗПАК, но ограничивается лишь констатацией факта. Сеул, как известно, шел всегда в первых рядах антикоммунистического фронта в Азии, активно отстаивал идеи во-

енно-политического сотрудничества азиатских государств на антикоммунистической основе. Вспомним хотя бы выступления Лисинмановцев в пользу создания тихоокеанского союза по типу НАТО, их деятельность в антикоммунистической Лиге народов Азии и другие шаги дипломатии Сеула, которые привели Южную Корею к полной ее политической изоляции в период Бандунга. Однако уроки прошлого Сеулу не пошли впрок. Он и сейчас рьяно выступает за создание нового регионального объединения военного характера, за превращение АЗПАК в ярко выраженный военно-политический блок. Такая позиция Сеула находит широкое понимание в США, которые стремятся, как известно, значительную долю обязательств по защите и упрочению капиталистических по-

рядков в Азии переложить на своих азиатских союзников. Но как показали последние сессии АЗПАК, позиции Южной Кореи и США по данному вопросу не встречают поддержки других союзников по блоку, и прежде всего Японии. Они не желают играть роль буфера между США и Китаем. Эти проблемы, конечно, ждут более глубокого изучения, особенно в свете новой «китайской» политики Вашингтона.

В работе есть и другие недостатки, но они отнюдь не умаляют значения вышедшего труда. Книга В. М. Мазурова «Южная Корея и США», несомненно, вызовет интерес у читателя; она принесет пользу научным работникам и нашим пропагандистским кадрам, занимающимся проблемами международных отношений на Дальнем Востоке.

Дж. Сервис. О некоторых проблемах истории американо-китайских отношений

В. Б. Орлов

В 1971 году в США вышла в свет книга бывшего американского дипломата Дж. Стюарта Сервиса ¹ «Документы Американо-китайских отношений» ². Выход в свет книги во многом связан с развернувшейся в США дискуссией вокруг проблем взаимоотношений США с КНР. Автор выступает от лица тех кругов в США, которые стремятся обеспечить благоприятный политический климат для нормализации американо-китайских отношений, укрепить позицию сторонников нормализации у себя в стране и в среде правящих кругов союзных с США стран.

Формальным поводом для публикации работы Дж. Сервиса послужило издание в 1970 году в США объемистых томов документов под редакцией профессора Кьюбека, касающихся истории американской политики в Китае ³.

¹ Дж. Сервис был в Китае сначала в штате генерального консульства США в Шанхае, затем занимал пост третьего секретаря американского посольства в Чунцине, со специальными заданиями посещал Яньань, где встречался с Мао Цзэ-дунем и другими членами руководства КПК.

² John S. Service, *The Amerasia papers, Some problems in the History of U. S.-China Relations*, W., 1971.

³ *The Amerasia papers: A clue to the Catastrophe of China*, Vols. 1—2, prepared by the subcommittee to investigate the administration of the internal security act and other internal security laws of the committee on the Fudiciary United States Senate, W., 1970.

Первая часть издания документов, вышедших под редакцией Кьюбека, содержит сотни официальных материалов, отражающих историю дальневосточной политики правительства США в последние месяцы второй мировой войны.

Вторая его часть освещает дискуссионное дело журнала либерального толка «Америкейша», или «дело шестерых», как его называла американская пресса в 1945 году, когда ряд сотрудников «Америкейша» и лица, связанные с ним, были внезапно арестованы по обвинению в шпионаже и разглашении государственной тайны. В числе «шестерки» был и Дж. Сервис.

Третья часть представляет анализ документов, которые были написаны в 1943—1945 годах в качестве официальных докладов Джоном Стюартом Сервисом. Каким образом документы эти были обнаружены? Почему к ним обратились вновь спустя двадцать пять лет? Такого рода вопросы отнюдь не случайно были обращены к Дж. Сервису.

Возник спор. Однако он касался не столько вопроса, каким путем были добыты опубликованные документы, сколько содержания материалов, преданных широкой гласности. Каждая сторона искала своего ответа на ставший довольно тривиальным для незадачливых американских политиков вопрос: почему США потеряли Китай? Оценки, которые даются проф. Кьюбеком в публикуемой документации «Америкейша пэйперз», призваны доказать справедливость дела Чан Кай-ши и целесообразность дальнейшего развития отношений США с КНР. Рецензируемая же книга Дж. Сервиса, напротив, имела целью обратить внимание на те большие надежды, которые возлагают в настоящее время правящие круги США на националистические силы в КПК.

Дж. Сервис для подтверждения возможности и целесообразности сотрудничества США с маоистскими силами в КПК приводит факты, призванные убедить читателя в том, что «китайский коммунизм» не является коммунизмом в подлинном значении этого слова, что поведение Мао Цзэ-дуна отражает его яркую приверженность к национализму, приведшую к антисоветским тенденциям в политике маоистского руководства КПК.

Свою точку зрения Дж. Сервис аргументирует ссылками на позицию руководства КПК в годы второй мировой войны, когда он посетил Яньань, куда по просьбе Мао

Цзэ-дуна была направлена «группа наблюдателей», состоявшая из американских офицеров и дипломатов, сопровождаемых американскими журналистами. В Яньани Дж. Сервис неоднократно встречался и беседовал с Мао Цзэ-дуном. Стали достоянием гласности интервью Сервиса с Мао Цзэ-дуном от 23 августа 1944 года, 13 марта и 1 апреля 1945 года. Дж. Сервис говорит, что ни у него, ни у его коллег не было тогда сомнений относительно национализма Мао, заявившего в одной из бесед с американцами: «Мы прежде всего китайцы». В отчетах об интервью с Мао, направляемых Дж. Сервисом в Вашингтон, особый акцент делался на отношение руководства КПК к США. В одном из интервью Мао Цзэ-дун прямо подчеркнул, что США и Китай связаны узлами взаимных симпатий и общих интересов, что Америка и Китай дополняют друг друга, что послевоенное развитие Китая невозможно без иностранных капиталовложений, что американцы найдут в Китае не только рынок сбыта, но и сферу приложения своего капитала.

Большое внимание в своей работе Дж. Сервис уделяет генералу Стилуэллу, командующему союзными силами на театре военных действий Китай — Бирма — Индия. История вражды между Чан Кай-ши и Стилуэллом давно уже привлекала внимание историков. Стилуэлл, как известно, действуя в интересах «большой стратегии» США, стремился объединить силы Китая в целях достижения победы над Японией и готов был привлечь к выполнению стоящих перед ним задач силы КПК. Чан Кай-ши саботировал предложения Стилуэлла и направлял свои лучшие силы на блокаду районов, которые находились под контролем КПК. Чан Кай-ши в споре со Стилуэллом одолел своего противника, но, как отмечает Дж. Сервис, это был последний шаг генералиссимуса дипломатический успех⁴.

После отставки Стилуэлла правящие круги США стали все больше отдаляться от идеи сотрудничества с националистическими силами в КПК. Это и понятно. После решающего перелома, происшедшего в ходе второй мировой войны благодаря победам Советского Союза над гитлеровской Германией, в политике правящих кругов США стали усиливаться тенденции, противоположные целям антифашистской коалиции. Эти тенденции ярко проявились в американской политике в период пребывания в Китае специального представителя президента США посла Хэрли, который прибыл в Чунцин в начале сентября 1944 года. Перед ним была поставлена задача поддержать Чан Кай-ши. Проект Хэрли предусматривал оказание ему как можно большей помощи, но и не исключал возможности достичь соглашения между Чан Кай-ши и КПК. Хэрли предполагал, что националистическое правительство Чан Кай-ши при мощной поддержке со стороны США все же сумеет поста-

вить вооруженные силы КПК под так называемое «объединенное командование», руководящую роль в котором, конечно, должны были играть гоминьдановские и американские офицеры. Им также предлагалось включить представителей КПК в правительство Чан Кай-ши на условиях, благоприятных для гоминьдана. В результате такой комбинации Хэрли рассчитывал создать правительство, названное в духе времени «коалиционным», единственным назначением которого была бы маскировка полного контроля в стане гоминьдановцев и их американских покровителей. Этот курс Дж. Сервис представляет не как отражение определенных тенденций во внешней политике США, а как результат просчетов самого генерала Хэрли. В чем же, по мнению автора, основная ошибка Хэрли?

В свое время Дж. Сервис выступал против решения китайской проблемы исключительно в американских интересах, но считал, что осуществление более «разумной» политики могло бы соответствовать далеко идущим намерениям США⁵. «Поддержка» Китая, считал Дж. Сервис, не идентична «поддержке генералиссимуса». Это различие, отмечается автором, генерал Хэрли так и не смог уяснить⁶.

В период пребывания Хэрли в Китае Дж. Сервис, отражая точку зрения американских либералов, полагал, что безоговорочная поддержка Чан Кай-ши сделает генералиссимуса еще более непримиримым и предотвратит его соглашение с руководством КПК. Он, безусловно, задумывался, и, может быть, не в меньшей степени, чем Хэрли, над перспективой создания коалиционного правительства с включением в него представителей КПК, однако с существенным дополнением — отправкой военного снаряжения Народно-освободительной армии. Это, по мнению американских либеральных деятелей, должно было способствовать укреплению политического контакта США с руководством КПК и изоляции китайских коммунистов от Советского Союза.

Теперь, спустя почти четверть века после этих событий, Дж. Сервис обвиняет Хэрли в активизации гражданской войны в Китае. Близорукое решение Хэрли, по мнению Дж. Сервиса, толкнули руководство КПК на союз с СССР, поскольку США связали себя с его врагом⁷. Поступи Хэрли иначе, отмечает Сервис в ретроспективном плане, отношения США с КНР строились бы если и не на тесной дружественной, союзнической основе (о чем, видимо, мечтал бывший дипломат), то во всяком случае на более лучших условиях, чем они были в послевоенные годы⁸.

Дж. Сервис вновь попытался убедить читателей, что США — друг Китая, утверждая, что порукой тому традиции американ-

⁵ J. S. Service, op. cit., p. 8.

⁶ Там же, стр. 81.

⁷ Там же, стр. 8.

⁸ Там же, стр. 95.

⁴ J. S. Service, op. cit., p. 66.

ской политики. Гордые воспоминания о неоколониалистской доктрине «открытых дверей» как о «благородном усилии обезопасить Китай от раздела великими державами» понадобились сегодня автору, как, впрочем, и многим другим его единомышленникам, для идейного обоснования нового курса в китайской политике США.

Деятельность Джона Стюарта Сервиса и других его соратников в Китае в годы второй мировой войны, предлагавших предпринять тщательное изучение возможности использования КПК в интересах США, вызвала бурю возмущения в среде вашингтонского лобби Чан Кай-ши и ретроградов американской политики. Именно поэтому он подвергался преследованиям в период маккартизма, последователи которого пытались убедить своих соотечественников, мировое общественное мнение в том, что правительство на Тайване — единственное законное правительство Китая, что место Китая в ООН — место Чан Кай-ши, что необходимо всячески препятствовать приему КНР в ООН.

Ясно, что в период, когда в политике руководства КПК преобладала интернационалистская линия и КНР шла в одном ряду с социалистическими странами, идеи активного заигрывания с националистическими силами в КПК — на чем, собственно, и настаивал Дж. Сервис — не находили поддержки в правящих кругах США. Но вот в 1970—1971 годах его имя снова оказывается в центре споров о путях «китайской» политики Вашингтона. Вряд ли следует удив-

ляться тому обстоятельству, что деятельность Дж. Сервиса выходит теперь далеко за рамки академических дискуссий. Премьер Чжоу Энь-лай, как сообщало агентство Синьхуа, принял в октябре 1971 года Дж. Сервиса и его супругу и имел с ними «дружескую» беседу. Дипломат, оторванный от политической жизни в течение почти 20 лет, предстает теперь перед членами сенатской комиссии по иностранным делам в почетной роли советника. Для улучшения американо-китайских отношений Дж. Сервис в настоящее время советует сенату, как и раньше, проявлять гибкость и предпринять ряд конкретных шагов, в частности: удалить ядерное оружие с острова Окинавы, вывести войска с Тайваня, ускорить процесс вывода США из Индокитая. Одна из рекомендаций Дж. Сервиса подчеркивает, что необходимо убедить китайцев в том, что США не собираются «сдерживать» Китай «агрессивным» путем. Пекин, утверждает Дж. Сервис, хочет нормализовать отношения с США отчасти для того, чтобы укрепить свои позиции против СССР.

Таким образом, издание книги Дж. Сервиса указывает на стремление идеологов США подвести теоретическую базу под новую китайскую политику Вашингтона, ориентирующуюся на националистические и великодержавные силы КПК. Сторонники нового подхода в США к китайской политике хотели бы скрыть от мировой общественности, китайского народа подлинные цели империалистической дипломатии, ее агрессивную сущность.

Рихард Зорге — журналист и востоковед

Д. М. Дубровский

член правления Общества «СССР—
Япония»

До последнего времени в нашей прессе Рихард Зорге предстал перед читателем как выдающийся советский разведчик¹. Но слишком мало о нем писалось как о талантливом ученом, глубоко и оригинально специалисте по странам Дальнего Востока. Поэтому не будет ошибкой сказать, что тема о Зорге, востоковеде, знатоке Китая и Японии, еще ожидает своей детальной и обобщающей разработки.

В связи с этим большой интерес представляет сборник работ Р. Зорге, изданный недавно Московским государственным университетом².

В книге представлено 35 статей, корреспонденций и рецензий, опубликованных Зорге в период с декабря 1921 по сентябрь 1941 года. Первые семь из них были написаны до того, как Зорге выехал на Восток; почти все они публиковались в журнале «Коммунистический Интернационал». В этих произведениях автор затрагивает разные вопросы: решения Вашингтонской конференции 1921—1922 годов и их влияние на Германию; характер возрождающегося германского империализма; позиции Второго Интернационала в отношении послевоенного

империализма (в частности, теория «сверхимпериализма» К. Каутского); американская «дипломатия доллара». Одна из статей касалась империалистической политики буржуазных государств на Дальнем Востоке. Последняя статья этого цикла — «Ленин как политик и человек».

Во всех своих работах Р. Зорге выступает как убежденный партийный журналист большого творческого темперамента, с яркими чертами научного исследователя. Это наглядно подтверждается и произведениями второго цикла, которые Р. Зорге вынужден был печатать в буржуазной прессе.

Насколько нам известно, первая работа на востоковедную тему, принадлежащая перу Зорге, появилась в журнале «Коммунистический Интернационал» № 1 за 1927 год. Это рецензия на книгу швейцарского социал-демократа Эрнеста Рейнгарда «Империалистическая политика на Дальнем Востоке». Зорге, отдавая должное автору за тщательно собранный фактический материал, камня на камне не оставляет от политических концепций Рейнгарда, проникнутых беспомощной нацифистской болтовней.

Касаясь этого периода пребывания Рихарда Зорге в Москве, английский писатель Ч. Уайтон пишет:

«Одним из увлечений Зорге в течение длительного времени был Дальний Восток. Внимательно следя за развитием событий в этом районе, он еще в 1929 году стал прекрасно разбираться во всех перипетиях японской политики»³.

Но тут было не только увлечение. В журналистской и исследовательской работе Р. Зорге видел свое призвание, руководствовался партийным долгом, поэтому ей он отдавал весь жар души, все свои творческие силы. Тот же Уайтон цитирует записки Зорге, составленные в тюремной камере; Зорге подчеркивает, что его работа в Китае и позднее в Японии «носила совершенно новый, оригинальный и к тому же творческий характер»⁴.

Зорге, опираясь на эту принципиальную позицию, строил свою защиту и защиту товарищей в японском суде, категорически отвергая предъявленное ему обвинение в нарушении японских законов об обеспечении

¹ М. Колесников, Таким был Рихард Зорге, Воениздат, М., 1965; Ю. Корольков, Человек, для которого не было тайн, Политиздат, М., 1965; С. Голяков и В. Понизовский, Рихард Зорге, «Молодая гвардия», М., 1965; Я. Горев, Я знал Зорге, Изд-во «Правда», М., 1964.

² «Рихард Зорге. Статьи, корреспонденции, рецензии». Составитель и автор вступительной статьи Ю. Я. Орлов. Изд-во Московского университета, 1971.

³ Чарльз Уайтон, «Величайшие разведчики мира», Лондон, 1962 (цит. по: «За рубежом», 26.IX.1964 г.).

⁴ Там же.

общественного порядка, государственной обороны и военной тайны⁵.

Прежде чем отправиться в Китай (1929 год), а позднее в Японию (1933 год), Зорге глубоко изучил проблемы Дальнего Востока во всех исторических и политико-экономических, а также культурных аспектах. Эта кропотливая работа не прекращалась вплоть до ареста Зорге и даже продолжалась в тюрьме, в ожидании смертной казни.

Я. Горев, хорошо знавший Зорге, свидетельствует:

«Его рабочий день был крайне напряженным. Он должен был прежде всего сочетать руководство разведывательной организацией с работой журналиста. Репутацию лучшего германского корреспондента на Дальнем Востоке нелегко было завоевать. Для этого нужно было беспрерывно расширять свои знания. Сам Зорге рассказывал, что он собирал в своей библиотеке, насчитывавшей от 800 до 1000 томов, все переводные издания японских книг, лучшие книги, написанные иностранцами о Дальнем Востоке. Рихард настойчиво изучал древнюю историю Японии — политическую и социально-экономическую. Зная историю Японии, было легче разобраться в современных политических и экономических проблемах страны»⁶.

Люди, общавшиеся с Зорге в Японии, подтверждают, что круг его интересов был необычайно широк. Он восхищался стихами из древней японской антологии «Манъёсю», изучал легендарный эпос «Кодзики» и старинное повествование «Гэндзи моногатари». Назначая конфиденциальные встречи своему помощнику по разведывательной деятельности художнику Мияги в помещениях различных выставок, Зорге часами мог беседовать с ним, обсуждая достоинства цветных гравюр знаменитого Хиросигэ.

Добавим к этому, что Зорге готовил материал к созданию книги об аграрном вопросе в Японии, а в момент ареста на столе Зорге лежала почти готовая рукопись — триста машинописных страниц, — посвященная истории Японии. Как правильно было отмечено в советской печати, все эти занятия отнюдь не были вынужденным камуфляжем, «крышей», а важнейшим слагаемым успеха Зорге-разведчика⁷.

Знакомясь со сборником публикаций Зорге, особенно поражаешься его умению использовать буржуазную прессу.

Именно здесь Зорге проявил себя как опытный мастер эзоповского языка, имея дело не только с полулиберальными органами типа «Франкфуртер цайтунг», но даже с такими оголтелыми изданиями фашистской

геополитики, каким являлся журнал «Цайтшрифт фюр геополитик», шефом которого был небезызвестный Карл Гаусхофер.

Многолетняя практика использования Рихардом Зорге органов печати фашистской Германии для пропаганды своих взглядов, касающихся ситуации на Дальнем Востоке, представляет исключительный интерес. Этой проблеме посвятили свою монографию ученые ГДР Ю. Мадер, Г. Штухлик и Х. Пенерт. Она называется «Д-р Зорге радирует из Токио». Составитель сборника «Рихард Зорге» Ю. Орлов, ссылаясь на труд трех немецких ученых, подчеркивает, что исследование политических, особенно экономических и социальных явлений японской действительности Зорге вел с марксистско-ленинских позиций, то есть с помощью того самого метода, которым он овладевал, сотрудничая в «Коммунистическом Интернационале». Об этом убедительно свидетельствуют сами его корреспонденции, несмотря на правку, которой они подвергались в Германии.

Во вступительной статье Ю. Орлова к сборнику упоминается такой примечательный факт. Один западногерманский диссертант, написавший исследование о газете «Франкфуртер цайтунг» 30—40-х годов, утверждает, что иногда под словом «Япония» в корреспонденциях Зорге следовало подразумевать «Германия» (стр. 20).

Здесь нет необходимости пересказывать содержание материалов Зорге, посвященных дальневосточным проблемам. Уже первая работа этого цикла — фундаментальная журнальная статья о японских вооруженных силах, опубликованная в 1935 году в «Цайтшрифт фюр геополитик», — дает представление о глубоком аналитическом подходе автора к различным проблемам. На основе тщательного изучения истории создания и дальнейшего развития японской армии и флота со времен буржуазной революции Мэйдзи Зорге всесторонне объяснил особую роль вооруженных сил во внутренней и внешней политике Японии. Это была сложная, подлинно исследовательская работа.

Дело в том, что незавершенная буржуазная революция 1868 года только открыла для отсталой Японии путь превращения ее в капиталистическую державу. Японский империализм еще долго отставал в экономическом и социально-политическом отношениях от США и западных капиталистических стран. Феодальные пережитки в стране коренились в наличии таких влиятельных факторов, как помещичье землевладение, консервация патриархальщины в общественном быту, архаичный дворянско-монархический государственный строй, господство военщины. Даже в 1916 году В. И. Ленин, характеризуя особенности японского империализма, отмечал, что в Японии монополия военной силы и особое удобство грабить Китай «отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала».

Учитывая все это, Зорге прежде всего исследует социальный состав японской ар-

⁵ С. Будкевич, Дело Зорге. Следствие и судебный процесс, Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», М., 1969.

⁶ Я. Горев, Я знал Зорге, Изд-во «Правда», М., 1964, стр. 31.

⁷ В. Олчанинков, Они знали Зорге, «Комсомольская правда», 11.X.1970 г.

мин; он подчеркивает, что в массе своей солдатский контингент рекрутировался из крестьян, а офицерский корпус — из бывшего самурайского сословия.

Естественно, что обе эти социальные группы были носителями определенных политических настроений, нередко входивших в противоречие с позициями государственной бюрократии и буржуазных парламентских партий. Такие настроения умело использовались идеологами фашистско-шовинистического толка под «антикапиталистическими» лозунгами. В свете этих обстоятельств становятся понятными, например, причины путча «молодого офицерства» в 1932 году (позднее он повторился в 1936 году).

Зная взрывную силу японской армии и особое место вооруженных сил в системе японского государства, Зорге предупреждал, что японская армия будет играть в грядущих политических изменениях решающую роль (стр. 63). Этот его вывод полностью подтвердился последующими событиями.

Читая материалы сборника, не перестаешь удивляться политической дальновидности Зорге. Вот его очередная статья для «Франкфуртер цайтунг» — по поводу событий у горы Чанкуфын (советско-японский пограничный конфликт в районе озера Хасан). Уже тогда, в сентябре 1938 года, Зорге предвидит, что Квантунская армия, «ухарство которой хорошо известно» (стр. 186), не удовлетворится полученным уроком, преподанным ей Красной Армией, и попытается взять реванш. «И то, что инцидент улажен, — предупреждает Зорге, — не дает ни малейшей гарантии, что послезавтра не начнется еще более резкое столкновение с еще более тяжелыми последствиями» (стр. 185).

Как мы знаем, вскоре такое новое столкновение Квантунская армия спровоцировала у реки Халхин-Гол, но оно закончилось полным поражением японских войск. Соответствующий отрезвляющий эффект халхингольских событий ощущался и в Токио. Чуткое ухо Зорге тотчас уловило это, и в октябре 1939 года он уже отмечал, что после перемирия на монгольско-маньчжурской границе, завершившего один из кровопролитнейших «инцидентов», в японо-русских отношениях начался некоторый поворот (стр. 205). Отныне, по мнению Зорге, в японской внешней политике начала возобладать тенденция считать главным врагом в Китае Англию, а в отношении Советского Союза искать «успокоения» (стр. 206).

Англо-американские политические стратегии, настойчиво готовившие «дальневосточный Мюнхен» и науськивавшие японских милитаристов на Советский Союз, потерпели фиаско. Поворот в японской внешней политике, сообщал Зорге в газету «Франкфуртер цайтунг» в ноябре 1940 года, следует характеризовать как важный корректив в курсе правительства Японии (стр. 213).

Зорге проследил эволюцию Японии от Халхин-Гола к пакту о нейтралитете, подписанному в Москве 13 апреля 1941 года.

А ведь для многих этот пакт явился полной неожиданностью! Временно пританцовывая на советских дальневосточных границах, японская военщина готовилась к Перл-Харбору.

И еще один пример политической прозорливости Рихарда Зорге. Пристально изучая обстановку в Японии, Зорге уже в ноябре 1938 года сумел вскрыть новый этап в подспудной эволюции, или, вернее, деградации, японских буржуазных и социал-демократической партий, наблюдавшейся одновременно с возрастанием роли фашистско-военного тоталитаризма. Он писал:

«...Уже готовится, хотя при поверхностном взгляде и с проволочками, оппортунистическая реформа парламентских партий, то есть объединение их в единственную правительственную партию, подлежащую влиянию Коноэ и вооруженных сил» (стр. 191).

Прогноз Зорге и на этот раз полностью оправдался. Прошло почти два года. В июле 1940 года «самораспустились» партии Сэйюкай и Сякай-тайсюто, а в августе того же года — Минсейто. Вместо них появилась на свет монархо-фашистская «объединенная» Ассоциация помощи трону.

Давая оценку Зорге как исследователю дальневосточных проблем, следует указать, что недостаточно изучены труды Зорге о Китае. Между тем известно, что именно с Китая Зорге начинал знакомство с Востоком. Здесь он установил сотрудничество с выдающимся японским китаеведом Хоцуми Одзакки. Будучи одним из участников «могзового треста» японского премьера Коноэ, консультантом головной японской монополии в Маньчжурии — Мантэцу (ЮМЖД) и авторитетным публицистом по вопросам Китая, Одзакки оказал громадные услуги Зорге в глубоком изучении и китайских и японских проблем.

Специально Китаю и японской политике в Китае посвящено три статьи из числа тех, которые включены в обзораемый сборник работ Зорге. В первой из них, озаглавленной «Помехи в экспансионистской политике. Япония в Северном Китае — успехи и препятствия» (июль 1937 г.), Зорге подчеркивает, что так называемый «японо-китайский инцидент» неизбежно перерастет в войну, так как японская военщина хочет закрепить существование марионеточного государства Маньчжоуго контролем над Северным Китаем, следовательно, для Японии «едва ли возможно какое-либо попятное движение». С другой стороны, несмотря на предшествующие военные поражения Китая, борьба далеко не окончена, ибо «внутреннее единение Китая и его вооруженность — две медленно, но отчетливо развивающиеся тенденции, перспективы которых начинают достигать Японии все больше забот, несмотря на ее перевес в силе...» (стр. 129—130). В таких вынужденно осторожных выражениях Зорге высказал свою веру в окончательную победу китайского народа над японским империализмом.

В статье «Новая эра в Восточной Азии» (ноябрь 1938 г.) Зорге анализирует обостре-

ние противоречий между Японией и западными империалистическими державами по ходу развития японской экспансии в Китае.

Незадолго до появления этой статьи Зорге совершил поездку в Гонконг и Кантон, результатом которой явились его путевые записки на тему «Гонконг и Юго-Западный Китай в японо-китайском конфликте» (стр. 153—179 сборника), опубликованные в немецком геополитическом журнале. Здесь рассматривается роль Гонконга и Юго-Запада Китая в войне сопротивления против японской агрессии как «второй линии» китайской обороны и возможные действия Японии в этом районе с учетом состояния англо-японских отношений.

Следует полагать, что еще далеко не все публикации Рихарда Зорге, не говоря уж о его рукописях, разысканы. Следовательно, собранный и опубликованный на русском языке материал, касающийся проблем Дальнего Востока, и в частности Китая, к сожалению, неполон.

Однако это ни в какой мере не умаляет

весьма своевременной инициативы Московского университета, в результате которой были найдены, переведены и изданы материалы Зорге, включенные в сборник. Надеемся, что начатая работа будет продолжена.

Огорчает другое. Крайне обидно, что из-за отсутствия компетентной востоковедной редакции переведенных с немецкого языка материалов текст статей Зорге нередко испорчен грубыми ошибками в транскрипции. К примеру, Зорге не мог написать: «сахогунат» вместо «сйогунат» (стр. 194). Зорге, несомненно, знал лично военного министра Итагаки, но вместо него в книге фигурирует загадочная фамилия Хагаки (стр. 191). Искажены и некоторые другие собственные имена: китайского военного министра Хо Инь-цина, японского дипломата Амо и даже Хубилай-хана (стр. 127, 197, 201). Неверно переведены многие географические названия.

Этих неприятных погрешностей легко было избежать.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Директива ЦК КПК о дипломатической работе

Директива ЦК КПК «О дипломатической работе» от 18 августа 1944 года, перевод которой с китайского публикуется ниже, была разработана руководством КПК, возглавлявшимся Мао Цзэ-дунем и его сторонниками, вскоре после прибытия в Яньань специальной американской миссии под видом так называемой «союзнической группы наблюдателей» и предназначалась для руководящих работников КПК.

Несмотря на то что документ составлен в довольно туманных выражениях, с оговорками и недомолвками, призванными замаскировать истинные планы и замыслы его авторов, тем не менее он проливает определенный свет на позицию тогдашнего руководства КПК во главе с Мао Цзэ-дунем в отношении Соединенных Штатов Америки.

Как явствует из директивы ЦК КПК «О дипломатической работе», маоцзэдуновское руководство КПК придавало исключительно важное значение приезду американских военно-дипломатических наблюдателей в Яньань. Оно рассматривало этот приезд как «первоначальное признание» правительством США «новodemократического Китая» и рассчитывало на базе военного сотрудничества установить с правительством США культурное, а затем политическое и экономическое сотрудничество. Поэтому первым и главным объектом политической и дипломатической деятельности Китая были объявлены Соединенные Штаты Америки. Все конкретные мероприятия, изложенные в данной директиве (допущение военного персонала и вооруженных сил «союзных государств» на территорию районов, находящихся под контролем китайских коммунистов, учреждение там дипломатических миссий и

агентств печати, разрешение миссионерской деятельности, иностранных капиталовложений и установление технического сотрудничества), были рассчитаны прежде всего на установление тесных внешнеполитических и экономических связей с США.

Более того, приезд специальной американской военной миссии в Яньань рассматривался Мао Цзэ-дунем и его окружением не только как начало дипломатической деятельности китайских коммунистов, но и как начало участия китайских коммунистов в международном антифашистском едином фронте. Согласно этому утверждению, до приезда специальной американской военной миссии в Яньань в июле 1944 года китайские коммунисты, ведя борьбу против японских захватчиков, не считали себя участниками международного антифашистского фронта. Сам международный антифашистский фронт рассматривался при этом также довольно странно. «Основным содержанием международного единого фронта, — говорится в директиве, — является совместная борьба против Японии и демократическое сотрудничество...»

О борьбе против немецкого фашизма, о главной силе международного антифашистского фронта — Советском Союзе, об укреплении с ним связей и т. п. в директиве не говорится ни слова. Советский Союз упоминается в директиве лишь в связи с тем, что он наряду с США и Англией поддерживает государственные отношения с Китаем. При этом в директиве подчеркивается, что «в настоящее время США и Англия вместе с Китаем воюют против Японии, самые же тесные связи поддерживаются с США».

Подобная позиция маоцзэдуновского руководства, видимо, объясняется тем, что Мао Цзэ-дун и его окружение считали тогда, что Советский Союз выйдет из войны с фашистской Германией крайне ослабленным и не будет в состоянии играть какую-либо значительную роль на международной арене, что главной и решающей силой после второй мировой войны будут США. Поэтому они решили ориентироваться на США, считая их «идеалом демократии».

Подтверждением этому являются свидетельства официальных американских представителей, которые поддерживали непосредственный контакт с Мао Цзэ-дунем и которым Мао Цзэ-дун говорил в 1944 году: «...Мы, китайцы, считаем вас, американцев, идеалом демократии... Мы не ожидаем русской помощи... Китайские и американские

интересы схожи и дополняют друг друга. Они согласуются друг с другом экономически и политически. Мы можем и должны сотрудничать...»¹

Это свидетельствует о том, что уже тогда, на заре создания КНР, Мао Цзэ-дун и его окружение серьезно думали о стратегической ориентации будущего Китая на тесные связи с США. Возлагая большие надежды на США и питая определенные иллюзии в отношении империалистического правительства США, Мао Цзэ-дун и его группа готовы были пойти тогда на уступки, которые могли иметь далеко идущие последствия. Но, как известно, империалистическое правительство США не признало «новоеде-

мократический Китай» Мао Цзэ-дуна, а поддержало реакционный режим Чан Кай-ши. Дальнейшее развитие событий на Дальнем Востоке вынудило Мао Цзэ-дуна пересмотреть свою позицию и прибегнуть к помощи Советского Союза и других социалистических стран, что сыграло решающую роль в создании основ социализма в КНР.

Публикуемый ниже перевод с китайского директивы ЦК КПК «О дипломатической работе» представляет интерес как одно из свидетельств истоков нынешнего внешнеполитического курса китайских руководителей, его мелкобуржуазной националистической сущности.

К. Кукушкин

Директива о дипломатической работе (высылается во все Бюро ЦК и доводится до сведения партийных комитетов освобожденных районов)

После того, как в конце мая делегация китайских и иностранных корреспондентов посетила с целью осмотра Пограничный район, группа американских военных наблюдателей в количестве 18 человек по приказу штаба Стилуэлла в разное время прибыла в Яньань и затем выехала на различные участки фронта.

В то же время 14-й авиационный отряд американских войск направил майора Огюста² и одного сержанта через Пятый район боевых действий в центральную часть провинции Хубэй для проведения разведки на переднем крае в районе 5-й дивизии.

Учитывая создавшуюся обстановку, ЦК специально информирует о нижеследующем:

1. Ввиду того что наша партия, политические органы, армия и народ напрягают все свои силы, а гоминьдановская господствующая верхушка день ото дня становится все более реакционной и бессильной, в настоящее время в антияпонском лагере контраст между двумя Китаями (новodemократическим Китаем и Китаем, идущим по пути фашизации) становится все более очевидным. Это посещение иностранными корреспондентами и американским военным персоналом нашего Пограничного района и опорных баз в тылу противника является началом практических контактов после того, как наш новodemократический Китай получил первоначальное признание. Поэтому мы должны рассматривать это посещение и ознакомле-

ние с нами не как обычный факт, а как начало нашего участия в интернациональном антифашистском едином фронте, как начало нашей дипломатической работы. Здесь, однако, следует указать, что эта дипломатия пока еще носит полусамостоятельный характер, потому что, с одной стороны, Чунцинское гоминьдановское правительство пока еще признается китайцами (в том числе и нами) и союзными государствами как центральное правительство и дипломатические сношения во многих случаях могут вестись нами только с его разрешения, а, с другой стороны, гоминьдан не хочет, чтобы мы самостоятельно осуществляли дипломатическую деятельность. Осуществлять дипломатические сношения и получать непосредственную международную помощь мы можем только путем прорыва через всякого рода гоминьдановские запреты и ограничения, что также свидетельствует о том, что наша дипломатия носит полусамостоятельный характер. Наряду с этим необходимо также отметить, что дипломатическая работа является самым слабым аспектом нашей деятельности. Наши коммунисты, и прежде всего высшие руководящие товарищи, должны начать уделять ей внимание и учиться этой работе. Если политика внутреннего единого фронта, проводившаяся на протяжении восьми последних лет, обеспечила нам, по всеобщему признанию, очень большое развитие, то в дальнейшем политика интернационального единого фронта, возможно, обеспечит нам еще больший рост. И если политика интернационального единого фронта увенчается успехом, то можно утверждать, что этот факт будет в значительной мере способствовать победе китайской революции.

2. Основным содержанием интернационального единого фронта являются совместная борьба против Японии и демократическое сотрудничество, что означает не только

¹ «Внешние отношения Соединенных Штатов», 1944, т. VI, Китай, стр. 609—614, см. выдержки из статьи бывшего посланника США в Японии Джона Эммерсона, опубликованные в «Интературной газете» № 36/4320, 1971, 18 августа, в заметке «Вашингтон—Пекин».

² Фамилия дана по звучанию в китайской транскрипции. — Прим. переа.

необходимость единого фронта на период антияпонской войны, но и возможность его осуществления в послевоенное время. Что же касается государственных отношений, то с Китаем наиболее обширные связи поддерживают США, Советский Союз и Англия; причем в настоящее время США и Англия вместе с Китаем воюют против Японии, самые же тесные связи осуществляются с США.

Основными мотивами прибытия американского военного персонала в наш Пограничный район и опорные базы в тылу врага являются разведка противника и оказание помощи нашим раненым.

Разрешая такие действия, мы тем самым можем добиться того, что наши связи постепенно перерастут в сотрудничество и помощь в войне с врагом; на базе же военного сотрудничества в последующем можно будет установить культурное, а затем политическое и экономическое сотрудничество. Однако сейчас в своих надеждах не следует заходить слишком далеко.

В настоящее время центр тяжести дипломатии США, Англии и Советского Союза по-прежнему приходится на сторону гоминьдана; к тому же, если говорить о внутреннем положении в Англии и США, там существуют три силы — прогрессивные элементы, умеренные и «твердолобые». Та же картина повторяется и в правительствах этих стран, причем в Англии обстановка в этом отношении еще хуже, чем в США. Поэтому в отношении правительств этих стран и их персонала мы не должны пользоваться одной и той же меркой, необходимо изучение и анализ.

Отсюда следует, что тактические принципы внутреннего единого фронта применимы также и в отношении интернационального единого фронта. Однако в настоящее время по причинам дипломатического характера среди американцев и англичан, гражданских и военных, желающих поддерживать с нами связи, «твердолобые» и консерваторы составляют меньшинство, к тому же они выступают только против коммунистических партий своих стран и не выступают против нашей партии. В связи с этим основные усилия в нашей дипломатической работе должны быть направлены на расширение нашего влияния, на достижение международного сотрудничества. При встрече с «твердолобыми» нужно искренними и убедительными беседами оказывать на них благотворное влияние. В этот раз в составе делегации корреспондентов находился один католический священник, который вначале относился к нам с глубоким предубеждением, однако мы добились того, что он стал питать к нам добрые чувства и отверг попытки гоминьдана использовать его против компартии.

3. В настоящее время политика интернационального единого фронта — это в основном внешняя политика. В статье 21 политической программы Особого пограничного района Шаньси — Ганьсу — Нинся сформу-

лированы общие положения внешней политики нашей партии, которые в практическом плане в настоящее время сводятся к следующим принципам:

В военном отношении — военный персонал и вооруженные силы союзных государств с нашего согласия и при условии соблюдения ими правительственных законов могут вступать на территорию наших районов для осуществления различного рода деятельности по совместной борьбе против врага и пользоваться при этом нашим содействием; в то же время мы приветствуем союзническую помощь нашей армии боеприпасами, медикаментами и техникой.

В политическом отношении — мы приветствуем посылку союзными государствами дипломатических миссий в наш Пограничный район и основные опорные базы или же учреждение там дипломатических представительств.

В вопросах культурной пропаганды — мы приветствуем культурное сотрудничество с союзниками, приветствуем учреждение ими в Яньани отделений своих информационных и правительственных агентств печати, а также посылку специальных корреспондентов и журналистов в Яньань, что облегчает им посещение различных мест. В принципе правительство сохраняет за собой право цензуры телеграфных сообщений, однако при практическом осуществлении этого права все то, что не является разглашением военной тайны, что не содержит провокационных измышлений, направленных на подрыв правительства, мы должны пропускать без сокращений, чтобы тем самым показать разницу между нами и гоминьданом. Что же касается пропаганды среди войск и гражданского населения противника, то мы приветствуем сотрудничество с союзниками и обмен опытом в этой работе.

В отношении религии — мы проводим политику отделения религии от государства. Мы разрешаем иностранным священникам въезд в Пограничный район и опорные базы в тылу врага для ведения там миссионерской деятельности, при этом предоставляем им помещения для устройства церквей. В свою очередь эти священники и миссионеры должны дать нам гарантии в том, что они не будут выступать против правительства, против коммунистического руководства.

В вопросах экономической помощи — мы приветствуем помощь медикаментами и деньгами, оказанию нам США, Англией, Канадой и др. Вместе с тем мы еще более настойчиво добиваемся того, чтобы главное правление международного восстановительного органа признало необходимым оказать помощь районам, наиболее пострадавшим от врага, население которых насчитывает свыше 80 млн. человек.

В вопросах экономики — в условиях соблюдения принципа взаимной выгоды мы приветствуем международные капиталовложения и техническое сотрудничество. Мы прежде всего добиваемся продолжения сотрудничества в рамках Международного со-

вета промышленного сотрудничества. Все это представляет собой конкретные мероприятия в области нашей внешней политики на сегодняшний день.

4. Чтобы не наделать ошибок во внешней политике и практической деятельности, необходимо прежде всего твердо стоять на нашей национальной платформе.

За последнее столетие во внешней политике Китая в отношении национальной платформы имели место ошибочные концепции двоякого рода. До восстания Ихэтуань господствовала концепция бойкота иностранцев, после же восстания возобладали концепция страха перед иностранцами. В период после движения «4 мая» и до начала революции (1925—1927 гг.) концепция страха перед иностранцами была в определенной степени размыта волной национального движения, однако же и по прошествии 20 лет гоминьдановского господства в стране, даже в период антияпонской войны, концепция страха перед иностранцами в высших кругах все еще сильна, и это не может не отражаться на китайском обществе в целом. Поэтому мы должны, с одной стороны, повышать чувство национального самоуважения и веры в себя, но без бойкота иностранцев, с другой же стороны, изучать положительный опыт других и улучшать сотрудничество с ними, но без преклонения и занискивания перед иностранцами. В этом и состоит правильная национальная платформа, это и составляет суть прообраза нового человека новодемократического Китая. Этот прообраз нового человека складывается в широких массах армии и народа в тылу врага и в Пограничном районе и начинается получать признание международных друзей. Народ новодемократического Китая должен твердо стоять на этой платформе и не допускать отклонений.

5. В настоящее время в дипломатической работе мы должны обращать внимание на следующие моменты:

1) Во всем необходимо проявлять активность, ни в коем случае нельзя быть пассивным и не рассчитывать на то, что все наши просьбы будут удовлетворены, здесь нужно решать, что взять, а от чего отказаться, что главное, а что второстепенное.

Если мы можем и хотим что-то довести до сведения иностранцев, если в чем-то желательны их участие, то все это может быть устроено по нашей инициативе в плановом порядке. Даже если у нас и есть просьбы, то мы можем сделать так, чтобы иностранцы сами предлагали нам помощь. Так, например, по поводу помощи боеприпасами гоминьдановцы ежедневно поднимают шум

и требуют от них то одного, то другого. Мы же пока воздерживаемся от просьб и тем самым, напротив, вызываем к себе уважение со стороны иностранцев, и они первыми предлагают нам помощь, хотя в настоящее время на практике это и трудно осуществить, так как гоминьдан препятствует этому. При встрече с союзниками на местах нельзя сразу же обращаться к ним с просьбами.

2) Мы должны проводить свою политику и вести работу твердо, без колебаний. Прежде чем приступить к делу, нужно широко обсудить его, глубоко и всесторонне продумать, но если уж решение принято и доведено до исполнителей, то необходимо всеми силами отстаивать его и добиваться практического осуществления. Только таким путем мы добьемся победы в дипломатии. В военной же дипломатии нужно проявлять особую твердость и решительность. Разумеется, это требование справедливо только для принципиальных вопросов. Что же касается технических вопросов, то здесь мы должны проявлять большую гибкость и не допускать шаблона.

3) В отношении документальных материалов и содержания переговоров нужно руководствоваться следующим: как можно правдивее сообщать то, что можно сообщить, и как можно тщательнее скрывать то, чего нельзя сообщать. Нельзя передавать сведения или отвечать на вопросы, представляющие государственную или партийную тайну.

При переговорах нужно избегать вопросов, на которые по каким-либо причинам неудобно отвечать, или же постараться как-то уйти от них в сторону.

4) В дипломатии необходимо соблюдать осторожность и проявлять прямоту. С одной стороны, не терять бдительность, с другой стороны, не допускать неясностей и туманностей.

5) Принимать союзников следует скромно и тепло. С одной стороны, нужно воздерживаться от чрезмерной роскоши, с другой — не допускать равнодушия.

6) О всех дипломатических встречах и консультациях с иностранцами на местах необходимо телеграфировать Центральному Комитету и действовать только с его разрешения.

Вышензложенное должно быть доведено до всех кадровых работников, имеющих отношение к международному единому фронту или дипломатической работе, обсуждено и принято к неуклонному исполнению.

Центральный Комитет
18 августа

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всесоюзная конференция китаеведов

Р. А. Мировицкая

кандидат исторических наук

Советское китаеведение, представленное многими научными центрами и учебными заведениями страны, добилось значительных успехов в исследовании основных проблем прошлого и настоящего Китая.

Сегодня в обстановке все продолжающихся атак со стороны руководителей КПК на нашу страну и на нашу партию, на мировое коммунистическое движение важнейшей задачей советских китаеведов является дальнейшая активизация работы по изучению актуальных проблем современной жизни Китая, разоблачению маоизма, этого враждебного марксизму-ленинизму течения. Перед китаеведами стоит и другой аспект задачи, поставленный историческим XXIV съездом КПСС, — содействие нормализации советско-китайских отношений. Одновременно важнейшей задачей советских ученых является и глубокое освоение великого культурного и научного наследия китайского народа — его истории и литературы, языка и философии, обычаев и традиций.

В свете поставленных перед советской наукой ответственных и сложных задач назрела необходимость китаеведам собраться вместе и, подводя итог пройденному пути, наметить программу дальнейшего развития всех направлений китаеведения. Этим целям и была посвящена Всесоюзная научная конференция китаеведов в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран в ноябре 1971 года.

Конференция была созвана Институтом Дальнего Востока АН СССР при участии специалистов из других научных учреждений по специальному решению Президиума АН СССР. В июне 1971 г. для подготовки

данного форума и его проведения Президиум АН СССР создал Оргкомитет, в который вошли видные советские ученые.

В конференции приняло участие более 200 китаеведов из научных институтов, учебных заведений, учреждений и организаций Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Владивостока, Хабаровска, Читы, Новосибирска, Ташкента, Алма-Аты, Фрунзе.

В конференции приняли также участие вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев, первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин и заместитель заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Е. М. Чехарин.

На пленумах и секциях конференции было заслушано более 40 докладов и 70 выступлений по проблемам внутренней и внешней политики Китая, его истории, идеологии, литературы и культуры, языка. По составу участников конференции и по широте проблем, обсуждавшихся на ней, это была самая представительная конференция в истории советского китаеведения.

Академик Федосеев, выступая на открытии конференции, напомнил ее участникам, что на протяжении всей своей истории Советский Союз оказывал огромное влияние на развитие революционного движения китайского народа и внес большой вклад в дело социалистического строительства в КНР. Он отметил, что не по вине Советского Союза сложились нынешние отношения с Китаем и что ЦК КПСС и Советское правительство, сохраняя сдержанность и не поддаваясь на провокации, делали и делают все от них зависящее, чтобы добиться нормализации отношений с Китайской Народной Республикой. П. Н. Федосеев выразил надежду, что конференция послужит делу мобилизации всех советских китаеведов на более глубокое изучение актуальных проблем современности, на расширение и повышение эффективности научных исследований по Китаю в интересах борьбы за чистоту марксистско-ленинского учения, в интересах укрепления единства рядов международного коммунистического движения, мировой социалистической системы.

Среди докладов конференции необходимо выделить доклады пленарного заседания, в которых был дан анализ состояния всех направлений советского китаеведения, намечены проблемы, на решение которых должны быть направлены в первую очередь усилия научных коллективов.

Основной доклад конференции «Современное состояние и задачи советского китаеведения» был сделан директором ИДВ АН СССР М. И. Сладковским. Проследившая этапы развития отечественного китаеведения, докладчик отметил, что изучение Китая в нашей стране восходит к далекому прошлому. Связи между Россией и Китаем как государствами-соседями предопределили необходимость взаимного изучения их материальной и духовной культуры. Известное имя Н. Я. Бичурина (Накинф), П. И. Кафарова, В. П. Васильева, Н. М. Пржевальского, а позднее В. М. Алексеева, Н. В. Кюнера и других русское китаеведение характеризовалось исследованиями широкого комплексного характера и оказало влияние на становление советского китаеведения.

В истории советского китаеведения докладчик выделил период 20—30-х годов, когда выдвинулась целая плеяда талантливых китаеведов-марксистов, оставивших глубокий след в науке.

Новый подъем в изучении Китая, отмечалось в докладе, наступил после второй мировой войны, и особенно после образования КНР. Напомнив участникам конференции о наиболее крупных работах советских ученых в 50-х годах и отметив успехи в изучении истории, экономики, культуры китайского народа, докладчик одновременно говорил и о том, что в китаеведческой литературе имелись и недостатки, связанные главным образом с тем, что она в ряде случаев оказывалась в плену официальной маоистской историографии, которая, как известно, фальсифицировала многие исторические события.

Однако за последнее время советские китаеведы, подчеркнул докладчик, проделали большую работу по разоблачению разного рода фальсификаций, насаждаемых маоистской и буржуазной пропагандой, и выдвинули важные концепции, вытекающие из марксистско-ленинской переоценки старых и введения в научный оборот новых источников. Проникнутые духом пролетарского интернационализма, труды советских синологов, подчеркнул докладчик, преследуют цель оказывать братскую помощь в научной, подлинно марксистской разработке актуальных проблем, имеющих жизненно важное значение для китайского народа. М. И. Сладковский отметил далее, что советское китаеведение на современном этапе должно стать комплексной общественно-политической наукой и находиться на передовых позициях мировой синологии.

Большое внимание в докладе было уделено объединению усилий советских китаеведов, работающих в различных центрах, и организации работы в области китаеведения.

Актуальным проблемам и задачам изучения истории Китая был посвящен доклад члена-корреспондента АН СССР С. Л. Тихвинского и доктора исторических наук Л. П. Делюсина. Докладчики поставили пе-

ред историками-китаеводами ряд вопросов в области новейшей, новой, средневековой и древней истории, изучение и разрешение которых необходимо для более глубокого и объективного понимания процессов социально-экономического развития Китая. Без глубокого проникновения в прошлое китайского общества, как подчеркнули докладчики, трудно, а подчас и невозможно понять сущность и характер тех событий, которые сейчас происходят в КНР, однако это отнюдь не означает, что нынешнее развитие Китая определяется главным образом традициями, восходящими к седой старине.

В области новейшей истории докладчики наметили ряд вопросов, имеющих первостепенное значение в настоящее время. Это проблема изучения классовой борьбы, и в первую очередь борьбы китайского пролетариата, восстановление подлинной истории развития китайской революции на всем ее протяжении, и особенно в ее завершающей стадии. Это и всестороннее изучение причин появления маоизма, его социальных корней, а также соотношения национальных и социальных моментов в новейшей истории Китая. Это и изучение истории русско-китайских, советско-китайских и американо-китайских отношений и другие.

Важное место в этом плане должна занять работа по сбору и публикации воспоминаний специалистов нашей страны, в разное время работавших в Китае, являющихся ценнейшим материалом по новейшей истории и истории советско-китайских отношений, а также организация переводов и изданий наиболее ценных китайских документов и материалов по ключевым событиям различных периодов китайской истории.

В докладах доктора исторических наук Г. В. Астафьева и кандидата экономических наук А. Г. Яковлева было отмечено, что выход Китая на международную арену в качестве независимого суверенного государства в 1949 году выдвинул задачу изучения его внешней политики и международных отношений в качестве важной и самостоятельной отрасли китаеведения. Отметив достижения советских китаеведов в области внешней политики Китая, докладчики поставили на обсуждение некоторые предложения, направленные на более углубленную разработку проблем, связанных с внешней политикой КНР.

Широко обсуждались на конференции проблемы изучения экономики КНР. Г. В. Астафьев, подводя итоги дискуссии по этому вопросу, отметил ряд аспектов и вопросов, требующих дополнительного исследования и освещения. К их числу он отнес вопрос об изучении экономических теорий, имевших место в старом Китае и взятых на вооружение в КНР, вопрос об анализе современного состояния экономики Китая как в области социально-экономической структуры, так и в производственных отношениях, о месте КНР в международных экономических отношениях, об уровне технического

развития основных отраслей народного хозяйства, о развитии технических наук и, наконец, вопрос об оценке перспектив развития экономики Китая на основе прогнозирования.

Информацию о работе секции идеологии сделал на пленарном заседании доктор философских наук Н. Г. Сенин, он сказал, что актуальнейшей задачей советских философов и идеологов является задача научного освещения философской и общественной мысли Китая, задача повышения качества критики маоизма, последовательного и всестороннего разоблачения его антиленинской сущности.

В докладе члена-корреспондента АН СССР Н. Т. Федоренко говорилось о том, что перед специалистами в области изучения истории китайской литературы стоят многие задачи общего и частного характера, а именно: изучение закономерностей развития литературы, исследование особенностей творчества и стиля, средств художественной выразительности и языка писателей, изучение фольклорных основ китайской литературы, роли народного творчества, исследование основных направлений словарно-речевого творчества. В докладе большое внимание было уделено проблемам методологии. Задача историка китайской литературы, подчеркнул Н. Т. Федоренко, состоит и в том, чтобы дать научно-объективную оценку маоистскому произволу, надругательству над человеческими ценностями, создававшимся китайским народом в ходе многовекового художественного творчества. Наука всегда обращала и обращает весь арсенал своей воинственности не против стран и народов, но против невежественности, дикости, варварства.

Подводя итоги дискуссии по вопросам литературы и культуры Китая, кандидат филологических наук В. Ф. Сорокин подчеркнул, что на конференции большое место заняли проблемы сегодняшней культуры Китая, говорилось о необходимости продолжать изучение нынешнего состояния литературы и культуры Китая, углублять

критику маоистской концепции культуры, показывать ее пагубное влияние на различные стороны общественной жизни КНР. Участники форума также обсудили задачи в области изучения классического наследия Китая, правильной интерпретации его этапов.

С докладом о проблемах лингвистики на конференции выступил доктор филологических наук В. М. Солищев. Он акцентировал внимание на вопросах исследований в области строя китайского языка — его грамматики, лексики, диалектов, истории языка, а также языковой ситуации в Китае. Значительное место в докладе заняла и проблема разработки и внедрения в практику ускоренных методов изучения китайского языка.

На конференции был заслушан доклад Г. В. Ефимова и еще ряд сообщений об основных тенденциях развития китаеведения в крупнейших буржуазных государствах.

Конференция проходила в обстановке творческой активности и партийной принципиальности. Она выдвинула ряд рекомендаций и предложений, реализация которых, безусловно, открывает большие возможности для дальнейшего успешного развития советского китаеведения.

На конференции была отмечена необходимость еще более глубокого изучения оригинальных китайских источников и литературы по всем областям знаний, изучения периодики Китая, материалов археологических находок, творческого и критического освоения всего наследия китайского народа, художественных и научных ценностей, создававшихся китайским народом на протяжении тысячелетий. На конференции было решено шире использовать практику научных совещаний, симпозиумов, периодически созывать всесоюзные совещания китаеведов, а также уделять большее внимание укреплению научных связей с китаеводами братских социалистических стран, развитию деловых контактов с синологами развивающихся и капиталистических стран.

На XXIII международном конгрессе китаеведов

В. Ф. Сорокин,

кандидат филологических наук

Для китаистов многих стран, особенно Европейского континента, стало традицией ежегодно в начале осени собираться на свой научный форум. В 1971 году очередной XXIII международный конгресс китаеведов состоялся с 20 по 25 сентября в Оксфорде, в помещении одного из старейших колледжей этого университетского центра — Крайст-черч. В работе конгресса приняли участие около двухсот синологов из двадцати с лишним стран мира.

Небольшая группа молодых энтузиастов, собравшаяся на первую синологическую конференцию вскоре после окончания войны с фашизмом, вряд ли могла предположить, какой размах примет ее скромное начинание. Широкий интерес, проявляемый международной общественностью ко все большему кругу вопросов, связанных с историческим и культурным наследием китайского народа, вызван современным положением в КНР и возможными путями развития этой огромной страны.

В работе очередного конгресса участвовали синологи Англии, ФРГ, Франции, Голландии, Италии, Дании, Швейцарии, Швеции и других стран. К сожалению, очень слабо была представлена американская синология.

Китаеведение социалистических стран было представлено делегациями Советского Союза, ГДР, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Польши.

Советскую делегацию возглавлял директор Института Дальнего Востока АН СССР доктор экономических наук, проф. М. И. Сладковский.

Организаторы конгресса не выдвинули для обсуждения какой-либо центральной

проблемы (возможно, потому, что попытки такого рода в прошлом имели ограниченный успех). Поэтому круг вопросов, затрагивавшихся в докладах и прениях, был очень широк, практически каждый участник, изъявивший желание высказать свои соображения, получил такую возможность. Преимущество этого метода работы конгресса ясны — демократичность процедуры, охват большого числа проблем. Но ясны и трудности, связанные со все возрастающим числом участников конгрессов и их неодинаковым уровнем научно-теоретической подготовки. В будущем, видимо, придется устанавливать какие-то ограничительные критерии, так как у многих китаеведов широкого профиля вызывает возражения секционный метод обсуждения докладов.

В двадцати пяти сообщениях ученых разных стран были освещены проблемы новейшей и средневековой истории Китая, социологии, истории философии, литературоведения, лингвистики, искусствоведения, а также таких прикладных дисциплин, как картография, документалистика, библиография. Велик был и хронологический диапазон выступлений: от «Книги перемен» до событий последних лет. Но, безусловно, наибольший интерес и самое живое обсуждение вызвали доклады, затрагивавшие актуальные проблемы современной жизни Китая. Учитывая это, организаторы конгресса отвели первое рабочее заседание для выступлений советских ученых, специалистов по экономике и новой истории Китая, тематика докладов которых охватывала ряд важных сторон развития китайского общества за последнее столетие.

Выступивший первым проф. М. И. Сладковский проанализировал исторические условия создания социалистической экономики в КНР. Остановившись на некоторых сторонах аграрной программы тайпинов и экономических воззрений Сунь Ятсена, на практических мероприятиях народных органов власти в конце 40-х годов и на успехах социалистического строительства в первые годы существования КНР, докладчик убедительно показал, что идея ведения хозяйства на коллективных началах не была чуждой китайскому народу. Социалистическое переустройство китайского общества, подчеркнул докладчик, явилось закономерным итогом внутреннего развития страны, осуществившееся в благоприятных для нового Китая внешнеполитических условиях. Отвечая на вопросы и

реплики делегатов. М. Н. Сладковский развил ряд положений доклада. Он показал, в частности, ошибочность точки зрения Т. Шлеглера (ФРГ), который пытался подвергнуть сомнению социалистический характер экономической программы Сунь Ят-сена, ссылаясь на то, что китайский революционер допускал участие иностранного капитала в развитии экономики страны.

Живой интерес китаеведов вызвал доклад профессора Е. А. Коновалова «Некоторые аспекты демографического вопроса в КНР». Всем известно, какое значение имеет для Китая успешное решение проблемы роста народонаселения и правильного использования трудовых ресурсов. Остановившись на противоречивых тенденциях демографической политики правительства КНР на разных этапах, автор доклада высказал мнение о том, что Китай вполне в состоянии все вопросы, связанные с ростом населения, решать за счет своих богатых, далеко не полностью используемых внутренних возможностей. Выступая в дискуссии, М. Н. Сладковский конкретизировал эту часть доклада, указав на районы Китая, где имеются значительные массивы целинных или слабо используемых земель.

С большим вниманием был также выслушан обстоятельный доклад члена-корреспондента АН СССР С. Л. Тихвинского на тему «Об основных направлениях политики „самоусиления“ правящих кругов Цинской империи». На большом фактическом материале в докладе были показаны как идейно-политические предпосылки курса на «самоусиление», так и причины его неизбежного краха. Несмотря на то что в докладе шла речь о событиях почти вековой давности, он прозвучал весьма актуально, ибо попытки возродить в несколько измененном виде политику «самоусиления» отнюдь не прекратились и после падения Цинской монархии.

Проблемам современности были посвящены доклады Цянь Чжэ-хао (Париж) о методологии изучения современного китайского права и У Лю (Эдинбург, Англия) «Движение „сяфан“ и создание коммунистического нового человека»¹. Предложенная первым докладчиком «методология» свелась в основном к требованию рассматривать правовые термины и положения в связи с породившей их действительностью. Обращало на себя внимание, что автор доклада неоднократно положительно высказывался о нынешней политике пекинских властей. С противоположных позиций выступал молодой ученый У Лю. Он выразил сомнение в том, насколько практика «сяфан» соответствует официально провозглашенным целям этой кампании и действительно ли она способствует воспитанию «нового человека».

Дискуссия по проблемам современного Китая отнюдь не ограничивалась рамками официальных заседаний. Она продолжалась в кулуарах. Советские участники разъясняли свое понимание происходящего в Китае, рассказывали о готовности нашего государства улучшить отношения с КНР, давали аргументированные ответы на отдельные ошибочные, с нашей точки зрения, суждения. Всякое высказывание советских китаеведов по актуальным вопросам встречалось с большим интересом.

Среди докладов по изучению китайской литературы центральное место заняли выступления ученых из социалистических стран. Профессор Ф. Грунер (ГДР) говорил об основных идейно-художественных особенностях произведений молодых прозаиков начала 20-х годов XX века, собранных в известной «Энциклопедии новой китайской литературы». Его соотечественница Е. Мюллер выступила с сообщением относительно взаимосвязи между фольклором и художественной литературой в средние века. По-новому осветил вопросы относительно социального состава персонажей известного героического романа «Речные заводи» Б. Чонгор (Венгрия). Доклад этот заставляет задуматься над справедливостью сложившихся представлений о классовом характере изображенного в романе восстания.

Литературно-теоретическим взглядом писателей из группы «Творчество» в 20-е годы посвятил свой доклад М. Галик (ЧССР). Он справедливо указал на свойственные этим тогда еще молодым писателям колебания от чистого эстетизма к вульгаризированному понятию лозунгу пролетарской литературы. Он привел новые сведения о европейских и японских писателях, оказавших влияние на идейную эволюцию группы «Творчество». Наконец, В. Сорокин прочел доклад «Китайская классическая драма. Проблема достоверности текстов». Сопоставляя сохранившиеся тексты юаньской драмы, относящиеся к разным векам, автор стремился показать, что, несмотря на все поправки и переделки оригинальных версий, издания XVI—XVII вв. дают достаточно верное представление о классической китайской драме периода ее расцвета (XIII—XIV вв.).

Еще два доклада на литературные темы сделали К. Хо (Гонконг) и Дж. Лёнг (Лондон). Первый исследователь говорил о жанре «фу» (прозопоэмы) в творчестве поэта III в. Цао Чжи; второй — о поэзии Го Мо-жо и Сюй Чжи-мо, основываясь на сопоставлении образов ночи в их стихах 20-х годов. Интересный замысел, на мой взгляд, не получил убедительного воплощения.

Целый ряд содержательных докладов был сделан и по другим аспектам синологии — истории средних веков, истории философии, лингвистике, искусствоведению. Назовем некоторые из них: «Человеческая природа согласно Мэн-цзы и европейские

¹ «Сяфан» — направление на низовую работу.

параллели» (проф. Б. Гринпас, Бельгия), «Социальные причины цзиннаньской войны» (А. А. Бокшанин, СССР), «Китайская историческая лингвистика» (проф. Д. Доунер, Англия), «Датировка китайских бронзовых зеркал» (А. Буллинг, США), «К вопросу о грамматических индексах в китайском языке» (Н. В. Солнцева, СССР). Даже этот неполный перечень показывает, сколь широк круг проблем, волнующих китаеведов различных стран, сколь интенсивная и углубленная работа ведется во многих областях китаеведения.

В заключение работы конгресса на совещании представителей участвовавших в нем стран и научных центров было решено провести очередной XXIV Международный конгресс китаеведов в Голландии. Организацию его взял на себя Синологический институт в Лейдене. Встречу в 1973 году намечено провести во Франции, где должен состояться Международный конгресс востоковедов. Руководитель советской делегации М. И. Сладковский сообщил о принципиальном согласии Академии наук

СССР на проведение одного из ближайших конгрессов китаеведов в Москве. Сообщение это было встречено зарубежными коллегами с большим удовлетворением.

Международный конгресс китаеведов предоставил большие возможности для расширения и укрепления деловых контактов с синологами других стран, для обсуждения проблем и результатов исследований, для обмена научной информацией и литературой. Это тем более важно, что наши публикации все еще недостаточно известны за рубежом. Между тем интерес к ним большой, особенно у молодого поколения синологов.

Работа конгресса протекала в деловой, доброжелательной атмосфере. В этом немалая заслуга английских китаеведов — организаторов конгресса. Словами признательности устроителям встречи и выражением надежды на развитие плодотворных контактов с синологами различных стран и хочется закончить рассказ о работе XXIII Международного конгресса китаеведов.

Национально-освободительное движение и вопросы борьбы против современного антикоммунизма

Н. Н. Костин

кандидат философских наук

Эта тема явилась предметом обсуждения научной конференции, которую с 20 по 22 октября 1971 года в Баку проводил научный Совет по проблемам зарубежных идеологических течений Академии наук СССР и отделение общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР. В конференции участвовали ученые Москвы и братских союзных республик.

В своем вступительном слове первый секретарь ЦК КП Азербайджана тов. Г. А. Алиев подчеркнул, что эта конференция продолжает «традиции солидарности нашей страны с борющимися народами колониальных и зависимых стран, которые так ярко были продемонстрированы на I съезде народов Востока, проходившем в столице советского Азербайджана в сентябре 1920 года». С тех пор в мире произошли коренные изменения. Шквал национально-освободительных революций, пронесшийся в 50-х годах над Азией и в 60-х годах над Африкой, разрушил колониальную бастилию. Распад колониальной системы империализма коммунисты мира, подчеркнул докладчик, определили как «второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма». Существование мирового социализма, его огромная политическая, экономическая, культурно-теоретическая помощь коренным образом изменили условия развертывания антиимпериалистических национально-освободительных революций.

В жизни освобождающихся народов бывшего колониального мира наступает качественно новый этап социальной революции, когда борьба за национальное освобождение практически перерастает во многих

странах Азии, Африки и Латинской Америки в широкую революционную борьбу народных масс против самих устоев эксплуататорского строя, против феодальных и капиталистических отношений, против реакционной политической надстройки. Чем значительнее успехи и достижения революционных освободительных сил в этой борьбе, тем упорнее и яростнее становится противодействие империализма и внутренней реакции. В борьбе против этих движений империализм и внутренняя реакция используют самые разнообразные средства экспансии: прямые вооруженные интервенции, тайные заговоры, финансово-экономическое давление, идеологические диверсии, заигрывание и социальный подкуп временных попутчиков революции.

Особое место в арсенале современного империализма, занимает тов. Алиев, занимает идеология и политика антикоммунизма. Они призваны, по замыслам империалистических стратегов, изолировать национально-освободительное движение от мирового социализма, расколоть внутренний фронт революционных сил, раздуть пламя вражды между национальными демократами и коммунистами и тем самым создать почву для утверждения ненавистной народам Востока системы капиталистической эксплуатации. В этих целях империализм, неоколониализм и мировая реакция пытаются поставить на службу своим классовым интересам любые чуждые марксизму-ленинизму взгляды и течения: мелкобуржуазные, националистические, право- и левоопportunистические. Все эти антимарксистские течения смыкаются с империализмом на почве антикоммунизма, антисоветизма, на платформе борьбы против мирового революционного движения, против марксизма-ленинизма.

На современном этапе, подчеркнул в своем докладе выступивший на первом пленарном заседании академик М. Б. Митин, империализм противостоит молодым независимым государствам в облике неоколониализма. В сфере экономических отношений линия неоколониализма состоит прежде всего в поддержке умеренно реформистской капиталистической трансформации бывших порабощенных стран, направленной на закрепление экономической зависимости и отставания освободившихся стран от ведущих империалистических держав, их подчиненного положения в международном разделении труда.

В социальном отношении же неокOLONиализм проводит курс на союз с определенными слоями национальной и бюрократической буржуазии, склонными из узкоклассовых корыстных побуждений, из-за страха перед массами пойти на сотрудничество с империализмом. В целях реализации своей политики, отметил далее академик М. Б. Митин, неокOLONиализм берет на вооружение в качестве своего основного идеологического оружия антикоммунизм, самым крайним проявлением которого является открытый антисоветизм. Его идеологов крайне тревожит идейное влияние Советского Союза на развитие стран «третьего мира», взаимовыгодное экономическое сотрудничество Советского Союза и других социалистических стран с освобождающимися народами. Но народы развивающихся стран видят на реальных фактах, что Советский Союз предоставляет им бескорыстную помощь в строительстве национальных экономик, в деле их освобождения от экономической зависимости со стороны империалистических держав.

С обстоятельным докладом «Исторические истоки и социальный смысл происходящих в Китае событий» выступил директор Института Дальнего Востока АН СССР доктор экономических наук, профессор М. И. Сладковский.

После первого пленарного заседания конференция продолжала работу по секциям, в которых обсуждались следующие четыре проблемы: «Национально-освободительное движение и вопросы борьбы против идеологии современного антикоммунизма», «Идеологические течения в современном национально-освободительном движении», «Национально-освободительное движение и концепции некапиталистического пути развития», «Использование антикоммунизмом левоопportunистических концепций в национально-освободительном движении».

На заседаниях последней секции была убедительно разоблачена реакционная, антиленинская, антисоциалистическая сущность всех расколынических течений, которые, прикрываясь ультралевой «революционной» фразой, объективно льют воду на мельницу империалистической пропаганды.

Все выступавшие на заседаниях этой секции в той или иной степени касались маонизма, поскольку именно маонизм в наши дни является концентрированным выражением левого опportunизма и представляет наибольшую опасность для всех революционных сил современности. Маонистские концепции наиболее широко используются идеологами антикоммунизма в современном национально-освободительном движении.

В докладах, зачитанных на этой секции, были затронуты вопросы об исторических и социальных корнях маонистской политической доктрины и дана характеристика специфических объективных и субъективных исторических условий, в которых формировался маонизм. В них отмечалось, что в ос-

нове социально-политической доктрины маонизма лежат антисоциалистические идеи феодально-абсолютистской разновидности культа личности с неограниченной властью «великого кормчего»; управления обществом многочисленной, но преимущественно военной бюрократией; социал-милитаристского общественного порядка; великодержавия и насильственного мессианства. Политическим порождением маонизма явился авторитарный военно-бюрократический режим. Во внешней политике он смыкается с ревизионистами всех мастей, с крайне реакционными режимами неосоциалистических стран на платформе шовинизма и антикоммунизма.

Эти положения были развиты с привлечением конкретного исторического материала в докладах кандидатов наук В. Данилова «Антиленинская теория и практика внешней политики КНР в Азии», В. Попова «Маонизм — враг национально-освободительного движения», доктора исторических наук С. Пархомчука «Фальсификация межнациональных отношений в СССР в теории и практике мелкобуржуазного революционизма», кандидата философских наук Н. Константинова «Антисоциалистическая сущность социально-политической доктрины маонизма». Разоблачению антимарксистских концепций апологетов маонизма в Японии и в Африке были посвящены доклады кандидатов наук Б. Пospelова «Критика японских ревизионистских концепций национально-освободительного движения» и А. Красильникова «Антикоммунизм в идеологии „правых“ и „левых“ организаций Африки и роль маонистов». В докладе кандидата исторических наук Г. И. Арсеньевой «Антикоммунизм на службе чанкайшестской клики» были приведены убедительные факты смыкания на националистической, антисоветской основе маонизма с реакционной кликой Чан Кай-ши.

В докладах, заслушанных на этой секции, были сделаны следующие выводы:

Во-первых, маонисты на современном этапе, прибегая к более изощренной и гибкой тактике, усиливают расколыническую деятельность против стран социалистического содружества. Под флагом борьбы против двух «сверхдержав» маонисты добиваются организации антисоветского фронта, идя в этих целях на расширение контактов с крупными капиталистическими странами.

Во-вторых, стремление маонистов навязать национально-освободительному движению и развивающимся странам свои социально-политические взгляды в качестве универсальной доктрины «третьего мира», несмотря на тщательную маскировку ее великодержавной сущности, терпит провалы, а создаваемые ими антимарксистские группы, не имея устойчивой социальной опоры в этих странах, деградируют и рассылаются. Несмотря на теоретическую несостоятельность и политические провалы маонизма, нельзя недооценивать ту опасность, кото-

рую представляет маонизм для революционных сил современности.

В-третьих, не все левые течения в национально-освободительном движении являются промаонистскими, враждебными научному социализму. Некоторые из этих течений попадают под влияние маонизма в результате незрелости участвующих в них социальных сил.

На конференции было заслушано 38 до-

кладов. В них была ярко раскрыта та непреложная истина, что в идеологической борьбе победу за победой одерживает самая прогрессивная и могущественная идеология в мире — научный коммунизм.

Конференция прошла на высоком научно-теоретическом и идейном уровне и внесла определенный вклад в борьбу с врагом национально-освободительного движения — антикоммунизмом.

И теория, и практика

С. А. Торонцев

кандидат филологических наук

Пятая научная конференция «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока», проходившая в Ленинграде с 24 по 27 января 1972 года, была по предложению Оргкомитета посвящена памяти ученых-востоковедов, погибших в годы Отечественной войны.

Традиционно организуемая Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР и Восточным факультетом ЛГУ, конференция с течением времени завоевала большой авторитет среди исследователей дальневосточных литератур. Об этом говорит уже тот факт, что в настоящей конференции приняло участие свыше 80 научных работников Ленинграда, Москвы, Владивостока, Читы, было заслушано и обсуждено 36 докладов. Размах по горизонту (Китай, Япония, Корея, Монголия, Индонезия) и вертикали (от мифологии до актуальнейших сегодняшних проблем) — достоинство ленинградской конференции, которое хотелось бы сохранить и в дальнейшем. Это помогает ученым не замыкаться в рамках изучаемых ареала и периода, сопоставлять свои проблемы с проблемами иных стран и веков и порой, в новом ракурсе, видеть их по-новому.

Не в одном выступлении на конференции с удовлетворением отмечалась широта знаний советских востоковедов, позволяющая им свободно соотносить китайскую литературу с русской (М. Е. Шнейдер, Ин-т востоковедения, «Творчество Леонида Андреева в Китае»; Л. Е. Черкасский, Ин-т востоковедения, «Маяковский в Китае»), японскую литературу с русской (Ким Ле Чун, ИМЛИ, «К вопросу о творческих связях

Фтабатэя Симэя»), западноевропейской (А. А. Долин, Ин-т востоковедения, «Формирование эстетических воззрений писателей японского романтизма»), корейскую литературу с китайской (Д. Д. Елисеев, ЛО Ин-та востоковедения, «К вопросу о роли Ким Си Сыпа в становлении жанра корейской средневековой новеллы [XV в.]»).

Проблема соотношения и связи литератур была затронута также в докладах Б. Б. Парникеля (ИМЛИ) о малайском пантуне, в какой-то мере близком народной поэзии Китая (южные юэфу), и Е. М. Пинус (ЛГУ), которая проследила на материале памятников «норито», «фудокки», Нихонги, Кодзикки становление японской письменности, использовавшей и трансформировавшей китайскую иероглифическую систему.

О сравнении в несколько иной плоскости говорил В. И. Семанов (ИМЛИ). Он сопоставил художественные и исторические сочинения о китайской императрице Ци-си, попытавшись отделить черты ее истинного облика от налета «традиционных клише», как исторических, так и литературных. В. И. Семанов отметил попытки некоторых западных синологов «реабилитировать» жестокую правительницу, замалчивая ее кровавые деяния на пути к власти.

В особую и весьма интересную группу можно выделить доклады, посвященные вопросам эстетики. Л. Д. Позднеева (ИВЯ) исследовала элементы комикки в китайском художественном творчестве, заметив, что на развитии ее сказалось отрицательное к ней отношение Конфуция. Особое внимание в докладе было уделено просветителю Ли Юю, больше других разрабатывавшему проблему комического и в немалой степени способствовавшему становлению «высокой» комедии в Китае. Е. В. Завадская (Ин-т востоковедения) рассказала о категории «пустотного-белого» в поэзии Ван Вэя, заметив, что к традиционным линиям изучения произведений этого поэта-художника (описательная сторона, реакция поэта на красоту) нужно добавить и анализ философских глубин его поэзии. Бинарный термин «кун бай», связанный с чаньской философией, раскрывает сущность вещей в символике «белого» и «пустого» как надтрадиционного, непостижимого внешним, логическим путем. В. Ф. Гусаров (ЛГУ) противопоставил вдохновение, особое состояние духа «ци», четкость и законченность изображения у конфуцианцев пантию, отрешенности, «таин-

ственно-прозрачной» сути языка даосов (в обсуждении, однако, подчеркивалось, что, по сути, творческий акт даосов тоже строится на вдохновении духа в момент самого творчества, покой же предшествует ему как акт познания, прозрения). Л. Е. Померанцева (ИВЯ) реконструировала эстетику трактата «Хуайнаньцзы», соединив разрозненные высказывания. «Лестница искусств», по «Хуайнаньцзы», ведет от ремесленничества, ограниченного чувственным восприятием, через синтез в таланте чувства и разума к высшему искусству, отказывающемуся от вещной, внешней формы. И. С. Смирнов (ИМЛИ) показал соединение в «Критических рассуждениях» Ван Чуна даосских и конфуцианских эстетических идей.

Эстетические проблемы в той или иной степени затрагивались в целом ряде докладов. Причем, надо сказать, многие из них своим содержанием, методом, скрупулезной аргументированностью убедительно доказывают полезность слияния интуиции с расчетом. Внутренняя структура художественного текста все больше становится объектом не только эмпирического, чувственного, но и строгого логического анализа. Умело найденные цифры убеждают даже и противников математических методов, как было замечено при обсуждении доклада О. Л. Фишман (ЛО Ин-та востоковедения) «Цзи Юнь и Юань Мэй: общее и особенное». Доклад, сопоставивший творчество двух китайских писателей XVIII века, важен, с одной стороны, тем, что опровергает ходячее мнение, будто новеллистика в Китае угасла после Пу Сун-лина. С другой стороны, и это, думается, не менее важно, он дает пример качественно новой методологии исследования художественного текста. Обилие цифр выглядит непривычно, и литературоведческим традициям поначалу неуютно среди них, но затем, вслушавшись, признаешь, что статистика небесполезна для анализа внутренних особенностей произведений.

Однако надо заметить, что применение в литературоведении методов описания, близких к структурализму, требует тактичности. Нельзя забывать, что перед тобой не просто текст, а текст художественный, обладающий и «телом» и «душой». Блестящий разбор «тела» есть лишь путь к познанию «души». Именно об этом думалось после интересного доклада Л. И. Ермаковой (Ин-т востоковедения) «Некоторые проблемы поэтики „танка“ в произведениях жанра „Ута-моноготари“». Он был посвящен формальным моментам традиционного японского стиха, «периферийным окружениям», тщательное описание которых есть база для понимания поэтического содержания, выходящего за пределы словесной ткани. Доклад продемонстрировал глубокие знания аспирантки, изобиловал тонкими наблюдениями и ценными выводами, но в пафосе тяготения к слову как элементу языка было потеряно слово как элемент литературы. Раскладывая поэзию на составные на лабо-

раторном столе, необходимо все же помнить, что под хирургическим ножом может умереть живой организм поэзии.

Соседствовавший с докладом Л. И. Ермаковой доклад Н. С. Шефтелевич (ИВЯ) о японской поэзии 80-х годов, тоже отдавший дань структуралистской точности, был, может быть, и не столь ярок, но обладал тем не менее одним неоспоримым преимуществом: стихотворная драма Симадзакки Тосона рассматривалась в нем не только как «семантическое поле», но и как явление собственно поэтическое.

В еще большей степени показал необходимость подчинения анализа структуры частей синтезу поэтического целого Б. Б. Вахтин (ЛО Ин-та востоковедения) в докладе «Человек и природа в китайской средневековой лирике» (на материале антологии «Юй тай синь юн»). Внимательно рассмотрев взаимоотношения в лирике человека и природы, Б. Б. Вахтин сделал интересные выводы о символике вещи в стихотворении, об особом, поэтическом времени и своей, подчас весьма причудливой «географии» поэзии, не связанной с географией реальной.

Типология сюжета и фабулы стала объектом исследования доклада А. Ф. Троцевич (ЛО Ин-та востоковедения) «Корейская средневековая повесть. Развертывание событий и типы связей», наглядно проиллюстрированного четкой схемой. Вывод докладчицы касался мотивации событий в повести, где «мы не находим непрерывной цепи звеньев-событий: весь сюжет строится как бы из фрагментов — отдельных моментов повествования, связанных друг с другом темой одного героя».

Средневековой литературе Китая было посвящено специальное заседание. Речь шла преимущественно о драме, и факт широкого, по оценке В. Ф. Сорокина, перехода от отдельных «набегов» на драматургию XVI—XVII веков к основательному ее исследованию отраден. В зачитанном на конференции докладе В. С. Манухина (ИВЯ) говорилось о первой незавершенной драме Тан Сянь-цзу «Ли Десятый, или История пурпурной свирели», отмечена «просветительская трактовка проблемы брака», в связи с чем драматург и переосмыслил танскую новеллу «История Хо Сяо-юй» Цзян Фана, положенную в основу драмы. Т. А. Малиновская (ЛГУ) рассказала о драме Сунь Жэнь-жу «Восточное предместье», необычной своим обращением к древним канонам — персонажи то и дело цитируют Мэй-цзы, что, как заметила в обсуждении Л. Д. Позднеева, само по себе уже крамола. Судьбу драмы Кун Шан-жэня «Веер с персиковыми цветами» проследила в своем докладе Л. Н. Гусева (ИВЯ).

Просветительские тенденции в романе «Сон в красном тереме» отметила О. М. Лин-Лин (ИВЯ) в докладе, посвященном образам Сюэ Бао-чай и Линь Дай-юй, которые, по мнению докладчицы, противопоставлены друг другу как про- и антикон-

фушанские линии. О баоцзюань, жанре песенно-повествовательной простонародной литературы Китая, прошедшем путь развития от XVI века до нового времени, содержательный доклад сделала Э. С. Стулова (ЛО Ин-та востоковедения), показав его связь с учениями тайных религиозных сект. Другому жанру, также вошедшему в новое время из предшествовавшего периода, «цзы ди шу», как разновидности разговорно-песенной формы китайской литературы, посвятил свой доклад Н. А. Спешнев (ЛГУ).

В докладе Л. С. Савицкого (ЛО Ин-та востоковедения) речь шла о тибетской литературе XVIII века, которая, однако, еще оставалась типично средневековой, тесно связанной с религиозно-дидактическими установками теократического государства.

Древним периодам было посвящено, помимо уже упоминавшихся, еще несколько докладов. Э. М. Яншина (Ин-т востоковедения) рассказала о сюжетосложении в китайской мифологии, трактуя противоречивость различных версий одного мифа как следствие не искажения «истинного» мифа, а его специфики как произведения устного народного творчества. Интересный вклад в «ишциноведение» сделала С. Г. Лескова (ИВЯ) докладом «Стрельба из лука и управление колесницей в обрядовой песне». Судьбе трех поэтов-вольнодумцев Кун Жуна, Ни Хэна и Цзи Кана был посвящен доклад И. И. Семененко (ИВЯ), подчеркившего антиконфуцианскую направленность их оппозиции, а также соединение в древнем и более позднем Китае «силы государственного аппарата с религиозным фанатизмом и возможность уничтожения политических врагов под видом искоренения ереси».

Доклад Т. П. Григорьевой (Ин-т востоковедения) «Структурное сходство буддизма, даосизма и конфуцианства» был скромно охарактеризован автором как «предварительные заметки». Задавшись вопросом: почему буддизм свободно проник, а конфуцианство так и не адаптировалось в Японии и в то же время они мирно сосуществовали в течение веков — Т. П. Григорьева сделала допущение о структурном сходстве между конфуцианством, буддизмом и даосизмом в их изначальных, древних вариантах. Доклад вызвал бурное обсуждение, в ходе которого столкнулись противоположные мнения, было замечено и то, что история сравнений буддизма с местными учениями началась со времени его проникновения в Китай, что никак нельзя игнорировать (А. С. Мартынов); и то, что доклад призывает смотреть на древневосточную культуру «изнутри», хотя в принципе и объективный взгляд «снаружи» вполне приемлем (Е. В. Завадская); и то, что основная его идея синкретизма учений плодотворна и полезна (О. Л. Финишан).

О буддийской литературе IV—VI веков говорилось в докладе М. Н. Демидовой (Гос. публичная библиотека, Ленинград) «Относительно локализации и миграции китайских рукописей буддийских произведений

периода 6 династий (по материалам дунхуанских коллекций)». Старые фольклорные и литературные традиции и их использование современными монгольскими писателями сделал темой своего доклада Г. И. Михайлов (Ин-т востоковедения). С. К. Розбакиев (Ин-т востоковедения) в докладе «Отражение национально-освободительной борьбы уйгуров Восточного Туркестана в художественной литературе (1760—1917)» рассказал о критике жестокостей цинских правителей, угнетавших Синьцзян, а также об участии самих поэтов в антицинских движениях уйгуров.

Внимание конференции вызвали доклады о современной литературе. Помимо уже названных, следует упомянуть интересный обзор литературы КНР, сделанный В. Н. Ли (ИМЛИ).

Вызвали удовлетворение те доклады, в которых в той или иной степени затрагивались острые проблемы самых последних лет, судьбы китайских художников слова в период «культурной революции» в КНР, судьбы самой литературы. Как верно заметил при обсуждении Б. Б. Вахтин: «Слушая доклады о современности, ощущаешь, что речь идет о «горячем месте», что «литература — наиболее показательная область применения на практике «идей» Мао Цзэ-дуня», и потому выводы литературоведов должны проверить выводы историков».

Л. А. Никольская (ИВЯ) в докладе «О Тянь Хане» рассказала о творческом пути этого крупного драматурга, объявленного во время «культурной революции» «черным бандитом». Е. В. Мальцева (ИДВ) проанализировала патристическую драматургию Хун Шэня, на ее примере показав сущность маоистского отрицания «драмы национальной обороны».

А. Н. Желуховцев (ИДВ) в докладе «Эстетический нигилизм в современном Китае» показал тенденции сегодняшней критики, отрицающей прекрасное в искусстве, развлекаемость и познавательность произведений искусства, утверждающей исключительно утилитаризм, который абсолютизирует сплунутую «борьбу». Возражая тем, кто выразил сомнение, а нужно ли вообще изучать эти новейшие явления, А. Н. Желуховцев резонно заметил, что это, возможно, и не искусство, но вне сомнений — опасность для искусства и, как таковое, требует внимательного анализа.

Хочется надеяться, что на 6-й конференции, которую решено созвать в Ленинграде в июне 1974 года, современная тематика будет отражена еще шире. А пока нам остается ждать выхода в свет сборника трудов 5-й конференции. В него войдут как доклады, прочитанные на конференции, так и те, что были заявлены, но по тем или иным причинам не зачитаны. Этот будущий сборник явится серьезным вкладом в советское востоковедение, стимулирующим и теоретическую мысль, и дальнейшую практическую работу ученых.

Советские литературоведы в ДРВ

В. И. Семанов

доктор филологических наук

5 ноября 1971 года Институт мировой литературы АН СССР направил вьетнамиста Н. И. Никулина и меня на месяц в Демократическую Республику Вьетнам.

За время нашего пребывания в ДРВ мы воочию убедились, с каким непреодолимым упорством и мужеством сражается вьетнамский народ за свободу и независимость Родины. Солдаты Вьетнама хорошо овладели современной военной техникой, которой снабжает их наша страна. На выставке материалов о битвах в Индокитае, открывшейся в июне 1971 года в Ханое, мы видели трофейные американские орудия, танки, вертолеты, многочисленные свидетельства героической борьбы вьетнамских патриотов.

Вместе с тем многие экспонаты рассказывали о варварстве американских агрессоров, которые своей жестокостью ни в чем не уступают гитлеровцам. Об этом говорили фотографии разрушенных вьетнамских деревень, штабеля обезображенных трупов, образцы американских кассетных и шариковых бомб. В одной такой бомбе триста больших «шариков», в каждом из которых по триста маленьких. Все это рассчитано на запугивание вьетнамского народа, но, как показывает жизнь, ничто не может сломить дух свободолюбивых борцов Вьетнама.

На один из главных истоков поразительной стойкости вьетнамского народа указывают слова Хо Ши-мина, которые мы прочитали над входом в ханойский Исторический музей: «Нет ничего превыше свободы и независимости». В этих словах и прошлое ДРВ, и ее настоящее.

История вьетнамского народа ярко отражена в богатых экспозициях ханойского Музея революции, открытого в 1958 году.

Здесь представлены материалы о борьбе против французской агрессии, о создании в 1930 году Коммунистической партии Индокитая, положившем начало новому этапу в национально-освободительном движении в Юго-Восточной Азии, об образовании ДРВ, обо всех последующих событиях истории вьетнамского народа.

Меня особенно заинтересовали материалы о деятельности выдающегося революционера и писателя Фан Бой Тяу. Фан Бой Тяу увлек меня своим неслыхаемым патриотизмом, сочетающимся с интернационалистскими идеями. До того как Фан Бой Тяу встретился с Сунь Ят-сеном и стал духовно близким ему, он испытал немалое влияние со стороны китайского реформатора Лян Ци-чао, и мне хотелось сравнить все эти три фигуры, выявить национальное своеобразие творчества Фан Бой Тяу, а в дальнейшем заняться и другими произведениями на ханване — вьетнамизированном варианте китайского литературного языка вэньянь.

На русском языке о Фан Бой Тяу пока написано крайне мало. Я начал, естественно, с выявления текстов его сочинений, и тут мне очень помогли ученые ДРВ: заведующий сектором средневековой и новой вьетнамской литературы Института литературы Нгуен Ван Хоан и директор Библиотеки общественных наук проф. Ка Ван Тхинь. Они предоставили мне множество произведений Фан Бой Тяу на ханване, в основном рукописных, и вскоре я уже был знаком с его ценнейшей «Автобиографией», «Книгой из тюрьмы», двумя вариантами публицистической «Истории падения Вьетнама» и романом «Взволнованная история Возрожденного блеска», посвященным борьбе против китайского владычества.

Товарищ Нгуен Ван Хоан прочел мне целую лекцию о Фан Бой Тяу и его окружении, познакомил с несколькими библиографиями его произведений, в том числе французской и японской, высказал ценные соображения о соотношении между Фаном и его известным однофамильцем-реформатором Фан То Чинем. Эти консультации продолжили директор Института литературы Даиг Тхай Май, который сам был непосредственным участником вьетнамского революционного движения первой половины нашего века, и сотрудник Института философии Чыонг Тхеу, специально занимающийся творчеством Фан Бой Тяу.

Сложнее всего собрать стихи Фана, так как они рассеяны по многим изданиям. То-

варищ Чыонг Тхеу переписал от руки поэтические тексты, извлеченные им из разных старых журналов во время своей командировки в КНР, и подарил мне.

Это глубоко тронуло меня. Такое же теплое, дружеское отношение к нам было характерно для всех наших вьетнамских друзей, с которыми мы встречались во время пребывания во Вьетнаме. Мы работали непосредственно в книжных фондах, и там нам выдавали абсолютно все необходимые книги, даже разрешали читать их в гостинице — ведь у нас было очень мало времени, всего один месяц. Благодаря содействию вьетнамских коллег, помимо произведений Фан Бой Тяу, я смог познакомиться с весьма богатым китайским фондом Библиотеки общественных наук, а Н. И. Никулин — с рукописями многих еще не опубликованных вьетнамских классических поэм.

Изучение этих рукописей позволяет по-новому осветить развитие важнейшего жанра вьетнамской литературы XIX — начала XX в. Так, например, обнаружилось богатство тематики повествовательной поэмы середины XIX в.: здесь и пародийно-полемические произведения типа «Поэмы о неизысканном человеке» Нгуен Конг Чы, и плутовские книги вроде «Повествования о находчивом хитреце», и явно просветительское, во многом сатирическое «Повествование о монете». Интересны антирелигиозные поэмы середины XIX в., в которых высмеиваются христианские мифы и католики-вьетнамцы. Тогда же складывался особый жанр дидактических поэм, связанный с попытками реставрации конфуцианства.

Кроме новых материалов о вьетнамской классике и литературе ДРВ, Н. И. Никулин смог получить целый ряд южновьетнамских изданий, которых нет в СССР. Правда, при этом выяснилось, что литературоведческая наука в оккупированных городах Юга явно уступает по своему уровню и размаху литературоведению ДРВ. Это касается даже фактической основы исследований, не говоря уже об их методологической базе.

Те уникальные книги, которые мы не успели прочесть, были микрофильмированы; в дальнейшем эти микрофильмы от имени Комитета общественных наук ДРВ будут преподнесены соответствующим библиотекам АН СССР. В свою очередь мы вручили Институту литературы и Союзу писателей ДРВ ряд печатных трудов советских литературоведов и переводов с вьетнамского. Советские научные и художественные издания пользуются среди вьетнамской интеллигенции большим спросом. В числе этих изданий работы Н. И. Конрада по истории и культуре Востока и Запада, книги Д. И. Лихачева о средневековой русской литературе и многие другие труды советских ученых.

Вьетнамские ученые, несмотря на трудности военных лет, достигли значительных успехов в своей деятельности. Например, литературоведы ДРВ уже создали ряд монографий по важным проблемам национальной литературы, о творчестве видных писателей

Вьетнама, а сейчас под руководством директора Института литературы проф. Данг Тхай Мая и его заместителя Хо Тон Чиня работают над академическим изданием истории вьетнамской литературы. Зарубежный отдел этого института выпустил по материалам советских романов о войне книгу «Героический образ» и готовит сейчас вторую часть этой книги — о героях труда. В плане отдела — выпуск целой серии брошюр о крупнейших национальных литераторах и писателях мира.

В Ханойском университете кафедрой зарубежной литературы заведует проф. Хоанг Суан Ни, автор истории русской классической литературы и монографий о Горьком и Маяковском. Теоретик литературы Ле Динь Ки, с которым я встречался, опубликовал книгу «О художественных методах в литературе», а сейчас работает над темой «Общее и частное в современной вьетнамской поэзии». Ле Динь Ки изучает также проблему становления реализма на примере знаменитой поэмы Нгуен Зу «Стенания истерзанной души» (конец XVIII — начало XIX в.). Он интересовался нашими взглядами по этому вопросу и выразил солидарность с теми советскими исследователями, которые относят формирование реализма в европейской литературе к эпохе Возрождения. По его мнению, вьетнамский XVIII век несет в себе немало ренессансных черт, а не только средневековых, как утверждают авторы большинства работ о классическом наследии Востока. Определенное значение для этого периода, как показал в недавно вышедшей книге «Вьетнамская литература» Н. И. Никулин, имеют и просветительские тенденции.

Общение с синологам ДРВ доставило мне немало приятных минут. Это, несмотря на молодость, весьма эрудированные ученые, все они хорошо говорят по-китайски. Синолог Ли Хюи Тьеу, например, интересуется классической поэзией Китая, традиционная китайская эстетика, творчество Лу Синя. В главном вьетнамском литературоведческом журнале «Тапхи ванхаук» он опубликовал статьи о влиянии Бо Цзюй-и на поэтов Вьетнама и о теоретико-литературных взглядах Лу Синя. Молодой поэт-синолог Буй Ван Ба перевел немало стихотворений Лу Синя, Тянь Цзяня, Ли Цзи и других китайских поэтов. Встретился я и с переводчиком прозы Лу Синя — опытным преподавателем Пединститута Чыонг Чинем, который одновременно занимается новой вьетнамской литературой.

В Библиотеке общественных наук ДРВ я обнаружил много китайских книг по истории, географии и культуре Европы и Америки: «Пособие по точным наукам» (1884), «Необходимые познания о математике» (1887), «Собрание переводов по русской истории» (1888), «Новая история великого Запада» (1894) и т. д. Немалая часть книг (особенно те, которые были подготовлены реформаторами или предшественниками реформаторов) считалась исчезнувшей в Китае

во время реакционного дворцового переворота 1898 г., но во Вьетнаме они сохранились. Трудно преувеличить их значение для анализа китайской общественной мысли рубежа XIX—XX вв. для демонстрации сильнейшей тяги тогдашнего Китая ко всему передовому в мировой культуре Запада и России.

Ценные иероглифические тексты, иногда принадлежащие сразу двум-трем культурам Дальнего Востока или Юго-Восточной Азии, хранятся и изучаются в недавно созданном при КОН ДРВ Отделе литературы на *ты-номе*¹ и *ханване*. Здесь и стихи, и отпечатки с каменных стен, и дипломатические документы. Основная задача отдела — перевод этих памятников на вьетнамский язык. В одной только Библиотеке общественных наук их около 10 тысяч.

Кроме этого интересного отдела, мы посетили Институт истории, где беседовали с товарищем Ван Тао, исполняющим обязанности директора института. Он рассказал нам, что в институте свыше сорока сотрудников, но их, конечно, не хватает для исследования всех возникающих проблем, поэтому институт вынужден пока специализироваться главным образом на изучении национальной истории.

В институте четыре сектора: истории древнего и средневекового Вьетнама, новой и новейшей вьетнамской истории, истории Южного Вьетнама и всемирной истории. Сотрудниками института пишется история Вьетнама в нескольких томах, из которых два завершены, а первый напечатан.

Сектор всемирной истории уделяет большое внимание Лаосу, Камбодже, национально-освободительному движению в Африке и Латинской Америке. Из капиталистических стран исследуются прежде всего Япония, Франция и США, но их освещение, как и Африки или Латинской Америки, ведется только в обзорном плане.

Наши вьетнамские коллеги попросили нас сделать подробные доклады об изучении литературы Востока в Советском Союзе. Н. И. Никулин говорил об изучении в СССР вьетнамской литературы, фольклора, о переводах с вьетнамского, а я — об изучении остальных литератур Азии и Африки. Наши

¹ Следующий после *ханвана* вид старой письменности во Вьетнаме. Представляет собой фонетическую запись вьетнамских слов китайскими иероглифами.

доклады привлекли внимание литературно-научной общественности Ханоя. Очень много пришлось отвечать на вопросы. Чтобы ответить на них, мне, например, пришлось затратить втрое больше времени, чем ушло на само сообщение.

Вьетнамских слушателей интересовали наши взгляды на время формирования творческих методов в странах Востока, на социальную базу восточного реализма и его художественные особенности, на соотношение гуманизма в этих литературах с господствующей идеологией (конфуцианством, буддизмом, даосизмом и т. д.), на основные различия между романом Востока и Запада и даже на проблемы древнерусской литературы. Меня просили рассказать также о китайской классической прозе, о том, как оцениваются различные периоды истории китайской литературы советскими учеными.

Кроме информации об уже вышедших советских изданиях по литературам Азии и Африки, мы поделились с аудиторией творческими планами наших востоковедов. Было видно, что вьетнамские товарищи проявляют большой интерес к советской науке.

Мы несколько раз встречались с руководством Союза писателей Вьетнама: Нгуен Динь Тхи, То Хоае, Нгуен Суан Шанем, Те Ханем, Нгуен Хоангом, Хоанг Чунг Тхонгом. Эти встречи способствовали уяснению многих важных проблем, находящихся в центре внимания поэтов и прозаиков ДРВ. Одна из них — воспитание литературной молодежи. Сейчас в Ханое существуют школы молодых литераторов и идет подготовка к открытию первого в Юго-Восточной Азии Литературного института с четырехлетним обучением, программа которого включает углубленное изучение советской литературы и литератур других социалистических стран.

Во время нашего пребывания во Вьетнаме мы убедились в том, что взаимный обмен научными сотрудниками между нашими странами является чрезвычайно полезным делом. Так, например, мы увидели реальную возможность написать совместно с учеными Вьетнама коллективный труд «Проблема традиций и новаторства в литературах Азии и Африки». Это наше предложение было поддержано вьетнамскими коллегами, и по этому поводу уже состоялся обмен письмами между директорами Института мировой литературы АН СССР и Института литературы Комитета общественных наук ДРВ.

События, цифры, факты

Неожиданный конфуз. В декабре 1971 г. в журналистских кругах разных стран появилась брошюра «Вопросы китайско-американских отношений», выпущенная от имени «органа ЦК КПК журнала «Хунци».

Эта брошюра в сентябре 1971 г. поступила в продажу на прилавки китайских книжных магазинов, но тут же была конфискована властями.

Чем же не понравилась эта брошюра маонистам?

В ней резкой критике подвергнута активизация отношений Китая с США.

По сообщениям иностранных журналистов, авторы брошюры пишут, что многим в Китае не нравится проамериканская политика маонистского руководства и что приглашение американского президента в Китай означает не что иное, как капитуляцию перед американским империализмом.

Возникает вопрос: как могла появиться в Китае такая брошюра, открыто нападающая на китайских руководителей.

По мнению иностранных агентств ответ на этот вопрос может быть только один: появление этой брошюры подготовили представители оппозиционных кругов в маонистском руководстве, которые явно встревожены беспринципной сделкой Мао с американским империализмом.

* * *

Факты против клеветы. Пятого декабря 1971 года представитель КНР в Совете Безопасности ООН Хуан Хуа заявил, что в 1962 году Советский Союз якобы инспирировал в Синьцзян-Уйгурском автономном

районе «контрреволюционный бунт». Хуан Хуа не привел никаких фактов, которые хотя бы в какой-то степени подтвердили это утверждение. Это и понятно, так как факты говорят об обратном.

Как хорошо известно, патриоты Синьцзяна без какой бы то ни было помощи освободили значительную часть своего края из-под ига реакционной чанкайшистской клики. Это национально-освободительное движение в Синьцзяне вошло в историю под названием «Революция трех округов». В результате была создана Восточно-Туркестанская Республика. Республика добровольно еще до создания КНР присоединилась к освобожденным районам Китая. Коренное население Синьцзяна рассчитывало, что ему, как это было записано в программных документах КПК, будет предоставлено право на национальное самоопределение вплоть до отделения и создания собственного независимого национального государства. Но пекинское руководство отнюдь не собиралось выполнять свои обещания. Пекинские эмиссары под разного рода предлогами жестоко расправились с героями национально-освободительной борьбы народов Синьцзяна. Выполняя приказ Пекина, местные маонистские власти развернули в Синьцзяне массовую кампанию репрессий под фальшивой ширмой т. н. «борьбы против местного национализма», стали проводить массовые публичные казни.

29 мая 1962 года улицы Кульджи — административного центра Или-Казахского автономного округа — облились кровью ни в чем не повинных женщин, стариков, детей. Они были безжалостно расстреляны из пулеметов ханьской военизированной перед партией комитетом. Кульджа фактически оказалась на осадном положении. По улицам патрулировали танки. Больницы, школы и другие общественные здания были переоборудованы под тюрьмы.

Такова была обстановка в Синьцзяне, когда оттуда хлынул поток беженцев.

Эти факты, разумеется, хорошо известны представителю КНР в Совете Безопасности ООН Хуан Хуа. Они давно уже стали достоянием мировой общественности. Беженцы из Синьцзяна в настоящее время живут в разных странах: в Афганистане, Турции, в Саудовской Аравии и других. И не только из Синьцзяна. Как это признал глава делегации КНР в ООН Цяо Гуань-хуа, тысячи тибетцев вынуждены были покинуть родные края и искать убежища в Индии.

Таковы факты. Но они умышленно обходятся стороной и Хуан Хуа и его шефом Цяо Гуань-хуа.

* * *

Как видно из таблицы, в импорте китайских товаров первое место занимает Гонконг (примерно 40% общей суммы экспорта Китая). Последующие места занимают Япония, Сингапур, Западная Германия, Великобритания, Франция. В экспорте товаров в Китай первое место принадлежит Японии (около 50% китайского импорта), за которой идут Канада, Франция, Западная Германия, Великобритания.

Экспорт Китая в Гонконг за первые восемь месяцев 1971 г. превысил на 18,6% объем экспорта за соответствующий период 1970 г. и составил 203,3 млн. гонконгских долларов. Среди основных статей экспорта были: живой скот (около 16% общей стоимости экспорта в Гонконг), текстильные изделия и ткани (около 14%), фрукты и овощи (около 9%), рыба и рыбные продукты (около 7%), мясо и мясные продукты (около 6%). Доля товаров тяжелой промышленности (чугун, сталь, металлические изделия,

промышленное оборудование, приборы, транспортное оборудование и т. п.) была невелика (около 7%).

Из ввезенных в Гонконг за первые 8 месяцев китайских товаров на сумму 2033 млн. гонконгских долл. было реэкспортировано товаров на 460 млн. гонконгских долл. Реэкспорт направляется в основном в 26 стран: Индонезию, Сингапур, Японию, Швейцарию, Нигерию, Малайзию, Южный Вьетнам, Канаду, Австралию, Панаму, Южную Африку, ФРГ, Гану, Тайвань и др.

Японо-китайская торговля. Общий объем этой торговли составил за первые 8 месяцев 1971 г. 552 млн. долл., что на 1,6% выше цифры 543 млн. долл. за соответствующий период предыдущего года. Особый интерес к расширению торговли с Китаем проявляют японские концерны стали, автомобилестроения, электротехники, фирмы по производству различной техники и машинного оборудования, компании морских перевозок и фирмы по переработке сельскохозяйственного сырья.

В 1970 году Китай импортировал 2,3 млн. т стали. Примерно 1,5 млн. т стали поступило из Японии. В 1971 году пекинские власти провели переговоры с крупней-

Таблица

Торговля Китая в 1971 году.

(в млн. долл.)

Страна	Включ. по месяц	Экспорт Китая	Импорт Китая
Австралия	июль	21,4	9,1
Австрия	июнь	6,4	1,4
Бельгия—Люксембург	июнь	7,5	4,3
Канада	июнь	7,7	99,3
Дания	июнь	5,6	1,7
Финляндия	июнь	6,8	5,4
Франция	июль	35,7	69,7
Западная Германия	июнь	40,0	64,5
Гонконг	август	335,5	5,4
Италия	июнь	32,8	24,9
Япония	август	195,9	356,2
Нидерланды	июнь	13,8	10,5
Норвегия	июнь	2,2	3,0
Сингапур	июль	75,4	8,7
Швеция	июнь	8,8	12,3
Швейцария	июль	9,0	9,0
Великобритания	июль	40,9	30,7
Югославия	март	0,9	0,8
ВСЕГО		846,5	716,8

¹ По данным приложения «Far Eastern Economic Review» — «China trade report», № 10, 1971.

шими металлургическими компаниями Японии: «Ниппон кокан», «Хитати металз», «Айти стил».

Китай снял запрет на торговлю с самым крупным металлургическим концерном Японии «Ниппон стил корпорейшн». «Ниппон стил» была единственной крупной японской компанией по производству стали, которой Пекин не разрешал выходить на китайский рынок.

Во второй половине 1971 года японская компания по производству электротехники «Хитати», имеющая тесные связи с Тайванем и вложившая в развитие его экономики с 1963 года около 4,4 млн. долл., получила заказ из Пекина на поставку газовых турбин на сумму свыше 1,5 млн. долларов.

Японо-китайская ассоциация торговли

техникой сообщала, что общая стоимость проданных ею товаров Китаю за первые 8 месяцев 1971 года составила 62,4 млн. долларов. Первое место среди этой техники занимали машины и машинное оборудование для обработки металла.

Оплату расширяющегося импорта из Японии промышленных товаров Китай намеревается производить за счет вывоза продуктов сельского хозяйства и рыболовства.

Помимо установления связей с японскими концернами и фирмами, Пекин стремится наладить сотрудничество с банками Японии. Первый японский банк, который делегировал своих официальных лиц в Китай, был «Санва». В конце 1971 года совершили деловые поездки в Китай представители еще шести банков Японии.

ЧИТАЙТЕ НОВЫЙ ЖУРНАЛ

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА»

Вы можете подписаться на журнал в любое время и получать его с очередного номера.

Основная задача журнала — освещать политику Советского Союза на Дальнем Востоке, направленную на укрепление мира и безопасности в этом районе.

На страницах журнала найдут отражение вопросы экономики, политики, истории, культуры стран и народов Дальнего Востока.

Значительное место в журнале отводится социалистическим странам Дальнего Востока, экономическим достижениям и росту их международного авторитета, борьбе СССР и этих стран против политики империалистических государств в данном районе.

Издание журнала вызвано растущим интересом советской и мировой общественности к проблемам Дальнего Востока.

Периодичность журнала — 4 номера в год.

Подписная цена на год — 2 руб.

Индекс 70758